

ЧЕЛОВЕК-РАДОСТЬ

*К 100-летию выдающегося ученого,
педагога, просветителя-энциклопедиста
К. Д. Вишневого*

Под редакцией Н. М. Инюшкина

Пенза
Издательство ПГУ
2023

УДК 378(09)
ББК 74.58
Ч-39

Человек-радость : к 100-летию выдающегося ученого,
Ч-39 педагога, просветителя-энциклопедиста К. Д. Вишневого /
под ред. Н. М. Инюшкина. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. –
188 с.

ISBN 978-5-907666-14-6

Книга рассказывает о жизнесложении и многогранной творческой деятельности К. Д. Вишневого – выдающегося ученого-литературоведа, педагога, краеведа, просветителя-энциклопедиста.

Яркий и добрый след, оставленный в памяти и сердцах тех, кто учился у Кирилла Дмитриевича, работал и общался с ним, подтверждают их воспоминания в предлагаемой широкой читательской аудитории книге.

УДК 378(09)
ББК 74.58

ISBN 978-5-907666-14-6

© Пензенский государственный
университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

Инюшкин Н. М.

ЖИЗНЕСЛОЖЕНИЕ КИРИЛЛА ВИШНЕВСКОГО 5

Часть II

ВСПОМИНАЕМ С УВАЖЕНИЕМ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ

Горланов Г. Е.

ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТЬ, ТРУДОЛЮБИЕ,
НЕУСПОКОЕННОСТЬ..... 127

Шигин Б. В.

«ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЁ» 133

Рассказова Л. В.

ЧЕЛОВЕК-РАДОСТЬ 147

Пранцова Г. В.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УНИКАЛЬНОМ ЧЕЛОВЕКЕ..... 150

Христоролюбова О. В.

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА 157

Пугачёв О. С.

«ВЕСЁЛАЯ НАУКА»..... 158

Малязёв В. А.

ЗОЛОТЫЕ МГНОВЕНЬЯ ПАМЯТИ..... 163

Куликанов А. В.

КАК НАПИСАЛ, ТАК И БЫЛО... 167

Инюшкин Д. Н.

«ТЫ СМОТРИ!...» 169

Шмелькова В. В.

О ПРОФЕССОРЕ МУДРОМ И ДОБРОМ..... 172

<i>Чубарь О. В.</i>	
УЧИТЕЛЬ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ.....	174
<i>Викторова Е. В.</i>	
ПРОСТО О СЕБЕ И ВОСХИЩЁННО О ЖИЗНИ.....	176
<i>Мешкова Л. Н.</i>	
УЧИЛ ЦЕНИТЬ ЖИЗНЬ.....	178
<i>Шишкин И. С.</i>	
КОЛЛЕКЦИОНЕР-НАСТАВНИК.....	181
Сведения об авторах.....	186

Часть I

Н. М. Инюшкин

ЖИЗНЕСЛОЖЕНИЕ КИРИЛЛА ВИШНЕВСКОГО

Первого сентября 1954 г. на свою первую лекцию в Пензенском педагогическом институте вышел только что принятый на должность старшего преподавателя молодой кандидат филологических наук К. Д. Вишневский.

Первой вузовской лекцией была она и для тех, кто стали студентами историко-филологического факультета и заполнили актовый зал учебного корпуса на улице Чкалова.

Доброй волею судьбы оказался среди первокурсников и автор этих строк, конечно, не ведавший тогда, что с человеком, повествующим с кафедры о русском фольклоре, на десятилетия свяжет его содружество, сотрудничество и сотворчество. Но это случилось. И потому беру на себя смелость с помощью многих знавших, уважавших и любивших Кирилла Дмитриевича постараться рассказать о его удивительном «жизнесложении», о ярком и добром следе, оставленном в литературоведении, педагогике, культуротворчестве, краеведении, в благодарных сердцах тысяч его учеников.

Вот и композицию, и стилистику этой книги рискну в чем-то уподобить многогранности личности, органически соединявшей в себе исследовательский академизм в познании архитектоники русского стиха, способность живым и понятным словом увлечь аудиторию в мир культуры, деятельностью приобщить слушателей и читателей к её многообразию – и, конечно, светлый дар дружеского общения с теми, кто был с ним по жизни.

Так что пусть найдётся в этой мозаике место и фрагментам из богатой панорамы книг и статей К. Д. Вишневского, и оценкам его деяний, и живым воспоминаниям о встречах и контактах с человеком, до конца дней своих гордившимся словом «пензяк». Ведь не случайно последняя книга Кирилла Дмитриевича, вышедшая в свет накануне его 90-летия, так и называется – «Пенза и пензяки. Воспоминания о довоенных годах» (Пенза, 2013).

Она многоцветна, жизнерадостна, остроумна, в чем-то поучительна и в XXI в. Много интересного узнает читатель, открыв для себя панораму повседневного бытия типичного пензенского подростка тех лет.

Конечно, не обошёлся автор-пензяк и без того, чтобы кое-что поведать и о своей родословной. Читаешь первые строки главы «Родословная» и ещё раз убеждаешься, как последовательно стремился Кирилл Дмитриевич к точности своих суждений.

«Настоящий пензяк никогда себя пензенцем не назовет, если, конечно, не будет манерничать.

Меня вправе спросить: а кто же такие «настоящие» пензяки? Кто может претендовать на этот неофициальный, но почётный титул? А сам-то ты настоящий или нет?

Кто же его знает? Наверное, это относится к старожилам – не только к тем, кто прожил в нашем крае, в нашем городе много лет, но и к тем, у кого родословные корни связаны с Пензой. Стало быть, речь идёт о династиях пензяков.

Увы, таких мало. И я сам не могу претендовать на сей титул с полным правом. Хоть и родился в 1923 г. в Пензе, здесь учился, постоянно живу, но родители мои обосновались в нашем городе только в 1913 г.» (Пенза и пензяки, с. 197).

Именно в этом году Дмитрий Петрович Вишневский, врач-отоларинголог, был приглашён на должность заведующего медчастью Пензенского переселенческого подрайона. Родом он был из села Ржава Курской губернии. После учёбы в Курской духовной семинарии и на медицинском факультете Харьковского университета в 1911–1913 гг. работал земским врачом в слободе Белой Курской губернии.

В подробности приглашения в Пензу вникать не будем – все это есть в книге. Но сразу скажем, что именно на новом месте медицинской службы Дмитрий сблизился с Ольгой Прокофьевной Бойко, тоже недавно приехавшей в Пензу и работавшей в том же переселенческом учреждении. Кстати, дом, в котором оно находилось, до сих пор сохранился, и его можно увидеть на улице Лермонтова (Садовая), 13.

Жаль, что не сохранился дом № 10 на той же улице Садовой, где у Дмитрия и Ольги, ставших супругами, родился 18 апреля 1923 г. младший сын, нареченный Кириллом.

Пространство провинциального города, в котором прошли детство, отрочество и ранняя юность, невелико по масштабам. Однако увиденное и описанное тем самым Кириллом почти через 90 лет оказывается как критической оценкой, так и благодарностью за многое доброе.

Это не только грани противоречивой советской культуры довоенных лет, оставившие след в душе мальчишки из интеллигентной

провинциальной семьи, но и окрепшие за десятилетия нити душевных связей с четырьмя одноклассниками из школы № 4, ставших неотъемлемой частью жизни. В книге воспоминаний К. Д. Вишневский поделил их аббревиатурами.

«Аббревиатурой ЮЗ я обозначаю Юру Зубова – Юрия Сергеевича, профессора, доктора наук, академика Международной академии информатизации, заведующего кафедрой Московского института культуры.

ЕМ – это Женя Майстрович, Евгений Иванович, главный инженер одного из московских заводов.

АИ – Толя Иванов, Анатолий Михайлович, полковник Генерального Штаба Советской армии.

И только Льва Филипповича Кочеткова, двадцатилетним ушедшего от нас, я буду звать по имени – Лёва.

Интересно, что ни у кого из них не было «отфамильных» прозвищ. Мы также никогда не обращались друг к другу по фамилии.

И ещё одно: при встречах и расставаниях никогда не подавали друг другу руки, мотивируя это тем, что с родными за руку не здороваются, а мы поклялись быть братьями и настояли на том, чтобы впоследствии наши дети называли нас «дядя Кира», «дядя Женя», «дядя Юра», «дядя Толя».

Ещё в школьные годы мы наивно, очень упорно мечтали о том, что в будущем построим большой дом и будем там все жить вместе со своими семьями, которые должны будут к этому времени непременно появиться».

Ну а семья будущего своего семейства для «Кирыча», как его тогда кликали, оказалось посажено в те же годы в той же школе. Ведь его одноклассницей была и Аня Маркова, ставшая волею судьбы Вишневской через несколько лет и оставшаяся такой до конца дней.

Однако, чтобы так сложилось, предстояло пережить ещё и «сороковые роковые». Давайте ещё раз заглянем в книгу о пензяках.

«22 июня утро было ясное солнечное, только после полудня чуть-чуть покрпало. Но с утра хорошо было: вчера повеселились, вечер-то был невыпускной, мы (я и мои дружки) закончили только девятый класс. Но все равно: сидим на излюбленном месте, на скамейке напротив нынешней картинной галереи (тогда здесь был горисполком), и думаем, куда девать два месяца чудесного безделья.

Это прояснилось быстро. На столбе, что напротив здания облвоенкомата, висел репродуктор – здоровенная такая четырехгранная труба. Нам видать, что народ остановился возле. Ну, мы

туда. Остальное не нужно повторять – Молотов говорил, заикаясь, но довольно твёрдо: "Война".

Не помню, то ли в этот день, то ли на завтра в ДК имени Дзержинского был открыт призывной пункт. Вот мы и отправились туда (о, святая простота!) и потребовали, чтобы из нас (обязательно всех вместе) создали... танковый экипаж!!!

Пожилой майор (наверно, из запаса) даже не улыбнулся, только сказал: "Идите, мальчики, ещё успеете, навоеуетесь!..."

Не сразу, но навоевались.

Но сначала всех школьников старших классов отправили на различные предприятия. Я работал на заводе № 163 – это нынешний "Электроприбор", "Эра". Делали мы хвостовые колеса и костыли для самолётов (это сначала, потом стали собирать и другое). Был я учеником токаря.

Занимались мы военной подготовкой, рыли окопы вокруг Пензы – это уже осенью. Потом меня призвали и зачислили кандидатом в училище. В июне 1942 г. я отбыл на четыре месяца в Ульяновск, а потом на фронт. Фронт был один и тот же, только названия менял: Брянский, Центральный, Белорусский, одним словом, у Рокоссовского. Если нужны боевые эпизоды, он хорошо о них написал в книге "Солдатский долг" – это подвиг 3-й истребительной противотанковой артиллерийской бригады, стоявшей вмертво на позиции под знаменитой Ольховаткой летом 1943 г., на Курской дуге. Я оказался несколько причастен к этому сражению (нет-нет, не стрелял, а был офицером связи, была такая должность, вроде посыльного: доберись, посмотри своими глазами, вернись и доложи...). Получил медаль "За боевые заслуги", первая награда...

Добавим, что гвардии старший лейтенант К. Д. Вишневский помимо этой медали был награждён орденом Красной звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга». Войну закончил в Германии. «В мае 1945-го, через несколько дней после окончания войны, – вспоминал Кирилл Дмитриевич, – мы, несколько сослуживцев, побывали в Берлине. Конечно, в первую очередь отправились посмотреть рейхстаг – теперь-то на весь мир знаменитый, с колоннами, где оставили свои автографы те, кто брал город. Один из сослуживцев сказал мне:

– Смотри-ка, твои земляки! Ну и шустры ребята!

Я не сразу разглядел надпись на колонне: "А мы из Пензы!"

"Шустрых пензенских ребят" было неисчислимо, и не только в Берлине».

В оккупированных войсках старший лейтенант К. Вишневский служил до 1947 г., а вернувшись после демобилизации в родной город, стал студентом факультета русского языка и литературы Пензенского педагогического института.

Любовь к литературе пришла к Кириллу с детства. Научившись читать ещё до школы, мальчик рос в атмосфере семьи, где книги – а их в доме было немало – являлись неотъемлемой частью бытия. Добавила этого чувства и школа № 4, где образцом знания и понимания литературы была В. В. Покровская, педагог высокой культуры.

Знаток истории регионального вуза И. Ф. Шувалов справедливо отмечает, что студенческие годы (1947–1951) К. Д. Вишневского пришлись на время, когда Пензенский институт постепенно становился на ноги как высшее учебное заведение после трудностей военных лет.

Проходит стабилизация учебно-воспитательной работы: начинают работать студенческие научные кружки, развивается художественная самодеятельность, спорт, проводятся первые научные конференции в вузе, которому в 1948 г. было присвоено имя В. Г. Белинского. Не только свидетелем, но и активным участником этих событий был Кирилл Вишневский. Учился он отлично, и после окончания института его как одного из лучших выпускников факультета отправляют в аспирантуру в МГПИ. Аспирантура была закончена продуктивно.

Тридцатого июня 1957 г. после успешной защиты диссертации на тему «Петербургские повести Н. В. Гоголя» учёный совет МГПИ присвоил К. Д. Вишневскому учёную степень кандидата филологических наук.

После такой информации можно возвращаться к тому самому 1 сентября 1954 г., когда прозвучала первая лекция преподавателя-новичка, а автор этих строк не просто узнал этого удивительного человека, но с годами все больше чувствовал, насколько важны, поучительны и привлекательны многообразные жизненные контакты с ним.

Шестьдесят лет таких контактов позволяют, не отталкиваясь полностью от хронологического аспекта, выделить и рассмотреть наиболее важные компоненты духовного наследия ученого, педагога, просветителя, краеведа, энциклопедиста, театрала, друга.

Исследователь

В списках авторов научных трудов, опубликованных в 1980-е гг. в Оксфордском университете, американском Колумбусе, после

международного симпозиума в Лос-Анджелесе, можно увидеть и фамилию героя этой книги. На работы К. Д. Вишневского, вошедшие в научный оборот, ссылались и цитировали известные советские ученые – член-корреспондент АН СССР Л. И. Тимофеев, академик Д. С. Лихачев, сотрудники института Мировой культуры АН СССР М. Л. Гаспаров и Б. И. Гончаров, зарубежные ученые – Дж. Смит (Англия), Д. Бейли и К. Тарановский (США), Р. Кунчева (Болгария), Б. Шерр (Бельгия), Я. Лили (Новая Зеландия).

Какая же область литературоведения сделала пензяка столь известным в широкомасштабной ученой среде?

Это было стиховедение, изучающее звуковую форму поэтических произведений.

В трудах К. Д. Вишневского, популяризирующих такое научное направление, читатель найдет убедительные суждения о том, сколь важную роль играет в поэзии стиховая форма.

«Ритмическая организация, рифма, всевозможные созвучия, паузы, переносы, повторы, целый ряд других свойств в поэзии необычайно важны: они облакаются в звучный стих и вместе с содержанием оказывают на нас сильное воздействие, вызывают у нас особое эстетическое ощущение, делают мысль поэта выпуклой и запоминающейся».

Стих должен звучать. Конечно, далеко не всегда мы произносим стихотворение вслух, наверное, даже чаще читаем «про себя», молча. И тем не менее в нашем сознании стих звучит. И чем отчетливее, тем больше произведенное им впечатление» (Вишневский К. Д. Мир глазами поэта. М., 1979. С. 130).

Стиховая форма, организация стиха стали с начала 1960-х гг. главной темой научных исследований молодого доцента Пензенского пединститута. Конкретизацией познавательного интереса в весьма обширной сфере литературоведческого познания явилась малоизученная область исторической поэтико-стихотворной формы русской поэзии XVIII–XIX вв. в связи с различными литературными направлениями этого периода.

Что же было стимулом такого интереса, что «подтолкнуло» К. Д. Вишневского именно на эту стезю?

Конкретного ответа в его трудах не найти, а вот сочетание субъективных впечатлений тех лет и перечня акций энтузиаста стиховедения видится вполне достоверной подсказкой.

Это любовь к М. Ю. Лермонтову, искренний интерес ко всем граням его жизни и творчества.

Такое отношение удалось почувствовать в июле 1958 г., когда в канун очередной годовщины трагической гибели поэта Кирилл Дмитриевич пригласил меня отправиться с ним в Лермонтовский музей в Тарханах. Там должно было состояться общественное мероприятие, конечно, несоразмерное с нынешними Лермонтовскими днями поэзии и научными конференциями. Но, тем не менее, с пензенской делегацией ехал и уже тогда знаменитый лермонтовед В. А. Мануйлов.

Уже живой диалог К. Д. Вишневского и гостя из Ленинграда в автобусе стал свидетельством того, насколько в словах моего учителя выразительно сочетаются эмоциональное и рациональное стремления к познанию лермонтовского наследия.

По прошествии многих лет достоверно описать участие и выступление гостей на собрании местных жителей и немногочисленных посетителей музея не смогу, однако отмечу, что после той поездки Кирилл Дмитриевич стал весьма активным участником научно-просветительских мероприятий в Тарханах и Пензе.

В шестидесятые годы самыми масштабными были мероприятия, связанные со 150-летием М. Ю. Лермонтова, среди которых весьма важной была Всесоюзная Лермонтовская научная конференция, состоявшаяся в Пензе. Состав её участников, конечно, был несравним с тем экспромтом 1958 г., о котором выше шла речь. Прибыли мастера-литературоведы, в том числе из-за рубежа, что по тогдашним меркам было непривычно для провинции. Пензенские литературоведы на форуме не были столь заметны, как знаменитый на всю страну Ираклий Луарсабович Андроников, но свой вклад в познание наследия великого поэта тоже внесли. Зримым воплощением этого стал сборник статей, посвящённых юбилею, изданный в ПГПИ им. В. Г. Белинского в 1965 г.

Именно в этом сборнике была опубликована первая стиховедческая работа К. Д. Вишневского «Строфика Лермонтова». Предваряя свое солидное исследование, автор отмечает, что в разработке вопросов истории и теории русского стихосложения строфике уделено очень мало внимания. Касается это и творчества Лермонтова, его специфики. Любопытно, что, утверждая это, Кирилл Дмитриевич ссылается на упомянутого выше В. А. Мануйлова, с которым сблизился в Тарханах.

«...Лирика Лермонтова изучена до сих пор недостаточно... Для лучшего понимания стиха Лермонтова необходимо систематически изучать его строфику» (В. А. Мануйлов, М. И. Гиллельсон, В. Э. Ваууро. М. Ю. Лермонтов. Л., 1960. С. 151).

К. Д. Вишневский осознавал, что для решения данного вопроса нужен большой систематический труд многих исследователей. Целью своей статьи поставил создание сводного каталога строфических форм, использованных Лермонтовым, и краткий анализ истории той или иной строфы в русском стихосложении до 30–40-х гг. XIX в., т.е. до применения её в практике поэта.

До начала этой работы, обозначив разные аспекты толкования строфы, пензенский стиховед написал, что «мы могли бы рассматривать строфу как определённое количество информации, заключенное в определённом сочетании стихотворных строк...» (Вишневский К. Д. Строфика Лермонтова. Творчество М. Ю. Лермонтова. Пенза, 1965. С. 10).

С точки зрения Вишневого, «правильнее всего рассматривать строфу как промежуточный элемент стихотворного произведения, находящийся на стыке композиционных средств вообще и средств организации стихотворного речи» (там же. С. 2).

Пересказывание описаний строфических форм Лермонтова, произведённых пензенским стиховедом, не входит в нашу задачу, но представляется важным отметить один исследовательский подход, который будет реализовываться и в последующих научных трудах К. Д. Вишневого.

Это тщательный статистический анализ стихотворного наследия каждого автора, позволяющий с максимальной достоверностью выявить и проследить определённую закономерность и тенденции исторического бытия поэта.

Так в статье «Строфика Лермонтова» учтено 509 стихотворных произведений, включая поэмы, драмы в стихах, черновые издания «Демона», а также вставные формы в прозаических произведениях, драмах и некоторых поэмах, что составляет свыше 32 тысяч стихотворных строк. Некоторые произведения, состоящие из частей, различающихся метром или способом рифмовки, разделены на самостоятельные куски, учтены отдельно и вошли в общий счёт стихотворных произведений.

Опора на эти статистические данные, воплощенные и опубликованные в обширном каталоге строфических форм Лермонтова, состоящем из семи разделов, обеспечила достоверность наблюдений и выводов автора исследования.

«Лермонтов сильно двинул вперёд развитие русской строфики. Пожалуй, до экспериментов в поэзии конца XIX – начала XX в. никто из русских поэтов не сумел так обогатить русское стихосложение. Заслуга Лермонтова особенно велика потому, что выступает

после Пушкина, который, казалось бы, исчерпал строфические возможности. Впрочем, именно опыт Пушкина толкнул поэта на поиски новых строф» (там же. С. 16).

В завершение своего труда К. Д. Вишневский делает вывод о том, что отрыв традиционной строфической формы от традиционного жанра, начавшийся в творчестве русских поэтов ещё в XVIII столетии, у Лермонтова обнаруживается в полной мере. В создании или применении той или иной строфической формы, утверждает автор, решающую роль играют не жанровые признаки, а внутреннее эстетическое чувство поэта. Критерии индивидуального порядка... «Многие его находки были столь неожиданными и непривычными для современников, что только через много лет вошли в русский стих в качестве норматива. И ещё многое в лермонтовском стихе не изучено достаточно и не взято на вооружение поэзии» (там же. С. 95).

Доброе эхо исследования, написанного и опубликованного в Пензе, отозвалось во всем стиховедческом пространстве. Как одно из подтверждений тому приведём письмо, присланное директору ПГПИ В. И. Милосердову из академического Института русской литературы (Пушкинского дома) в марте 1967 г.

Глубокоуважаемый Василий Иванович!

Лермонтовская и стиховедческая группы Института русской литературы Пушкинского дома АН СССР благодарят Вас за то, что Вы командировали на конференцию, посвящённую изучению стиха Лермонтова, заведующего кафедрой литературы Вашего института тов. Вишневского Кирилла Дмитриевича.

Тов. Вишневский выступил с докладом «Лермонтов и строфическая традиция 18 века». Все выступавшие в прениях отметили научную, методологическую ценность и содержательность доклада К. Д. Вишневского.

Личные контакты стиховедов и лермонтоведов оказались весьма плодотворными, и мы надеемся, что тов. Вишневский К. Д. и в дальнейшем будет принимать участие в работе Лермонтовской и стиховедческой групп.

Директор института, член-корр. АН СССР В. Г. Базанов.

Руководитель Лермонтовской группы В. А. Мануйлов.

Руководитель стиховедческой группы В. Е. Холшевников.

Годы спустя тематика и находки первого стиховедческого труда К. Д. Вишневского найдут отражение в уникальной «Лермонтовской энциклопедии», изданной в 1981-м. Это была статья «Стихосложение Лермонтова» с приложениями, информирующими читателя о строфических моделях и метрических формах произведений поэта.

Новинкой в публикации являлось статистически выраженное сравнение стихосложений Лермонтова и Пушкина в метрике, употреблении смешанных форм стиха, строфике, каталектике.

Но у первого стиховедческого труда, инициированного любовью и глубоким интересом к творчеству Лермонтова, в жизни пензенского ученого была и ещё одна важная функция.

Он явился своеобразной отправной точкой, методологической опорой для широкомасштабного исследования проблем истории и теории русского стиха XVIII – первой половины XIX в.

В 60–70-е гг. XX в. К. Д. Вишневский опубликовал целую серию статей, свидетельствующих о последовательном движении от конкретики анализа творчества русских поэтов к последующим научным обобщениям. Не претендуя на полноту перечисления публикаций, приведём некоторые их названия.

Это «Введение в стихотворную технику 19 века», «Жанровая и стилистическая роль строфы десятилетия», «Закон ритмического соответствия в разных строфах», «Стих Радищева», «Стихотворная техника поэтов-декабристов», «Становление трехсложных размеров в русской поэзии», «Метрика Некрасова и её жанрово-экспрессивная характеристика», «Введение в строфическую технику 19 века», «Строфа и жанр», «Русская метрика 18 века».

В начале 1970-х гг. информационные потоки этих трудов плодотворно вылились в фундаментальное монографическое исследование, обретшее форму диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. Идею эту поддержали на кафедре русской литературы Ленинградского государственного университета и в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Своеобразным научным куратором труда доцента из Пензы стал известный литературовед, член-корреспондент АН СССР, профессор Л. И. Тимофеев.

Защита диссертации на тему «Русский стих 18 – первой половины 19 века. Проблемы истории и теории» успешно состоялась осенью 1975 г. в Москве на заседании ученого совета Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

Погружаться в глубину двухтомного труда, вдаваться в специфические особенности и подробности стиховедческого исследования в наши задачи не входит. Но все же некоторые важные и понятные не только специалистам аспекты попробуем выделить, опираясь на текст автореферата диссертации.

Уже при постановке проблемы, выносимой на рассмотрение, К. Д. Вишневский задаётся вопросом, какие именно элементы формы стиха и в какой степени являются носителями семантических свойств. Диссертант считает, что достаточного фактического материала для ответа на него накоплено очень немного.

Поэтому автор и предпринял попытку детально изучить историю развития стиховых форм, с тем, чтобы на основании точных данных предложить свою концепцию истории и теории русского стихосложения и его места в литературном процессе.

Отвлекаясь от информации, содержащейся в автореферате, на основании собственных наблюдений и контактов могу сказать, что многолетняя и весьма трудоемкая работа по учёту и систематизации многочисленных и разнообразных форм метрики, строфики и архитектоники была той частью жизни Кирилла Дмитриевича, от которой он не отступал.

Год от года росла мало понятная дилетантам уникальная картотека, где на специальных бланках по разработанной составителем схеме (ритмика, метрика, строфика, рифма и т.д.) к моменту защиты диссертации было зарегистрировано 20 503 стихотворения, состоящих из 1 247 562 строк. Авторами этих произведений были 75 русских поэтов от Тредиаковского и Ломоносова до Никитина и Некрасова.

В наше время эта картотека является экспонатом пензенского литературного музея, а в «Пензенской энциклопедии» ей посвящена специальная статья.

Однако огромный объем многогранной систематической информации, содержащейся в уникальной картотеке, был накоплен Кириллом Дмитриевичем для фактологического обоснования наиболее важных выводов, к которым приходит диссертант.

В исследовании доказывається, что стих в широком смысле выступает как мощное экспрессивное средство, он подчёркивает нюансы эмоционального выражения, способствует организации интонационной волны; чрезвычайно важно значение стиха как своеобразного каркаса для построения синтаксических конструкций – и размер, и строфа могут быть удобны и неудобны для определенных типов предложения. В стихе находят отражение

стилистические особенности поэзии данного периода и личные склонности поэта.

К. Д. Вишневский приходит к обоснованному фактологически выводу, что ни один из элементов стиховой формы не имеет «узкой специализации», не несёт в себе каких-то конкретных значений. Все они воспринимаются лишь на фоне содержания, под влиянием определённых ассоциаций. В диссертации проанализированы, как более типичные, случаи ассоциативных связей с жанрово-тематической сферой.

Диссертант полагал, что один из важнейших моментов его исследования состоит в убеждении, что стихотворная форма не является чем-то изолированным и застывшим.

Представляя собой определённую систему, она, в свою очередь, входит как составная часть литературного процесса в систему более высокого порядка, где взаимодействуют эпоха (социальная действительность), классовые противоречия, идейная борьба, литературная среда с её направлениями и вкусами, автор и его произведения, читатель и критик.

К. Д. Вишневский утверждает и подтверждает, что различные элементы стихотворной формы не безучастны по отношению к содержанию. Они активно взаимодействуют также с другими категориями художественной формы в процессе воплощения художественного замысла. Однако связи здесь чрезвычайно сложны и многосторонни.

Члены ученого совета Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР согласились с тем, что проводимое диссертантом исследование не замыкает его в кругу частных проблем, а материал, впервые вводимый в научный оборот, и ряд обнаруженных закономерностей в жизни и истории стиха позволяют шире взглянуть на существенные стороны литературного процесса; здесь намечаются точки соприкосновения и с другими областями художественного творчества.

Двадцать пятого июня 1976 г. решением Высшей аттестационной комиссии при Совете министров СССР Кириллу Дмитриевичу Вишневскому была присуждена учёная степень доктора филологических наук.

Конечно, эта акция явилась важной для социального статуса доцента из провинциального педвуза, где докторов наук в те годы было совсем немного. Заметим, ещё до официального утверждения докторской степени кафедра советской литературы, где тогда работал К. Д. Вишневский, просила учёный совет Пензенского

педагогического института избрать его на должность профессора по специальности «Теория литературы».

Так и случилось, но авторитету доктора наук и профессора в широкомасштабном пространстве мирового стиховедения способствовали главным образом не звания и степени, а научный потенциал уникального информационного поля статистических исследований, достойных внимательного изучения специалистов.

Именно на конец 1970-х – начало 1980-х гг. пришлось зарубежные публикации российского ученого, о которых упоминалось в начале этой главы, но и это не все. Стоит для примера назвать весьма солидную публикацию «К вопросу об использовании количественных методов в стиховедении» в сборнике, вышедшем в 1977 г. в московском издательстве «Наука». Органической частью книги «Исследования по теории стиха», изданной Институтом русской литературы Академии наук СССР, стала статья К. Д. Вишневского «Архитектоника русского стиха 18 – первой половины 19 века».

Мысли пензенского литературоведа воплощались не только в печатной форме, но и звучали во время авторитетных научных конференций, куда Кирилла Дмитриевича охотно приглашали. По данным, опубликованным в «Пензенской энциклопедии», К. Д. Вишневский сделал на них более 40 докладов.

Однако в истории науки, просвещения, культуры родного края, в доброй памяти тех, кто учился и работал с героями нашего ремесла, он остался не только уникальным специалистом в сфере стиховедения, но и удивительно многогранной личностью. Одна из таких граней – просветительство.

Просветитель

Пусть своеобразной ниточкой, связывающей эту главу с предыдущей, станет книга, которую бережно хранит мой сын. Она была подарена, когда ему было 14 лет, с надписью, приводимой полностью:

«Моему другу – Дмитрию Инюшкину – от автора. Док. 6 августа 1979 года. Это первый дарственный экземпляр из всего 100-тысячного тиража».

Про дружбу автора-Дока с нашей семьёй пока промолчу, но в том, что первый экземпляр большого тиража был подарен школьнику, есть немалый смысл. Ведь книга К. Д. Вишневского «Мир глазами поэта», опубликованная в московском издательстве «Просвещение», была адресована учащимся.

Забегая вперед, скажу, что годы спустя юный читатель, ставший учителем литературы в родной для себя школе № 4, не раз черпал много полезного и интересного из живого источника информации, каким было и остаётся подаренное учебное пособие.

Если в стиле аннотации охарактеризовать просветительский труд доктора филологических наук, то можно сказать, что в книге в популярной и увлекательной форме освещается сущность поэзии как искусства, излагаются основы поэтики стихотворных произведений.

Но этого, конечно, мало. Осознанно или подсознательно любой читатель умением автора книги оказывается вовлеченным в систему факторов бытия художественного произведения, взаимосвязь которых и обеспечивает его качество и эмоциональность восприятия.

Одаренный педагог, всю жизнь свою тонко чувствующий, как воспринимает его слово слушающая или читающая аудитория, нашёл композиционно и стилистически форму построения текста, обеспечивающую решение этой задачи.

Показательно уже название первой главы, настраивающее читателя на специфику восприятия мира художественной литературы, – «Бурлящая тишина». Вот один из фрагментов самого начала.

«Александр Блок написал:

"...А в шкафу дремали книги..."

Дремали! Какая глубокая мысль, великолепная по своей ёмкости и тонкости: на книжной полке книги не спят – они именно дремлют до поры до времени, чтобы взорваться фейерверком блестящих мыслей, бить в набат, грохотать оружейной канонадой, звенеть весенней каплей или перезвоном кузнечных молотов. Прикоснувшись к книге и сняв с неё покров молчания, мы многое услышим:

"Шепот, робкое дыхание,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья..."

Мы увидим:

"Ничем не усыпленным взглядом,
Как лошадей пуская вплавь
Отряды скачут за отрядом"»

(Вишневский К. Д. Мир глазами поэта. М., 1979. С. 7–8).

И вот логика дальнейшего изучения особенностей бытия «разбуженного» печатного слова ведёт читателя к осознанию и пониманию необходимых взаимосвязывающих компонентов художественного произведения.

К. Д. Вишневский убедительно показывает, что одно настоящее произведение искусства не создаётся «просто так». И мысли автора по поводу того, что он нам поведал, его оценка событий, его отношение к излагаемому – это есть то, что называется идеей произведения. Не будет идеи, значит, нет и художественного произведения.

В разделе первой главы, посвященном художественному образу, не только обосновывается традиционная точка зрения на разную природу поэтического творчества, но и прослеживается механизм возникновения образа. О первом этапе К. Д. Вишневский пишет: «Прежде всего, художник, писатель должен сам отчётливо представлять себе зрительный образ, видеть своими глазами то, что хочет изобразить» (там же. С. 24).

Вторым этапом является поиск точного слова (т.е. детали, интонации, жеста, даже умолчания), передающего увиденное поэтом. Глава, в которой рассматривается проблема поиска такого слова, названа автором «Мастерская слова». Исследователь утверждает: «Если писатель нашёл детали главные, определяющие предмет или явление, если он сумел точно их охарактеризовать, то схожую картину увидит и читатель» (там же. С. 25). Вместе с тем дальше разъясняется, что конкретная картина, изображенная поэтом, является в то же время обобщенной картиной. Эта же обобщенность даёт значительную свободу читательскому воображению. Так, по мнению К. Д. Вишневского, совершается очень важный акт сотворчества, без которого невозможно глубокое восприятие поэзии. В этом и заключается сила художественного образа.

Представление о специфике художественной образности будет неполным, если не уточнить отличия стиха от прозы. И автор убеждает читателя в том, что главная отличительная черта стиха в том, что: «Стих – это особая речь с повышенной эмоциональностью, со стремлением воздействовать на чувства человека концентрированным «зарядом» экспрессивных, изобразительных средств... эти средства в стихе гораздо "заметнее", чем в прозе, поэт сгущает их, насыщает ими речь» (там же. С. 44–45).

К. Д. Вишневский обращает внимание читателя на то, что стихотворная речь в принципе является более организованной

в ритмическом отношении, чем прозаическая. Ритмическая организация делает изобразительно-выразительные средства более выделенными и подчеркнутыми, сама нередко становясь одним из таких средств.

Логика погружения читателя в мир поэзии породила третью главу книги – «Звучащий стих». Верный решению своей просветительской задачи, автор доступно и интересно поясняет, зачем каждому читателю, развивающему свой вкус, нужно пройти небольшой стиховедческий ликбез. Настаивая на звучащей природе стиха, литературовед объясняет, почему это столь важно.

«Не слышать поэтическое произведение, стих со всеми его звуковыми эффектами – ритмом, переключкой звуков – это значит не испытать полную силу эстетического наслаждения. Иной раз именно через звучание доходят до нас нюансы тонкой и глубокой мысли» (там же. С. 131).

Рассказывая о разных элементах стихотворной техники, К. Д. Вишневский подчеркивает, что пристальное внимание к форме как таковой может привести к искаженному пониманию содержательности стиха. Это одна из важных идей в книге знатока архитектоники русского стиха XVIII – первой половины XIX в. Он обоснованно разъясняет читателю, что никак нельзя закрепить тот или иной размер за специфической областью мыслей и чувств, считать, будто один вид стиха «пригоден» для каких-то жанров, а для других «непригоден», бессмысленно.

Стих сам по себе нейтрален и в своей природе не содержит никаких «значений». Его стороны, его выразительность ощущаются только тогда, когда он воспринимается в очень сложной системе целостной речи, в зависимости от её характера, её содержания.

«Когда перед нами высокохудожественное произведение, мы испытываем глубокое эстетическое наслаждение именно потому, что в таком произведении гармонично сочетаются содержание и форма, чувства и их выражение, словесные образы и ритмические звучания, короче говоря, все то, что делает произведение поэтическим произведением» (там же. С. 173).

Завершая рассказ о первой воистину просветительской книге К. Д. Вишневского, с удовольствием скажу, что книга, подаренная Д. Инюшкину автором в августе 1979 г., долго «дремать» в шкафу не будет. Скоро ее читателем станет внук Максим. Да откроется ему мир глазами поэта!

Если сделать маленькую паузу в повествовании о череде книг литературоведа-педагога, помогающих понять и осознать разнообразные феномены социокультурного бытия, то можно и нужно

вспомнить, что решалась эта задача не одним печатным, но и живым устным словом.

Просветительское мастерство Кирилла Дмитриевича как оратора было достоянием не только нескольких поколений студентов Пензенского педагогического института. В пензенском отделении популярного в советские годы Всесоюзного общества «Знание» лекции Вишневого были, можно сказать, нарасхват. А это значит, что яркие и понятные лекции о художественной литературе, классической и современной, звучали в самых разнообразных аудиториях.

И все же печатное слово как инструмент гуманитарного просветительства всю жизнь не уходило из сферы деятельного интереса К. Д. Вишневого. Общаясь со студентами-филологами на лекциях и семинарах, он ясно видел, что будущим учителям для успешной работы нужно информационное подспорье, позволяющее понять и объяснить многие детали произведений мастеров литературного творчества.

Настоящим примером такого «подспорья» стала книга «Поэма В. В. Маяковского "Хорошо!"». Комментарий, вышедший в свет в издательстве «Просвещение» в 1987 г. Адресат ее также обозначен: книга для учителя.

В те же годы это «программное», как говорил сам поэт, произведение об Октябрьской социалистической революции 1917 г. активно изучалось в школе. Пособий, помогающих анализировать идейно-художественную сущность «Хорошо!», издано было немало, но уже в авторском вступлении к своей работе К. Д. Вишневский обращает внимание на необходимость специального историко-литературного комментария.

«Поэма создавалась Маяковским по свежим следам событий, участником и очевидцем многого происходившего. Он включает массу таких подробностей, деталей быта, примет времени, ассоциаций, фразеологии, которые современным читателем воспринимаются лишь в самой общей форме. Многие реплики, реминисценции, каламбуры оказываются труднодоступными потому, что забыты реалии, лежащие в их основе. А это неизбежно ведет к утратам в восприятии идейно-художественного содержания поэмы».

Именно поэтому автор видит одной из задач своей книги дать единый, сводный построчный комментарий к произведению В. Маяковского.

«Комментарий – это, прежде всего, справочник. Он предполагает чтение параллельно с текстом поэмы, тем более что ради экономии места в книге многие поясняемые цитаты приводятся не полностью, а в сокращении: начало строфы и ее конец» (Вишневский К. Д. Поэма В. В. Маяковского «Хорошо!». М., 1987. С. 6–7).

Конечно, в нашем рассказе о просветительской деятельности пензенского ученого-педагога подробных сведений об объектах комментариев давать не стоит. Но, прежде чем всё же привести несколько примеров, непременно отмечу, что в книге о поэме «Хорошо!», её специфике проявилась своеобразная диалектика эмоционального и рационального, характерная для личности Кирилла Дмитриевича.

С детских лет и до конца жизни Маяковский был для него одним из самых любимых поэтов. Опираясь на многолетние собственные впечатления-воспоминания, скажу, что такую искреннюю и мастерскую декламацию произведений своего поэтического кумира, как это делал Вишневский, услышишь крайне редко. А вот упомянутая диалектика эмоционального и рационального проявилась именно в стремлении понять и донести до людей информационную конкретику каждого слова новатора-стихотворца.

Такое стремление было у Кирилла еще в студенческие годы. В книге «Пенза и пензяки» он пишет, что именно тогда «затеял написать комментарий к поэме "В. И. Ленин" (правда не очень-то одобренный кафедрой, куда я сунулся с кувшинным рылом в калашный ряд), но уже при "степенях известных" вот написал и опубликовал другой комментарий – к поэме "Хорошо!". Понимая "заказанность" этой поэмы, все равно восхищаюсь ей» (Пенза и пензяки. С. 118).

При наличии самых разных взглядов из ХХI в. на события, происходившие в России в 1917 г., восхищение мощью стихов в «Хорошо!» никуда не уйдет, а фактологический комментарий, сделанный К. Д. Вишневским, и тогда, и сегодня помогает пониманию многих деталей.

Не погружаясь в обширное информационное пространство книги, приведем несколько примеров конкретных комментариев в различных главах поэмы.

В 3-, 4- и большей части 5-й главы сатирически обрисовывается политическое лицо буржуазного лагеря во главе с Керенским. Здесь особую роль приобретают словесные образы-каламбуры, которые вызывают ассоциации, не всегда понятные современному читателю.

«— Царям
дворец
построил Растрелли».

Зимний дворец — резиденция русских императоров — был построен в 1754–1762 гг. архитектором Растрелли.

«— Дворец
не думал
о вертлявом постреле,
не гадал, что в кровати,
царицам вверенной,
раскинется
какой-то
присяжный поверенный».

Речь идет о Керенском. Не следует преуменьшать его роль в событиях между февралем и октябрём, чтобы понять короткую, но поистине головокружительную карьеру.

«...Став министром-председателем Временного правительства, Керенский поселился в царском дворце, в царских апартаментах, не понимая двусмысленность такого положения. Возникает такая параллель, подчеркнутая каламбуром "Александра Федоровна". Последняя царица была, как известно, сторонницей самой жесткой и непримиримой политики по отношению к русскому народу и демократической общественности. "Александр Федорович" — Керенский вместе с царской кроватью и апартаментами как бы унаследовал и политику Зимнего дворца» (там же. С. 37–38).

Строки, завершающие главу 5, снова возвращают внимание читателя к началу композиционного фрагмента — к главе 3, к Керенскому.

«Быть
Керенскому
биту и ободрану!
Уж мы
подыдем
с царёвой кровати
эту
самую
Александру Федоровну».

К. Д. Вишневский подчеркивает, что таким образом подытоживается сущность основного конфликта-противоборства двух социально-политических лагерей. Керенский здесь выступает не только и не столько как личность, но образ-олицетворение буржуазно-помещичьей власти.

А вот комментарий из главы 10, где дается картина попыток империалистического лагеря задушить Советскую республику, ставшую победившей реальностью и грозившей перспективой – «всей буржуазной птичке пропасть».

«Из "сюртэ женераль",
из "интеллидженс сервис",
"дефензивы"
и "сигуранцы"
выходит
разная
сволочь и стерва,
шьет
шинели
цвета серого,
бомбы
кладет
в ранцы».

В тексте поэмы здесь приведены названия империалистических разведок и тайной полиции. «Сюртэ женераль» – орган французской разведки и контрразведки. «Интеллидженс сервис» – главная и строго засекреченная разведывательная служба Великобритании. «Дефензива» – тайная полиция в буржуазной Польше. «Сигуранце» – тайная полиция в королевской Румынии.

К. Д. Вишневский дает комментарий и к термину, употребленному поэтом в строках, также связанных с попытками противников советской республики совершить интервенцию на Дальнем Востоке с помощью военных кораблей.

«А
поверх
всех
с пушками
чудовищной длинноты
сверх-
дредноуты».

«Сверхдредноуты – военные корабли особой величины и мощности». Дредноуты получили свое название от английского корабля «Дредноут» («Неустрашимый»), превосходившего по размерам и вооружению существовавшие до этого корабли этого типа. В процессе гонки вооружений возникли еще более колоссальные военные корабли, которые и стали называть сверхдредноутами. «Установленные на них морские орудия были действительно "чудовищной длинноты" – они достигали 15–20 метров!» (там же. С. 108).

Панорама реалий бытия, отраженных в «Хорошо» и нуждающихся в пояснении для читателей будущего, весьма широка и многообразна. Приведем еще один пример комментария, это подтверждающий.

Обратимся к 11-й главе, где лирический герой берет слово, чтобы рассказать о мироощущении простого человека в условиях сложного и трудного времени, наносит штрихи повседневности в «домовых этажах» большого города вдалеке от громких сражений.

«А летом
слушают асфальт
с копейками
в окне:
– Трансваль,
Трансваль,
страна моя,
ты вся
горишь
в огне!»

«Типичная деталь тогдашнего городского пейзажа и городского быта – бродячие шарманщики. Шарманка – ныне совершенно исчезнувший и забытый механический музыкальный ящик. Вращение рукоятки вызывало движение колесиков, которые своими зубцами задевали за выступы на металлической шкатулке, в результате чего возникала несложная мелодия. Шарманщики имели свой довольно ограниченный репертуар, отсюда "завести шарманку" – в переносном смысле "твердить одно и то же". Шарманщики ходили по дворам, иногда сопровождая свои выступления выступлениями фокусников, акробатов или пением. Желавшие послушать могли это сделать прямо из окон своих квартир, затем, вознаграждая труд бродячих артистов, бросали из окон мелкие монеты ("слушают асфальт с копейками в окне").

Трансваль – правильное Трансвааль – историческая область на юге Африки: в конце 19 столетия переселенцы из Голландии (они называли себя "бурами") создали здесь две небольшие колонии-республики – Трансвааль и Оранжевую республику. Буры занимались скотоводством и хлебопашеством, пока на их земле не были обнаружены богатейшие алмазные и золотые россыпи.

В 1899 г. Англия спровоцировала войну с бурами. Обе мирные республики героически сражались за свою независимость. Но против 250 тысяч английских солдат они могли выставить армию всего в 40 тысяч. Буры вынуждены были признать аннексию своих республик, которые стали британскими колониями.

Со стороны Англии это была война захватническая, несправедливая, и она вызвала во всем мире глубокое сочувствие к бурам и их борьбе за свободу и независимость.

Одним из проявлений этого сочувствия в России явилась песня "Трансваль, Трансваль, страна моя", сочиненная Г. Галиной (псевдоним Г. А. Гусевой-Оренбургской) и перешедшая в фольклор. Так в поэме возникает некая параллель: страна охвачена огнем войны, в которой народ защищает свободу и независимость, звучит мотив интернациональной солидарности: чужого горя не бывает!» (там же. С. 121–122).

Обширное цитирование книги К. Д. Вишневского неслучайно. Думается, оно подтверждает стремление комментатора помочь читателю проникнуть в смысловую глубину поэтических строк, увидев продуманную Маяковским связь деталей быта с духом времени революционных перемен.

Заканчивая обзор труда пензенского ученого, отметим, что помимо комментариев к самой большой из поэм Маяковского (она содержит 3163 строки) читатель мог и может познакомиться с разделами «Лирико-эпический характер поэмы», «Персонажи поэмы "Хорошо!"», «Стих поэмы», «Топонимика поэмы», «Библиография поэмы».

Следующий этап просветительской деятельности Кирилла Дмитриевича связан с существенными изменениями в содержательной направленности его педагогического труда. Дело в том, что перестроечные процессы конца 1980-х гг. приводили к сложным и противоречивым явлениям в сфере духовной жизни. Отзвуки этого, конечно, коснулись и ПГПИ, где в конце 1988 г. была организована кафедра, ставшая через некоторое время первой и единственной культурологической кафедрой в нашей области.

Идея принадлежала ректору института, профессору Н. И. Смоленскому, чувствовавшему дух перестроечных процессов. Специфика кафедры, название которой в ту пору еще не исключало прилагательное «коммунистический», заключалась в выявлении и объединении ряда ученых дисциплин, начиная с этики и эстетики, способствовавших нравственно-эстетическому воспитанию студентов, их культурному росту в различных сферах педагогической деятельности. Организовать и возглавить новую структуру поручили автору этих строк, которому суждено было возглавлять кафедру четверть века.

Работа предстояла и была проделана немалая. Предметом изучения и освоения стали не только традиционная этика и эстетика, а еще, по указанию свыше и по собственной инициативе кафедры, в их числе появились культурология, мировая художественная культура, сравнительная культурология, актерское мастерство педагога, этнология, культура Пензенского края, этика профессионального общения, этикет, имиджелогия и, конечно, ораторское искусство, риторика.

Именно в связи с такой учебной дисциплиной, как ораторское искусство, риторика, в кратком рассказе о новой кафедре появляется имя К. Д. Вишневого – моего учителя, друга и долгие-долгие годы еще и коллеги.

Естественно, будучи в курсе перемен в моем институтском статусе, Кирилл Дмитриевич, бывший доктором филологических наук, профессором кафедры литературы, любимцем студентов-филологов, принял в 1988 г. неожиданное для многих решение.

К большой радости автора этих строк, К. Д. Вишневский берется читать не только что созданной кафедре курс «Ораторское искусство». Некоторое время он работал на полставки, а с 1989 г. полностью перешел на нашу кафедру, став ее профессором.

Даже не говоря о высоком профессиональном уровне воистину глубоко и блестяще читавшихся на нескольких факультетах лекций по риторике, с большой благодарностью скажу, что вплоть до конца дней своих был он мудрым и добрым старейшиной коллектива или, как мы его шутливо называли за дружеским столом, аксакалом.

Но «аксакал» вовсе не ограничивался такой функцией и выполнением своих штатных обязанностей. Кафедра мировой и отечественной культуры (КМиОК) явилась стартовой площадкой для активного, творческого участия Кирилла Дмитриевича в разработке

и реализации нескольких широкомасштабных культурно-просветительских проектов, о которых будет рассказано в отдельной главе.

Написание и издание отдельных сочинений, популяризирующих и разъясняющих потенциальным читателям суть и тонкость учебной дисциплины, которую он теперь преподавал на новой для себя кафедре, несколько притормозились, но не закончились. В 1989 г. увидела свет книга К. Д. Вишневого «Риторика», изданная под эгидой ПГПУ им. В. Г. Белинского.

По авторскому определению «Риторика» обозначена как учебное пособие для студентов педагогических вузов и учителей средних учебных заведений гуманитарного профиля. Но ведь и книга «Мир глазами поэта», о которой шла речь в начале рассказа о просветительской деятельности К. Д. Вишневого, тоже именовалась пособием для учащихся.

Не отступил от принципов и своей стилистической манеры изложения материала профессор и в этот раз. И само учебное пособие, и та форма непринужденной беседы с читателем были весьма актуальны. Дело в том, что в годы написания и издания книги в системе просвещения проходила своеобразная реанимация риторики, а учебные курсы, связанные с культурой речи, выразительным чтением, красноречием и т.д., вводились во многих учебных заведениях не только педагогического и актерского профиля. Целью своего труда К. Д. Вишневский видел сообщение определенных систематизированных сведений по ораторскому умению, некоторые советы в отношении практических занятий и программу.

Такая задача, поставленная себе автором, понятна. Вопрос в том, как это сделать с точки зрения эффективного взаимодействия, содержания и формы изложения.

Не имея желания принизить фактор образности и выразительности в донесении до читателя информации о сути науки, которую им предстоит осваивать, заметим, что в книге первенствует убедительность логики изложения.

«Понятие риторики близко к понятию "красноречие", "ораторское искусство", "искусство устной речи", "мастерство публичного выступления", хотя между ними есть и тонкое различие, риторика выступает в двух ипостасях: это и наука, и искусство. Наука потому, что изучает сущность устной речи, определяет ее нормы и формирует рекомендации, как лучше подготовить и произнести публичную речь, предлагает методику ораторской подготовки, систему упражнений, помогающих овладеть красноречием.

Ведь произнесение яркой, впечатляющей, неординарной, глубоко содержательной речи – это искусство, которым, при желании, может овладеть каждый, хотя это и далеко не легкое дело... Таким образом, это целый комплекс различных знаний и умений, и чем глубже и прочнее мы им овладеем, тем успешнее будет наше общение со слушателями» (Вишневский К. Д. Риторика. Пенза, 1998. С. 8–9).

Опираясь на утверждение диалектичности единства науки и искусства в риторике, автор учебного пособия дает краткий, но содержательный обзор истории риторики с древнейших времен, показывает, что среди теоретиков этой науки мы видим не только философов, политических ораторов, педагогов, но и писателей, поэтов, например, М. В. Ломоносова.

Но, чтобы читатели могли продолжить познание и эффективное применение исторического опыта красноречия, необходимо знание и освоение системы требований к устному выступлению.

Познакомив с основными требованиями к этому виду человеческих коммуникаций, опубликовав яркие примеры вреда пустословия, Кирилл Дмитриевич подчеркивает, что непременным условием успеха в публичном выступлении является содержательность и информативность произносимой речи. Эти понятия, определения почти повторяют друг друга, и чем больше они совпадают, тем совершеннее и важнее высказывание.

Продолжением убедительного показа публичной речи как системы, утверждением первостепенной важности слова как основного «материала» языкового общения автор учебного пособия не ограничивается, а показывает, что коммуникативными факторами помимо интонации являются жест и мимика.

Опора на примеры из истории и современности позволяет убедить читателя в том, что различные ситуации требуют различных языковых средств, использования определенной языковой модели. Модели эти различаются тремя признаками: по назначению, по жанру и по характеру эмоциональной окраски.

При различии информационной речи (сообщающей), воодушевляющей (побуждающей), убеждающей (агитационной), развлекающей в реальной практике они не существуют в «чистом» виде, а сочетают в себе различные элементы.

«Если научный доклад неуместен на свадьбе, то при чтении его в соответствующем для этого месте вполне допустима шутка» (там же. С. 43).

Шаг за шагом опытный оратор К. Д. Вишневский ведет читателя по многоступенчатому пути к успешному выступлению в любом жанре. Первый из этих шагов – подготовка выступления. А если экспромт? Знаменитый в этом плане адвокат Ф. Плевако говорил: «Экспромт хорош, когда он тщательно подготовлен».

Именно поэтому необходимы такие важные компоненты в подготовке, как отбор и обдумывание материала, построение выступления, его стиль и язык, выразительность и техника речи. Богатая панорама живых примеров подтверждает важность логики и последовательности, аргументации и ее методики, наглядности, точности словоупотребления, яркости и образности языка, простоты и доступности речи.

Завершающая учебное пособие глава посвящена рассмотрению факторов, влияющих на взаимоотношение оратора и аудитории, осуществление контактов и взаимопонимания, создание благоприятного климата общения.

Теперь можно и нужно сделать маленькую паузу и обратить внимание на датировку издания книги просветительского характера, помогающую увидеть, насколько действенной была интеллектуальная активность Кирилла Дмитриевича всю его жизнь. Особенно показательно это в сочинениях профессора кафедры мировой и отечественной культуры, о которых еще пойдет речь. Но ведь и рассмотренная «Риторика» тоже увидела свет, когда автору уже исполнилось 75 лет.

Это отнюдь не означает, что именно ... юбилейные ступени жизни были катализатором в популяризаторской работе, ведь она являлась частью повседневности ученого. И, тем не менее, книги, которые нужно далее рецензировать в главе, посвященной просветительским изданиям, стали достоянием читателей с 2008 по 2013 г.

Так вот, выход в свет словаря «Значение слов культурного обихода прошлых лет» в 2008 г. совпал с 85-летием автора. Юбилей ветерана-труженика не остался незамеченным в областном масштабе. Кириллу Дмитриевичу одному из первых был публично вручен архиепископом Пензенским и Кузнецким Филаретом нагрудный знак «Иннокентиевский учитель» за заслуги в просветительской педагогической деятельности. Юбилей любимого мэтра и наставника был тепло отмечен в родном педуниверситете. В седьмом выпуске межвузовского сборника научных статей «Мир культуры: теория и феномены», издаваемого кафедрой, где трудился К. Д. Вишневский, была опубликована рецензия на словарь, для подготовки которого автор уходил в годовой творческий отпуск.

Рецензию, написанную старшим лаборантом, аспиранткой Е. Яркиной, опубликуем полностью, чтобы показать, как отзывалась книга в умах молодых читателей.

«Путешествие в прошлое

"Молвит слово – соловей поет"... Наверное, каждый из нас не раз на собственном опыте убеждался, как много можно узнать о собеседнике только по тому, что и как он говорит. Язык – это самое правдивое зеркало не только одного человека, но и общества в целом. Все достижения человечества – от первых примитивных орудий труда до сверхсовременных технологий – всё это сохранено в языке. Следовательно, вместе со словами мы наследуем и культурные ценности своего народа. Но как в нашей жизни появляются новые предметы (сотовые телефоны, Интернет и многое другое), так и в языке рождаются новые слова для их наименования. И как электрическая лампочка заменила керосиновую лампу, так новые слова вытесняют старые. Со временем язык изменяется, и лексика – самый подвижный его пласт.

Сознание человека тесно связано с языком. С уходом из употребления многих слов мы забываем о существовании и самих предметов, понятий, явлений. Однако многие из них имели некогда большое значение для жизни людей и оказали влияние на ход истории, поэтому забыть их значит потерять часть культурного наследия своей страны. К сожалению, процесс этот естественный и неизбежный. Но есть способ если не остановить, то хотя бы замедлить его – это написание исторических книг, словарей редких, вышедших из употребления слов. Однако и в этом случае возникает проблема: сколько и каких произведений нужно прочесть, чтобы найти значения слов "секретер", "конторка", "ротонда", "торгсин"? С этой точки зрения словарь доктора филологических наук, профессора Кирилла Дмитриевича Вишневого "Значение слов культурного обихода прошлых лет" – работа уникальная и необходимая.

Книга эта решает несколько задач. "Память человека прихотлива и ненадежна, – пишет автор, объясняя назначение словаря, – каждый из нас, услышав малознакомое слово, чешет в затылке: а что это такое? Что сие слово означает?" Кроме обычной для словаря задачи растолковать значения слов, вышедших из употребления, и пополнить знания читателей о прошедших временах, работа К. Д. Вишневого реализует и другую, более важную задачу – вернуть в язык и сохранить наименования ушедших из действительности реалий, напоминая о событиях, явлениях, традициях, нравах прошлого.

Книга ориентирована в первую очередь на молодое поколение, не заставшее времен нэпа, Великой Отечественной войны и другого, но и остальные читатели найдут в ней много нового, интересного.

Оригинальность словаря в том, что слова расположены не в алфавитном порядке, а объединены в тематические группы, что позволяет получить упорядоченные, систематизированные сведения. Круг тем, представленных в словаре, очень широк: это лексика, относящаяся к политической сфере, топонимы, наименования родства, профессий, бытовых вещей, предметов и явлений, связанных с армией и флотом, аббревиатуры, сложносокращенные слова, старинные единицы измерения, обращения к лицам различных степеней и многое-многое другое.

Необычна и сама словарная статья. Это не "сухая" энциклопедическая справка, содержащая минимум информации. В объяснение каждого слова вкладывается отношение автора: словарь написан человеком, для которого все эти вещи и понятия долгое время были неотделимы от жизни. Поэтому слова толкуются исчерпывающе, автор стремится не только объяснить их смысл, но и показать значение в жизни людей тех предметов, которые они называют.

Примечательно, что в книге представлена стилистически разнообразная лексика. Объясняются и неофициальные разговорные слова. Подобных наименований нельзя найти ни в одном словаре: например, "первичка" – фамильярное обозначение первичной партийной организации, "положить партбилет" – зловещая угроза в случае должностных претензий к виновному. "А выполнение угрозы, то есть исключение из партии, означало гражданскую и политическую утрату доверия с последствиями". Откуда еще представитель молодого поколения в наше время может узнать такие сведения?

Листая книгу, сначала удивляешься, прочитав заголовки "рабочая неделя", "щипцы для завивки волос". Неужели современный человек не знает, что это такое?! Но, оказывается, наша семидневная рабочая неделя не всегда была такой. В первые годы советской власти она "состояла из *пяти* дней – "*пятидневки*": четыре дня рабочих, а день отдыха ("выходной") – пятый ("фиолетовый" потому, что таким цветом обозначались в численнике выходные дни, а красным – только дни революционных праздников)". В 1929 г. произошла реорганизация рабочей недели, и страна перешла

на "шестидневку". Рабочих стало пять дней, а выходной – шестой. "Как и пятидневка, такая неделя вносила в быт немалую путаницу; далеко не просто было заменить многовековую семидневную традицию в сознании и ритме жизни людей. В 1940 г. *семидневную* неделю все же восстановили, правда, не столько из уважения к традиции, сколько по экономическим соображениям – необходимостью в предвидении большой войны увеличить производительность труда".

Щипцы для завивки волос тоже имели в старину совсем другой вид. "Это были два металлических стержня, соединенных наподобие обычных ножниц. Один из стержней был с продольным желобком. Другой – просто округлый, легко входивший в углубление. Оба стержня имели деревянные ручки (чтобы не обжечься). Щипцы нагревались на открытом огне, чаще всего вставлялись в "пузырь" обычной керосиновой лампы, где и нагревались от зажженного фитиля. Затем на разогретый стержень наматывались пряди волос и все это зажималось на некоторое время, но чтобы не сжечь волосы (обычно в помещении все же стоял запах горелых волос!)"

А где узнать, кем приходятся вам сестра и брат деда или бабушки, сестра и брат жены? Кто такой кум? Кто такая женима? Раздел "Родство и свойство" – один из интереснейших в словаре, где собраны современные и старинные наименования близких и дальних родственников. Не требует объяснения уход из употребления слов "патефон", "армяк", "камзол": исчезли предметы, называемые ими. Но, странное дело, отношения родства-то остались. Почему же мы забыли, как "зовут" наших родственников? Видимо, со временем люди настолько отделились друг от друга, стали так редко видеться, что отпала и необходимость друг друга называть. Язык фиксирует даже такие малозаметные процессы нашей жизни.

Книга "Значение слов культурного обихода прошлых лет" полностью оправдывает свое название. Это не просто перечень непонятных слов, который можно почитать только для тренировки эрудиции. Это настоящее путешествие в прошлое. Словарь погружает читателя в атмосферу жизни наших отцов, дедов, прадедов, позволяет очутиться в кругу бытовых реалий и традиций старины, понять особенности психологии людей тех времен. Вот почему эта книга будет интересна нашим современникам с точки зрения и языка, и истории, и культуры».

Яркина Е. А.

Еще одна книга К. Д. Вишневского, несомненно интересная нашим современникам с точки зрения языка, истории и культуры, увидела свет в 2010 г. Но работа над ней велась, можно сказать, с начала XXI в. Об этом свидетельствует интервью, которое дал герой нашего рассказа для «Комсомольской правды» Дмитрию Инюшкину в 2003 г.

Чтобы передать тот внутренний настрой, с которым Кирилл Дмитриевич занимался воплощением избранной им темы, приведен текст газетной публикации.

«ИЛЬФ И ПЕТРОВ СТАНУТ БЛИЖЕ И ПОНЯТНЕЕ

Пензенский ученый создает комментарий к романам великих сатириков.

"Двенадцать стульев" и "Золотой теленок" – книги, что называется, культовые. В нашей стране ключевые цитаты из них знает всякий образованный человек, да и необразованный тоже. Как говорится, читать и перечитывать. Но ведь бывает же так – читаешь в который раз и с наслаждением, а отдельных слов не понимаешь, хоть разбейся. Вот, например, что такое "фермуар"? "Одулянсион"? "Вежеталь"? Как выглядит касторовая шляпа или люстриновый пиджачок? Что это за ализариновые чернила? Наконец, многим сегодня не слишком ясно значение таких слов, как ГПУ, жилотдел, исполком – давным-давно скрылись они во мраке ушедших лет вместе с тем, что обозначали. Можно, конечно, просто пропускать все непонятное, однако пытливым читателем непременно задумается. А вот найдет ли ответ? Об этом решил позаботиться наш земляк, известный ученый, профессор Кирилл Вишневский, который взялся составить подробный комментарий и к "Двенадцати стульям", и к "Золотому теленку".

Подобная работа Кириллом Дмитриевичем однажды уже была выполнена по отношению к поэме Маяковского "Хорошо!". Солидная получилась книга, выпущенная в 1987 году в издательстве «Просвещение» тиражом 100 тысяч экземпляров. Теперь настал черед Ильфа и Петрова. Сам Вишневский не может точно сказать, когда именно появилась у него такая идея, но уверен, что ее возникновение вполне закономерно.

– Я считаю себя не столько ученым, сколько популяризатором, – говорит профессор Вишневский, – и именно к популяризации стремлюсь во всем, что делаю, и в первую очередь в своих лекциях. То же самое и с комментариями к Ильфу и Петрову. Их создавали и до меня, и их все внимательно изучил. Они выполняют

каждый свою задачу, но либо излишне просты, то есть недостаточно подробны, либо слишком наукообразны. Моя задача состояла в том, чтобы в одной книге максимально подробно, понятно и доходчиво объяснить читателю значение слов, которые могут оказаться непонятными по тем или иным причинам. А в том, что они непонятны, нет ничего зазорного. Мне вот, например, уже немало лет, а я все время ловлю себя на мысли, что не знаю значения самых простых слов – чаще всего иностранных. Поэтому завел себе рукописный словарь, который регулярно заполняю.

– А по какому же принципу Вы выбирали у Ильфа и Петрова слова для комментария?

– Просто читал текст и отмечал для себя: вот это может быть неясно. Только по "Двенадцати стульям" таких случаев набралось около трехсот, примерно столько же по "Золотому теленку". Кроме того, в процессе работы сами собой выяснялись всякие любопытные моменты, связанные, скажем, с историческими личностями и понятиями. Так, например, все помнят, что и Остап Бендер, и Шура Балаганов, да и Паниковский тоже, выдавали себя за сыновей лейтенанта Шмидта. Но кому из нынешних молодых читателей что-то говорит это имя, когда-то прославлявшееся на всех углах? Стал готовить справку о Шмидте и нашел массу интересных материалов, опубликованных уже в настоящее время. Личность-то оказалась малопочтенная – никакой не большевик даже, авантюрист, крикун, а в чем-то и террорист. Правда, довольно смелый, но далеко не то, что было в нашем прежнем представлении. Или, например, почему чуть не на каждой странице упоминается Чемберлен, английский министр иностранных дел? Да потому что как раз в 1927 г. была отправлена знаменитая нота под названием "Наш ответ Чемберлену". Да что Чемберлен! Я, например, не ленюсь объяснить, что такое ВЛКСМ.

Кому-то может показаться, что профессор Вишневский чересчур усердствует. Уж ВЛКСМ-то зачем растолковывать? Однако, если вдуматься, никакого перебора здесь нет. Подробный комментарий прежде всего требуется читателю, для которого многие когда-то весомые и значимые понятия давно стали пустым звуком. А для большинства нынешних старшеклассников или студентов ВЛКСМ значит не больше, чем Чемберлен. К слову сказать, несколько лет назад в Интернете появился весьма обширный комментарий Леонида Ашкиназа к произведениям братьев Стругацких, в котором, кроме разного рода "скорчеров", "флайеров"

и "ульмотронов", объясняется, что такое "КПСС". Логично по той же причине.

– Были какие-то особенно трудные случаи?

– Немало. Например, в "ДС" воспыхавший любовью к Лизе Киса Воробьянинов декламирует: "Гаснут дальней Альпухары золотистые края...". Мне заинтересовало – а что такое "Альпухара"? Откуда именно строчки, выяснить было нетрудно – серенада Дон-Жуана из поэмы Алексея Толстого, о которой мало кто знает, но в итоге получился популярный романс на музыку Чайковского. Но ВТО "Альпухара"... Полез в словари – нигде нет, включая четырехтомный географический. Ответ нашелся только у Брокгауза и Эфрона – оказывается, это название долины в Испании, которое из имени собственного перешло в нарицательное, то есть стало обозначать вообще долину, окруженную горами. Пришлось довольно долго выяснять, где именно в Москве находился кинотеатр "Великий немой". В конце концов обнаружилось, что это здание в начале Тверского бульвара и сам прекрасно знаю, даже бывал там в свое время.

– Я знаю, что долгое время не удавалось установить происхождение некоторых цитат, встречающихся в тексте.

– Да, это интересно. Скажем, Остап говорит мадам Грицацуевой: "Мы разошлись, как в море корабли". Ведь явная цитата. Или, скажем: "Не уходи, твои лобзанья жгучи"? Тоже пришлось покопаться. Но в итоге все прояснилось.

– Так что же, читать Ильфа и Петрова без подробных комментариев невозможно?

– Отнюдь нет. Точно так же, как "Евгения Онегина" совершенно свободно можно читать, не заглядывая ни в какие пояснения. Однако в книгах Ильфа и Петрова есть одна особенность: они употребляют массу слов, которые настолько недолго были в употреблении, что стали непонятны уже спустя очень непродолжительное время. Но все эти языковые неясности не лишают главного: замечательного языка, прекрасного юмора и очень симпатичного героя.

– Вернемся к Вашим трудам. Какова сегодня степень готовности?

– Комментарий к "Двенадцати стульям" готов полностью – это 160 машинописных страниц. "Золотой теленок" в процессе работы, но так называемый глоссарий, то есть список слов, подлежащих комментированию, уже составлен.

– Кому Вы адресуете эти книги?

– Самому широкому кругу читателей. Конечно, в первую очередь я имел в виду старших школьников и студентов, но, думается, это будет интересно и тем, кто уже не раз читал романы Ильфа и Петрова».

Десять самых знаменитых цитат из книг Ильфа и Петрова:

«Лед тронулся, господа присяжные заседатели!»

«Я думаю, что торг здесь неуместен.»

«Может, тебе еще дать ключ от квартиры, где деньги лежат?»

«Грузите апельсины бочками.»

«Забьем Мике баки!»

«Это звучит парадоксом.»

«Командовать парадом буду я!»

«У меня все ходы записаны!»

«Кто скажет, что это девочка, пусть первым бросит в меня камень!»

«Все контрабандные товары делают в Одессе, на Малой Арнаутской улице!»

Работа над текстом комментариев к «Золотому теленку» с перерывами продолжалась в течение трех лет. Над этим сроком можно улыбнуться – ведь создание И. Ильфом и Е. Петровым романа «Золотой теленок» и, следовательно, изображаемое в нем время отделяют от «Двенадцати стульев» именно три года.

В предисловии ко второй части своей книги автор комментариев отмечает, что общая обстановка в стране изменялась в связи с «великим переломом», который по словам И. Сталина заключался в «решительном наступлении социализма на капиталистические элементы города и деревни».

Как воспринимали резкий поворот событий Ильф и Петров, можно только гадать. Конечно, внешне вполне лояльно. И это давало возможность литературной критике всячески подчеркивать «благонамеренность авторов»... Более того, «Золотой теленок» стал трактоваться как «один из первых романов, восторженно отозвавшихся на первые успехи индустриализации и великие перемены, начавшиеся в стране». Но вопреки благостному аттестату, Ильф и Петров все же считали себя первопроходцами социалистической агиографии, чем и объясняется жалобное «писать было трудно».

А «великие перемены» они все же не учли.

На страницах «Золотого теленка» немало отдельных штрихов, замечаний, сказанных вскользь, как бы случайно, между

прочим.. Эти детали нынешнему читателю мало что говорят и воспринимаются разве что как забавные шуточки Остапа или самих авторов. В самом деле, вот:

«Пардон, – говорил он, – еще пардон! Простите, мадам, это не вы потеряли на углу талон на повидло? Скорее бегите, он еще там лежит...»

Смешно, не правда ли? Какой еще талон? Шутка – шуткой. Но талон на продукты – это что-то новое. Так же, как и истинный фарс с Лоханкиным, затеявшим голодовку.

«Увидев, что заклинания не помогли, Лоханкин живо вскочил с дивана, подбежал к столу с криком: «Спасите!» – порвал карточку. Варвара перепугалась». Какую карточку? Фотографию Варвары? Зачем?

Нет, карточку хлебную, по которой гражданам, начиная с 1929 г., давали хлеб!»

(Вишневский К. Д. Романы Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», «Золотой теленок». Пенза, 2010. С. 148–149).

Заключая вступление к комментариям, Кирилл Дмитриевич отметил, что перед вдумчивым читателем проходит не только юмористическая панорама жизни и деятельности пассажиров «Зеленого ящика с четырьмя жуликами», но и нечто подспудно отложившееся как деталь жизни 1930-х гг.

Приведем несколько примеров, касающихся некоторых тогдашних аббревиатур и бытовых обозначений.

«Железнодорожников опекают родные им учкпрофсожи». Аббревиатура, обозначающая «Участковый комитет профсоюза железнодорожников» (там же. С. 163).

«Завернувшись в рыжую коровью доху и подняв на лоб авиационные консервы». Фраза может вызвать недоумение и недоразумение: мы привыкли к слову «консервы» в гастрономическом смысле... Но в данном случае «авиационные консервы» никакого отношения к рациону питания не имеют. В свое время так именовались специальные очки-фильтры, закрывавшие лицо пилота. Использовали такие очки ради щегольства шоферы и мотоциклисты (там же. С. 196).

«– Молчать, золотая рота! – закричал Остап. – Вот неугомонный старик! Шутки не понимает».

Золотая рота – первоначально неофициальное название роты дворцовых гренадеров, которые несли службу в почетных караулах. Позже название иронически использовалось для обозначения деклассированного населения городских трущоб, оборванцев,

арестантов – всех их называли «золоторотцами». Название синонимично таким эпитетам, как «босяки», «бродяги», «мелкие ворышки» и т.п. (там же. С. 188–189).

«Немецкий профессор, ехавший на торжество по приглашению Вокса». ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с границей, общественная организация (там же. С. 262).

«Даже "Европа – "А", которой Остап хвастался перед Балагановым, костюм, туфли, шляпа – куплены были в комиссионном магазине». В те годы производство бытовых вещей было сведено к минимуму. Да и то, что изготавливалось и поступало в продажу, так называемый "ширпотреб", то есть товары широкого потребления, хорошим качеством не отличалось. Критерием, мерилom качества служили товары, привозимые из-за границы, к тому же самого высокого качества. Их называли в быту "Европа – "А", так, по крайней мере, судила молва в устах людей, отвыкших от комфорта» (там же. С. 275).

Больше в конкретику комментариев погружаться не будем, но все же приведем некоторые цифры, характеризующие многообразие содержательных деталей труда ученого-просветителя. Глоссарий «Двенадцати стульев» включает 432, а «Золотого тельца» – 570 слов. Более тысячи комментариев, огромная работа!

Как уже сообщалось, труд К. Д. Вишневского был опубликован издательством ПГПУ в конце 2010 г. Конечно, тираж в 100 экземпляров не сравнить со сотысячным при выходе в свет книги «Мир глазами поэта» в 1979 г. Но, хотя, как говорят, и «пришли другие времена», плоды многолетней просветительской деятельности героя нашего рассказа еще долго будут кормить наши умы и сердца.

Краевед

«Я люблю пензяка. Интересный он человек». Эти слова К. Д. Вишневского оставлены нам в последней его книге.

Но признание, накопленное за долгую жизнь в родном городе, включало в себя не только любовь как чувство. Это еще и желание больше узнать о тех, кто жил и живет на Пензенской земле, помочь другим соединить в себе эти чувства.

Хорошим инструментом для решения такой задачи является краеведение в разных его воплощениях и направлениях. Уже в первые годы своей работы в Пензенском педагогическом институте молодой преподаватель-литературовед избрал для себя литературное краеведение.

Наверное, некоторые его статьи, опубликованные тогда в альманахе «Земля родная», можно отнести к литературной критике. Но ведь краеведение по сути своей охватывает не только былое, но и ныне происходящее. Работа, посвященная творчеству пензенских писателей в 1954 г., увидевшая свет в 1955 г., кроме анализа разножанровых произведений литераторов-земляков, содержит размышления о соотношении региональной конкретики с общехудожественными постулатами. Приведем фрагмент этих размышлений.

«Подчёркивая важность развития творчества местных авторов, нельзя забывать о том, что литература областей отнюдь не должна превращаться в областную литературу, то есть не должна замыкаться в рамки узко-местных интересов, вариться в собственном соку. Разумеется, местные писатели в основу своих произведений кладут наиболее им знакомый – местный материал; разумеется, всячески нужно приветствовать отражение в литературе жизни родного края, но это не должно превращаться в хронику местной жизни, в репортаж об узко-местных делах и событиях. Настоящий художник творит произведения большого общественного резонанса, ибо он создаёт типическую, обобщённую картину действительности.

Стало быть, дело не в "местном колорите", а в том, насколько писателю удалось подметить типическое, отделить случайное, несущественное, узко-местное, от важного, существенного, порой тоже "местного", но имеющего большое типическое, обобщающее значение. Ведь может быть так, что писатель даже не упоминает в своём произведении реальное место действия, стремится изобразить жизнь "вообще" – не в Пензе или Рязани, а в каком-то условном типическом городе. И, тем не менее, читатель отчётливо ощущает, что писатель находится в плену каких-то конкретных фактов, которых недостаточно для широкого типического обобщения, а выйти за пределы этих фактов не может, произведение получается бледным, схематичным и, как это ни парадоксально, кажется выдуманным. В данном случае и сказывается неумение оторваться от «местного колорита» для большого типического обобщения».

(Вишневский К. Творчество пензенских писателей в 1954 году // Земля родная. 1955. № 12. С. 220–221).

Рассуждение автора статьи не абстрактно, а подтверждено критическим анализом повести «Зеленая улица» А. Нефедова, который, будучи не без способностей к писательской деятельности, поторопился опубликовать незрелое произведение.

Однако оценка литературной жизни в Пензе меняется, когда К. Д. Вишневский рассматривает прозаические произведения Н. Почивалина, Г. Федотова, В. Садовского, роман в стихах А. Анисимовой «Фрося», поэтический сборник Н. Почивалина, литературу для детей.

«Не все произведения равноценны и значительны в художественном отношении. Одни из них, написанные торопливо, неумело, пройдут без следа; другие, свидетельствующие о больших задатках авторов, полюбятся читателю.

Литературные итоги 1954 г. свидетельствуют о наличии в нашей области серьёзных творческих сил. Это ещё молодые силы, им расти да крепнуть, и, надо думать, в ближайшем будущем они проявят себя более основательно» (там же. С. 235).

Но в статьях 1950-х гг. героя нашего рассказа было погружение и в историю литературной жизни Пензенского края. Так, по сути, краеведческой новацией явилась документированная статья о пребывании в Пензе талантливого русского писателя, автора рассказов, повестей, песен С. Г. Петрова (литературный псевдоним – Скиталец).

Мало известный в наше время Скиталец был очень популярен в первые десятилетия XX в. Активный участник революционного движения, соратник А. М. Горького, он создал литературные произведения, высоко оцененные Чеховым и Толстым. Нравились произведения Скитальца и Ленину, одно из стихотворений которого он цитировал в своей статье.

После Октябрьской революции 1917 г. Скиталец старался своим разнообразным творчеством поддерживать Советскую власть. Одной из форм его творческой деятельности были поездки по краям, где эта власть уже победила.

И вот в 1957 г. К. Вишневский доводит до читателей «Земли родной» информацию, прежде не фиксировавшуюся в краеведческих работах, в частности, в книге А. Храбровицкого «Русские писатели в Пензенской области». Поскольку сведения, о которых пойдет речь, почти не попадали в информационное поле и позже, познакомим читателей с фрагментом статьи, опубликованной в 1957 г.

«В начале 1918 г., совершая поездку с лекциями и концертами по городам Поволжья, Скиталец посетил Пензу. Пензенская прогрессивная общественность, несмотря на тяжелую обстановку военного времени, жила высокой культурной жизнью и живо интересовалась вопросами искусства и литературы.

27 марта в театре "Просвещение" состоялась лекция-концерт писателя. В первом отделении Скиталец прочел несколько рассказов, в том числе нигде не напечатанный и запрещенный бывшей царской цензурой рассказ "Смерть лейтенанта Шмидта". Во втором отделении Скиталец пел волжские песни, аккомпанируя себе на гуслях. Рецензия на концерт в большевистской газете "Известия" отмечала:

"В этих песнях Скитальца, исполняемых то под бойкую, то под задумчивую музыку гуслей, слышатся и плеск задумчивых волн великой реки, и взмахи весел, и крики вольных птиц.

Хороши песни Скитальца.

Они зовут, будят и восхищают своей красотой".

29 марта во Дворце труда состоялся торжественный вечер в честь пятидесятилетия А. М. Горького. Присутствующим было, разумеется, весьма интересно прослушать не только выступление официального докладчика, но и личные воспоминания о писателе его соратника. Выступление Скитальца на этом вечере заняло целое отделение.

30 марта состоялось первое представление новой пьесы Скитальца "Вольница" с участием автора. Пьеса эта сходна по сюжету с известной повестью Скитальца "Огарки", посвященной волжской демократической интеллигенции, людям, опустившимся "на дно" жизни. 31 марта спектакль был повторен.

В первых числах апреля Скиталец совершил поездку по уездам, в том числе выступил в Лунино, а 6 и 7 апреля, вернувшись в Пензу, выступал в железнодорожном театре "Объединение" с концертом-лекцией и с воспоминаниями о Горьком и Толстом.

Из Пензы Скиталец направился в Симбирск (Ульяновск).

Выступления Скитальца в Пензе были в то время значительным событием в культурной жизни города и прошли с большим успехом» (Вишневский К. Скиталец в Пензе // Земля родная. 1957. № 15. С. 54).

Краеведческой является и статья К. Д. Вишневого «Из истории литературных организаций Пензы. Двадцатые годы», напечатанная в «Земле родной» в том же 1957 г.

Автор подчеркивает, что революционные события 1917 г. оказали доминирующее влияние на художественное творчество в Пензенском крае. Писатели пытались осмыслить происходящее и выразить чувства участников исторических событий.

Господствуют лирические жанры, в которых поэты стремятся выражать весь пафос охватившего их восторга. Лирический герой – это человек, активно участвующий в борьбе за новую жизнь.

Разумеется, поэзия тех лет не только не однородна, но часто прямо противоречива. Иногда на страницах одного и того же номера соседствуют большевистские стихи Демьяна Бедного и либеральная поэзия, скажем П. Бунакова; не очень грамотные, но искренние стихи местного поэта Пятадэ, провозглашающего в адрес «кулака-царя»: «Прочь с дороги, вор проклятый, кончи красть труды», и старорежимная элегия П. Мартынова: «Прощай, мой милый сад, весною обновленный», где встречается и «луч божественной денницы», и «гимн хвалебный» весне, и прочие атрибуты дворянской усадебной лирики» (Журнал «Пролетарий». Пенза, 1919. № 12).

В статье К. Д. Вишневого отмечается, что сходная картина видна и в состоянии художественной прозы тех лет. Не очень многочисленные рассказы, очерки, повести часто наивны, иногда несколько сентиментальны и явно рассчитаны на то, чтобы произвести впечатление. В то же время многие авторы обращаются к изображению разных событий действительности, стремятся проникнуть в душу простого человека – это ценно и важно.

«Особо яркую страницу в прозе Пензенских писателей в 20-е гг. представляет творчество А. Г. Малышкина. Помимо раешников и стихотворений, особенно популярных среди красноармейцев, им написано 9 рассказов, 6 фельетонов, повесть и множество статей по различным вопросам. Все это печаталось на страницах газет «Ополчане бедноты», «Пензенская беднота», «Клич» и др. под псевдонимами «Бобыль Антипка», «Моряк», А. Юрьев и др. В отличие от многих современников (не только пензенских) писателю удалось создать типичные картины жизни и типичных героев» (там же. С. 38).

В статье отмечены и задатки драматургии. На пензенской сцене ставились «психологические этюды Найхина, в самодеятельных коллективах пролетарской культуры успехом пользовались пьесы талантливого самоучки столяра Ф. Клейменова, сценки из деревенской жизни Г. Смагина. Это были самые ранние, первые в советской литературе вообще, попытки создать свой, рабоче-крестьянский репертуар».

Особое внимание краевед К. Вишневский уделял вопросам организации литературной деятельности. Пролетарские писатели

не сразу пришли к объединению. Только в 1920 г. открылась литературная студия, стали проводиться публичные выступления в клубах, был выпущен первый сборник произведений студийцев.

А вот что написано в статье о более «опрятных» буржуазно-декадентских литераторах. Цитата из нее позволяет почувствовать тогдашнюю стилистику оценок такого творчества.

«Продолжая отстаивать прежние порочные идейно-художественные позиции, многие буржуазные писатели выступают или с прямыми нападками на Советскую власть, или же с демонстративным игнорированием ее. Подобное явление наблюдалось повсеместно и было одной из форм ожесточенной классовой борьбы. Так, в Пензе летом 1918 г. группа буржуазных интеллигентов начинает выпуск альманаха "Эстетика" с тенденциозным подзаголовком: "Еженедельный журнал безработных интеллигентов". Альманах носил подчеркнуто аполитический характер, но из-за маски "беспартийности" отчетливо проглядывала уродливая кадетская физиономия. В то время, как кругом гремела гражданская война, Г. Сокольский воспевал "трогательный благовест пасхальных колоколов", А. Горшков в рассказе "Засуха" демонстрировал чудодейственную помощь молебна, вызвавшего дождь в засуху, а некий В. Розанов паясничал и кривлялся, бездарно подражая Северянину:

На вас бархатная маленькая шляпка с вуалеткой белой...

Предоставив журнал эстетствующим бывшим присяжным поверенным, безработным вдовам, маменькиным сынкам, неудавшимся фармацевтам, как отметила пензенская газета "Известия", редакция охотно печатала удушающие красоты салонных барынь, вроде стишков З. Аладинской:

Гирлянды роз сползали по ступеням,
Цвели нарциссы, ландыши, левкой,
И улыбался мак влюбленным орхидеям...

Эту пропахшую нафталином "поэзию" не стоило бы и вспоминать, но она характерна как отражение воинствующей буржуазной идеологии, с вылазками которой приходилось вести борьбу и в годы НЭПа».

Конечно, организация просоветски ориентированных литераторов Пензенской губернии в 1920-е гг. была предметом влияния и поддержки властей предрежущих. Не погружаясь в подробности этого процесса, отметим, что читатель «Альманаха» в 1957 г. мог получить в обзоре краеведа полную информацию о деятельности литературной группы, примкнувшей к Всероссийскому Союзу

крестьянских писателей Пензенской ассоциации прогрессивных писателей (ПАПП).

Последние статьи К. Д. Вишневого, опубликованные в альманахе «Земля родная», членом редколлегии которой он являлся с 1957 по 1963 г., это не историческое, а актуальное литературное краеведение. Они посвящены новому тогда произведению Н. Почивалина «Поэма о женщине» и роману В. Садовского «Алмазная грань».

Увы, с 1964 г. после закрытия единственного литературного издания в Пензенской области пространства для журнальных литературно-краеведческих публикаций уже не было. Зато 27 лет спустя на старте нового литературного журнала областной писательской организации «Сура» герой нашего рассказа не остался в стороне. Статья «Сказочница и припевочница» была посвящена 100-летию со дня рождения А. П. Анисимовой, прозаику, поэту, собирательнице Пензенского фольклора. Будучи знакомым с Александрой Петровной много лет, К. Д. Вишневский очень тепло и вместе с тем глубоко аналитически писал об этой удивительной дочери Сурского края. Начав трудовой путь сельской учительницей ещё в 1911 г., многое повидав и испытав на просветительской стезе, имея незаурядный талант, Анисимова А. П. взялась за писательское перо довольно поздно – уже к 40 годам.

Первая её книжка «Песни про войну» была издана в 1943 г., а вот всесоюзную известность пензячке принесли стихи и песни «Комбайн косит и молотит», «Что за небо голубое», «Гармонь нова из Тамбова», вошедшие в репертуар знаменитого русского народного хора имени Пятницкого, чуть ли не ежедневно звучавшие по радио.

Но автор статьи, посвященной юбилею поэтессы-землячки, конечно же, не ограничивается констатацией этого. Он показывает многие грани и разножанровость её произведений. Особое внимание уделено роману в стихах «Фрося» – произведению, в котором сконцентрировалась главная тема поэзии А. П. Анисимовой – доля русской женщины.

Это не та условная и приукрашенная женщина с плаката, что фигурирует в бодряческих припевках. Несмотря на «приметы времени», которыми вдоволь насыщены и эти стихи, героиня их сродни некрасовским женщинам с их горемычной жизнью. Вечная труженица, на своих плечах несущая тяготы нищенской семьи, вечно в тревоге и в ожидании – поистине трагична ее судьба, хотя автор и пытается иной раз отыскать счастливый конец.

В романе «Фрося», – первая мировая война. «Фросин муж, в дорогу снаряженный, торопливо целовал ребят. Говорил:

– Ну, как-нибудь; Фросинья... Может, и вернусь... Как знать...

Зарыдала Фрося, фартук синий не могла от мокрых глаз отнять».

То же и в других стихах, песнях, балладах: горечь расставания, утраты милого, вдовьи слезы... В стихотворении «Цветик алый» как заклинание звучат девичьи слова:

Цвети, мой цветик алый,
Цвети, не увядай,
Люби меня, друг милый,
Люби, не забывай...

Но не помогает страстное заклинание, и друг милый на дальней сторонке «сложил головушку свою».

Я цветик поливала
Слезами, не водой,
Как злую весть узнала,
Что не жив милый мой.

«Сколько истинного чувства в этих бесхитростных строчках. В них, а не в припевках звучит подлинный голос народа, так тонко почувствованный поэтессой и так органично, без фальши ею воспроизведенный». (Вишневский К. Д. Сказочница и припевочница // Сура. 1991. № 2. С. 85–86).

Героиня аналитической статьи К. Д. Вишневского не зря называла себя сказочницей. Сказки составляют значительную часть ее творчества. И не одно поколение детей, затаив дыхание, слушает славные, добрые истории, написанные с юмором и ненавязчивой моралью. Впрочем, отмечает критик-краевед, немало еще сказок «для взрослых». Это, скорее, незатейливые рассказы, сдобренные изредка долей народных преданий, легенд, былин. Так что, говоря словами сказочницы, не всегда определишь, где сказка кончится, а быль начнется.

Превосходное знание Анисимовой народного творчества, его законов и традиций не раз отмечалось писавшими о ней. Это знание отчетливо проглядывает из собственных произведений писательницы в тонком умении почувствовать и передать образ мыслей согласно народной эстетике и традиции. Но не следует забывать и о другом – о трудах Анисимовой как собирательницы фольклора.

«Мы еще далеко не оценили ее вклад в фольклористику, ее труды, собранные в книгах "Песни и сказки Поимского района" (1948), "Песни и сказки Пензенской области" (1953), "Народное красное слово" (1959)» (там же. С. 86).

Завершая свой обзор содеянного многогранным талантом юбиляра, его автор отмечает, что когда в 1947 г. вышел первый номер пензенского альманаха «Земля родная», то среди других открывавших его произведений были сказки А. П. Анисимовой – «Сапоги-сорокоходы» и др.

«Есть нечто символическое, что один из первых номеров нового пензенского журнала вспоминает о творчестве старейшей нашей писательницы, стоявшей у основания и творческой организации и ее первого печатного органа».

Заметим, что публикация К. Д. Вишневого в первый год существования «Сура» была стартом в дальнейшее плодотворное сотрудничество с новым журналом. Но об этом в специальном эссе Б. В. Шигина.

Однако перерыв в журнальных литературно-краеведческих публикациях после 1964 г. не означал для К. Д. Вишневого прекращения работы в сфере познания и популяризации истории культуры пензенской земли.

Конечно, самым доступным для системной популяризации был родной пензенский институт. Трудясь на историко-филологическом факультете, любимый студентами педагог, помимо ведения традиционных учебных дисциплин, еще стал инициатором чтения специального курса литературного краеведения. Опыт преподавания этой дисциплины в педагогическом вузе стал предметом научного доклада на зональной конференции литературоведов Поволжья. Тезисы выступления были опубликованы в Астрахани в 1967 г.

Шестидесятые годы стали для К. Д. Вишневого еще и временем освоения в деле краеведческой пропаганды такого нового информационного пространства, как телевидение.

Появившись в Пензе в 1958 г., оно до 1966 г. было сугубо автономным явлением и требовало столь же сугубой самостоятельности от коллектива, взявшего на себя смелость создавать и представлять телезрителям программы разного содержания и формы. Помимо штатных работников, именовавшихся тележурналистами, режиссерами, теле- и кинооператорами, нашлись в областном центре и, так сказать, внештатные активисты, не боявшиеся прямого

эфира для своих выступлений. Был среди них и Кирилл Дмитриевич, который стал автором и ведущим краеведческого цикла «С чего начинается Родина». Трехсерийную эпопею об И. Н. Ульянове Вишневский вел прямо из музея. Были подготовлены внештатным активистом и биографические инсценировки для «Литературного салона» о Белинском, Радищеве, Малышкине.

Но именно в те самые годы в жизни самостоятельной творческой деятельности человека появляется феномен соавторства. Было такое связано с тем, что знакомство с автором этих строк переросло в крепнувшую десятилетиями дружбу.

Генератором радости этого чувства стал уютный дом на улице Средне-Кутузовской, построенный Кириллом Дмитриевичем в 1961 г. и приветливо распахивавший двери всем, кто по духу близок был его хозяевам. О доме этом, об удивительной атмосфере новогодних и других праздников у Вишневских, о песнях под гитару, о разговорах и умных, и остроумных речь еще пойдет.

Сейчас о другом. О том, что в кабинете Кирилла Дмитриевича, все стены которого были от пола до потолка заняты стеллажами с книгами, где хозяин неустанно трудился над изучением русского стихосложения, рождались и идеи, к литературоведению прямого отношения не имевшие.

Упомянутое выше пензенское телевидение было с января 1960 г. местом работы редактора, а потом главного редактора Николая Инюшкина. О перипетиях его журналистской деятельности Кирилл Дмитриевич, как учитель и друг, конечно же, знал, а потом оказался по собственному желанию в нее вовлеченным.

Так, в частности, случилось и когда до 50-летия Октябрьской революции оставалось не так долго, а пензенское телевидение усилиями Н. Инюшкина уже встало на путь изучения истории края за послеоктябрьские годы. И вот мы решили сделать то, что и меня, и Вишневского привлекало.

Это было написание сценария документального фильма и о событии, считавшимся важнейшим в истории страны, и о свершенном на Пензенской земле за годы Советской власти. Просиживая порой до ночи, творили, споря, радуясь удачным фрагментам. Название придумали в духе тех времен – «С «Интернационалом».

А вот где брать документальные кинокадры, отражающие далекие времена, когда было не до съемок? Кирилл Дмитриевич горячо поддержал идею о попытке обратиться к несказанному богатству документального киноархива всесоюзного охвата в Москве.

Не отвлекаясь на описание трудностей проникновения в эту сокровищницу и разрешения пользоваться как картотеками, так и самими документальными кадрами, скажу, что был искренне поражен весьма непривычным для человека, воспитанного на понятиях «враги народа», отрицательного отношения к именам Троцкого, Бухарина и иже с ними, наличием кинокадров, с ними связанных.

Говорю об этом еще и потому, что, разыскивая в картотеках киносвидетельства пензенской истории, по счастливой случайности соавтор натолкнулся на информацию о воинской части «красных чехов» в Пензе в 1918 г. С понятным волнением сел за монтажный стол, куда были принесены из глубин архива уникальные кинокадры.

Все правильно: вокзал станции Пенза-I, строй «красных чехов», образующих своеобразный почетный караул. Откуда они и почему? Ведь ситуация с белочешским мятежом в Пензе была самой драматичной в истории провинциального города.

И вот тогда одна умная и опытная дама – киновед из архива – сообщила мне информацию, которую мы с К. Д. Вишневым в текст сценария «С «Интернационалом» включить не решились.

Дело в том, что связан был этот самый почетный караул с тем самым Л. Д. Троцким, который в 1918 г. во «врагах народа» не числился, а был наркомом по военным делам и лично руководил действиями Красной Армии на многих фронтах.

Группа чехов-интернационалистов, не желавших воевать против советской власти, встретила на станции Пензы проезжавшего в Поволжье наркома.

Кадры, конечно, по моей просьбе копировали, а в фильме они фигурировали, кстати, впервые в истории документального кино как свидетельство того, что далеко не все чехи были противниками Октября.

Как удачу для нашей документальной ленты можно оценить и еще один исторический фрагмент, связанный с интереснейшим культурным явлением в пензенской сельской глубинке уже в 1930-е гг. Кирилл Дмитриевич, будучи занятым театралом, очень его ценил, а потому расскажем об этом подробнее.

Начнем с того, что если бы в начале 1934 г. кто-то надумал провести среди жителей села Заметчино и его округа социологический опрос на предмет выяснения их знакомства с театром, то можно было бы заранее предсказать почти стопроцентный отрицательный ответ. Но если бы тот же вопрос был задан в конце того же года, то результат оказался бы просто поразительным. Более

тридцати тысяч человек (если верить давнему отчёту, то 35 863) стали впервые в своей жизни не просто зрителями, но и активными поклонниками замечательного искусства сцены.

Что же за чудо произошло? Когда и как это было? Кто были организаторы и вдохновители этого воистину явления театра народу?

Двенадцатого июня на улицах ничем особым, кроме, пожалуй, сахарного завода, не знаменитого села Земетчино было много приезжих. Прибыло разнообразное начальство, делегации колхозных ударников, механизаторы МТС, гости из соседних районов. Выделялись москвичи – чиновники Наркомпроса, писатели, журналисты.

Но всё же главными на этом многолюдном собрании были не ответработники, как их тогда называли, даже высокого ранга. В Земетчино приехали гости, чей авторитет определялся не служебным положением, а талантом иного служения – служения искусству, творчеству, высокой нравственной идее. Главными были артисты прославленного Московского государственного академического Малого театра, начинавшие дело настолько новаторское, что, случись такое в нынешние прагматические времена, самое мягкое было бы оно названо донкихотством. Ведь суть его заключалась в том, чтобы стать в забытой Богом российской сельской глубинке не гостями, а постоянными жителями. И не жителями только, а деятелями постоянными, первопроходцами на целине человеческих душ, никогда театром не паханной.

Двенадцатого июня 1934 г. Малый театр открывал в Земетчино свой колхозно-совхозный филиал.

Возможностей для скептического снижения характеристики этой акции и тогда, и по прошествии времени достаточно. Ну, придумали в столичном агитпропе очередную кампанию, чтобы «заполнить пропасть, отделявшую деревню от города» (цитата из статьи тех лет. – Авт.). Разве единственным был подобный театр? Журнал «Колхозный клуб» за тот же 1934 г. сообщал, что по приказу Наркомпроса пооткрывали их в ту пору только в России почти шестьдесят. Словом, «временка», бессмысленная политическая показуха, а может, даже издевательство над высоким искусством.

Наверное, подобное суждение небеспочвенно. Но автору этих строк удалось найти один документ, в полном смысле зримый, который настраивает на иное восприятие начинания в Земетчино. Это архивные кинокадры, снятые во время одного из спектаклей. Поразили и запомнились лица людей, которые впервые в жизни смотрели спектакль, их яростно-благодарные самоотверженные аплодисменты. В каких бы агитпропах это ни было придумано, такие

аплодисменты, такие глаза, такие лица дорогого стоят. Талантливые, умные, тонкие, совестливые мастера Малого, сотворившие этот праздник, понимали и чувствовали высокую нравственную цену своего новаторского дела. Не ведая всех обстоятельств, предшествовавших беспрецедентному шагу знаменитого столичного театра, избалованного заслуженным вниманием самой просвещённой публики, можно утверждать, что для прямых потомков и духовных наследников актёров из крепостных был он искренним и органичным.

Случайность или символ: на первом спектакле увидели земетчинские крестьяне правнучку великого М. С. Щепкина – Александру Николаевну и праправнучку – Шурочку. Во главе же филиала академического театра на селе встал заслуженный деятель искусств РСФСР И. С. Платон. Знаменитую свою фамилию получил Иван Степанович от предков – выходцев из Греции. Родившись в 1870 г. в Ростове-на-Дону, он с юных лет и до конца дней своих верой и правдой служил сценическому искусству. После окончания драматических курсов Московского театрального училища стал в 1892 г. воистину человеком Малого театра: актёром, помощником режиссёра и, главное, режиссёром. Тридцать пять лет исполнял Платон эту, как он сам говорил, роль центростремительной силы, способной направлять возможности всего коллектива на решение главной творческой задачи спектакля.

Но режиссура была не единственным подношением Платона Мельпомене. С 1902 г. он выступает как драматург. Его перу принадлежали такие пьесы, как «Напасть», поставленная в Новом театре, «Рабы», «Аракчеевщина», «Наследие времён», увидевшие свет рампы в родном Малом. Впрочем, и этого было мало Ивану Степановичу. Он ещё и переводил пьесы Бомарше, Мольера и других европейских драматургов. Он ещё и готовил смену мастерам русского театра, будучи в 1905–1912 гг. профессором драматического училища Московского филармонического общества. И вот такой человек – воистину Платон в театральном деле – становится во главе Земетчинского колхозно-совхозного филиала Малого театра.

Позволим себе предположить, что это мы, ныне живущие, сейчас больше акцентируемся на некоторой экзотичности дислокации столичного театра с мировым именем в сельской глубинке. Сам же И. С. Платон как истинный интеллигент старой закалки, честный художник, для которого главное не где, а как творить,

воспринимал необычность ситуации как вполне нормальную, соответствующую задачам культурного преобразования страны.

Конечно, кроме самых редких кадров, включенных в фильм «С «Интернационалом», рядом с историческим материалом немалое место нашла и тогдашняя современная Пензенская область, ее достижения в экономике, образовании, культуре.

Словом, экранная реализация сценария, написанного К. Вишневым, Н. Инюшкиным и присоединившимся к ним Я. Клейнерманом, получилась удачной. Обкомовское начальство, которому его показали, осталось весьма довольным таким первым кинотворением в советской истории Сурского края.

Краеведческим аспектом совместной литературно-журналистской деятельности К. Д. Вишневого и Н. М. Инюшкина в 1970-е гг. явилась работа над рукописью книги «Хранить и приумножать».

Это была попытка в очерковом жанре дать панораму жизнетворчества населяющих Пензенский край людей самых разных профессий, сфер трудовой и общественной деятельности.

Обращение к потенциальным читателям авторы начали со слов А. М. Горького, который писал, что «На серьезнейший ... вопрос о значении краеведения может быть дан лишь один ответ: краеведение – дело, значение которого не может быть преувеличено. Мы должны знать нашу землю всю, до последнего атома».

Изучение Пензенского края ведется давно и достигло заметных результатов. Вместе с тем, нельзя сказать, что здесь поставлена последняя точка. Если фактографический материал накоплен изрядный, то не всегда еще он достаточно обобщен и осмыслен. Стало быть, задача в том, чтобы выявить и представить себе целостную обобщенную картину, уловить существо происходивших и ныне происходящих процессов, возникновение и упрочение лучших традиций, свойственных труженикам Пензенской земли.

В предлагаемой вниманию читателей книге использованы многие уже известные факты. Авторы и не претендуют на их первооткрывательство, равно как не претендуют на то, чтобы написать последовательную систематическую историю края. Задача виделась в том, чтобы попытаться обнаружить внутренний смысл и значение событий, те связи и сцепления, которые, на первый взгляд, кажутся случайными, но на самом деле отражают глубоко закономерные исторические процессы. Авторы стремились показать, как накапливалось культурное наследие, которым по праву

гордятся пензенцы, как хранятся и приумножаются ныне лучшие традиции прошлого.

В соответствии с поставленной задачей авторы отнюдь не стремились к строго хронологическому и последовательному изложению фактов и событий – они отражены в истории по-разному, а часто разделены значительным промежутком времени. Поэтому, говоря о настоящем, авторы постоянно делают экскурсы в прошлое, привлекая тот материал, который казался наиболее показательным в данный момент, для данного случая, что и определило своеобразие композиции каждой главы. При этом, разумеется, они далеко не могли исчерпать обилие данных без риска превратить книгу в простое перечисление имен, дат, событий.

А. М. Горький считал, что краеведение «дает моральное удовлетворение, способствует быстрейшему росту чувства нашего человеческого достоинства, внушает нашу веру в творческие силы нашего разума». Если эта книга хоть в малой степени будет способствовать воспитанию чувств, авторы будут считать свою задачу выполненной.

Работа над рукописью книги, на идею которой нас натолкнули только начавшиеся тогда контакты со вторым секретарем Пензенского обкома КПСС Г. В. Мясниковым, продолжалась до 1977 г., но света труд соавторов-краеведов так и не увидел.

Упоминание Георга Васильевича Мясникова в данном контексте не случайно. Не погружаясь в детали содеянного его творческой энергией для культуры Пензенского края с 1961 по 1986 г. на руководящей обкомовской должности, отметим, что он не остался в стороне и от проекта, авторами которого были К. Д. Вишневский и автор этих строк.

Правда, случилось это уже в ту пору, когда, оставив родную ему Пензенскую землю, Г. В. Мясников с ноября 1986 г. в Москве был организатором и руководителем общественного объединения, именовавшегося Советским фондом культуры.

Значимость Фонда, первым учредителем которого выступили более 50 творческих союзов, общественных организаций и учреждений культуры из всех союзных республик СССР, была высока. Председателем его правления был избран известный отечественный деятель культуры Д. С. Лихачев, его первым заместителем – Г. В. Мясников, а членом правления была Р. М. Горбачева, доктор философских наук и, главное, супруга Генерального секретаря КПСС М. С. Горбачева. Разнообразные международные контакты Фонда не исключали, а предполагали региональную практическую

поддержку, создание областных отделений влиятельной общественной организации.

Конечно, не остался без внимания и Пензенский край. Первым председателем областного отделения Советского фонда культуры в 1988 г. был избран К. Д. Вишневский, а его заместителем Н. М. Инюшкин.

При поддержке управления культуры пензенского облисполкома получили специальное помещение, где регулярно проводились общественные обсуждения проблем в близкой нам по духу сфере провинциального бытия.

Заметим, что корысти тут не присутствовало никакой. Дело было сугубо общественное, но искренне нас интересовавшее. И вот в конце 1980-х гг. количественное накопление и осознание знаний о культурном своеобразии и богатстве родной пензенской земли стало подталкивать к качественно новым практическим выражениям.

Так родилась идея, поддержанная и развитая другом и учителем, коллегой и соавтором К. Д. Вишневским. Одобрил он и поддержал название комплексной программы, как-то сразу возникшее и представлявшееся содержательным и выразительным: «От культуры края – к культуре мира».

Над ее содержанием и композицией поработали немало, так как хотелось в достаточно четкой, практически ориентированной форме изложить систему идей, которые могли быть полезны для целого круга людей, профессионально занимающихся культурным проблемами: преподавателей вузов, техникумов, школ и самого молодого поколения провинциалов.

Думаю, что в книге, посвященной 100-летию К. Д. Вишневского, уместно привести принципиально важные фрагменты комплексной программы, донные не утратившие своей актуальности.

I. ОБОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОГРАММЫ

1. Тревожный процесс нарастающей декультуризации нашего общества требует поиска новых, более эффективных форм активного приобщения в первую очередь молодежи к национальному и мировому духовному богатству, без освоения которого невозможен выход из социального кризиса.

Концептуальный смысл такого поиска должен заключаться в том, чтобы культура воспринималась не как некий набор желательных для современного человека, но необязательных сведений, а как система взаимосвязанных явлений, которые имеют для личности характер ценностей.

Чтобы успешно решить эту задачу, необходимо создание оптимальных условий для активного, заинтересованного освоения личностью духовного наследия, порождающего чувство сопричастности миру культуры.

2. Наиболее благоприятные возможности в этом плане дает та культурно-историческая среда, в которой наследие прошлого предстает наиболее доступно и зримо, среда, окружающая человека с детских лет и способная раскрыть перед ним огромный мир духовных связей и явлений, воспринимаемых не только рационально, но и эмоционально.

Соединение конкретного знания и непосредственного чувственного восприятия фактов и объектов культуры родного края может стать не только средством воспитания реального, а не лозунгового патриотизма, но и необходимым условием для успешного интегрирования личности в мировую культуру.

3. Именно сформулированные посылки позволяют утверждать, что практическое воплощение комплексной программы «От культуры края – к культуре мира» может вывести усилия по пропаганде отечественной и мировой культуры и ее освоению молодежи на качественно новый уровень, отвечающий вызовам нашего времени.

Актуальность и важность незамедлительной и обстоятельной реализации предлагаемой ниже комплексной программы обусловлены созвучностью ее целей этим вызовам.

4. Цели программы концептуально связаны с рядом диалектически взаимодействующих реалий наших дней.

Это необходимость выхода массового сознания на уровень нового политического и гуманитарного мышления, соединяющего в себе высокий уровень национального самосознания с общечеловеческими духовными ценностями, возможность и необходимость интеграции в мировую культуру.

Это необходимость нового уровня патриотического самосознания, свободного от идеологических догм и продуктивно соединяющего, воспринимающего все гуманистические, нравственные ценности прошлого и настоящего, воплощенные в объектах и явлениях культуры.

Это необходимость учета особенностей современной психологии восприятия, особенно молодежи, культурно-исторической и эстетической информации, обусловленных воздействием средств массовых коммуникаций.

Учет названных требований при реализации программы, интегрирующей в единую систему многочисленные, но разрозненные разовые акции по изучению и пропаганде культурного наследия, позволит показать ее участникам принципиально важную в нашем раздираемом противоречиями мире диалектику особенного, национального, местного и общего, нужного всему человечеству, объединяющего людей на основе гуманности, нравственности, цивилизованности.

Культурно-историческая среда родного края, которая заговорит при посредстве нашей программы с человеком уже в его детские годы, поможет увидеть, что мировая культура не есть нечто, находящееся вдалеке, а результат коллективного сотворчества наций и народов. Ее полноправные создатели и его земляки, питавшие свое творчество национальными традициями, народной культурой и нравственностью и слившие эту культуру с культурой мира.

5. Согласно программе «От культуры края – к культуре мира» будет задействован комплекс мероприятий, составляющих определенную систему.

а) Широкое ознакомление, прежде всего, учащейся молодежи с культурным наследием нашего края.

б) Пропаганда культурных ценностей, накопленных в прошлом и в настоящее время, среди широких слоев населения и области.

в) Исследование неизвестных страниц истории культуры края, ее связей с культурой других регионов и стран.

г) Способствование охране, сбережению и восстановлению памятников культуры на территории края.

д) Создание материальной базы для плодотворного изучения и пропаганды культурной истории края.

II. ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОГРАММЫ

Знакомство с отечественной культурой и последующее более глубокое и систематическое ее изучение предполагают, прежде всего, введение в программы учебных курсов учебных заведений различного профиля специальной дисциплины «Культура Пензенского края».

Данная дисциплина, хотя и близка по предмету и материалу изучения к Краеведению, в то же время существенно от него отличается.

Это отличие состоит в следующем.

1. Краеведение предполагает более широкий аспект изучения, включающий, помимо фактов гражданской истории края, знакомство с географической характеристикой, данными о промышленности и сельском хозяйстве в динамике их развития, сведения о флоре и фауне края и т.д.

Предполагаемый курс сужает предмет изучения и одновременно его углубляет, предполагая сосредоточить основное внимание на гуманитарном аспекте: это развитие духовной жизни общества, просвещения и науки, различных видов искусства; это и более детальное изучение деятельности лиц, так или иначе связанных с культурной жизнью края в прошлом и настоящем; это, наконец, аудиовизуальное знакомство с лучшими образцами различных видов искусства, созданных на пензенской земле, или лицами, причастными к жизни края.

Так, относительно литературного творчества имеется в виду наследие не только корифеев, крупных представителей русской классической и многонациональной советской литературы, но и ряда писателей «второго плана», тем не менее, причастных к созданию определенного культурного фона.

Это не только работы наиболее крупных живописцев – воспитанников и преподавателей Пензенского художественного училища, но и роль самого училища и Пензенской картинной галереи в развитии духовной жизни города и области.

Многочисленные памятники зодчества, в том числе вошедшие в Свод памятников истории и культуры РСФСР, должны быть представлены не просто как архитектурные раритеты, но опять-таки как проявление определенных духовных и культурных факторов.

Аналогичная гуманитарная трактовка должна сопровождать и другие экскурсии в историю края.

2. Если краеведение как таковое закономерно, но все же ограничивает свои задачи и свой материал чисто местными масштабами, то задача предлагаемого курса вытекает из его названия – «От культуры края – к культуре мира» и состоит именно в том, чтобы показать культурную историю Пензенской области не как ограниченную рамками условных административных границ, замкнутую в самой себе, а как систему открытую, как часть общей истории нашей родины и, более того, как часть всемирной истории культуры.

Ведь жизнь – действительность любого региона страны, любой местности, любого уголка входит как ее элемент в систему более высокого порядка и, в конечном итоге, есть часть глобальных процессов.

Так, участие пензенских ополченцев в «битве народов» 1813 г. выходит по своему значению за рамки узко-местной истории. Байронизм Лермонтова и энциклопедизм Радищева есть часть общего умонастроения эпохи и проявление духовных связей. Участие братьев Голицыных в штурме Бастилии принадлежит истории Франции столь же, сколь и истории России – так же, как биография генерала Джона Турчина не просто эпизод в освободительной борьбе американской нации, но отражение идей аболиционизма, близких русским борцам против крепостного права.

Немало поводов для размышления может дать изучение связей пензенской диаспоры: культурное наследие И. Мозжухина во Франции, судьбы рода Оболенских, эмиграция и возвращение А. Куприна и т.д.

За пределы не только Пензы, но и Советского Союза шагнули лучшие произведения связанных с Пензой живописцев, например, А. Лентулова, лучшие музыкальные произведения О. В. Гришина, театральная деятельность Мейерхольда.

Таким образом, через эти связи, как явные, отчетливые, так и скрытые, опосредованные, и выявляется основная тема нашей Программы «От культуры края – к культуре мира». Разрушая метафизическое представление о замкнутости культуры в пределах родной околицы или ограниченной рамками национальной обособленности, Программа способствует развитию чувства интернационализма, причастности самых отдаленных уголков мира – к его действительности в глобальных масштабах.

III. ПУТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОГРАММЫ

Реализация комплексной Программы «От культуры края – к культуре мира» предусматривает:

- различные категории приобщаемых к изучению истории культуры Пензенского края;
- различные формы и методы этого сложного комплексного процесса.

Основное звено, на которое рассчитана Программа, позволяющее осуществить ее в наиболее полном объеме, – это учебные заведения и другие структуры, ориентированные на программу культурного наследия:

- средние школы, гимназии, лицеи;
- профессионально-технические училища;
- техникумы, колледжи, училища;
- средние специальные учебные заведения гуманитарного профиля;
- воскресные школы. Различного рода кружки и общества;
- университеты культуры;
- высшие учебные заведения;
- педагогический институт;
- институты повышения квалификации специалистов.

Разумеется, общая Программа варьируется в зависимости от специфики аудитории.

Что касается форм и методов осуществления Программы, то и здесь предполагаются, во-первых, многообразие, а во-вторых, свободный выбор наиболее доступных и приемлемых вариантов.

1. Прежде всего, это учебный – лекционный и поурочный – курс с системой практических занятий.

Количество часов, на которые рассчитан этот курс, разумеется, будет различным в зависимости от типа учебного заведения. Конкретная тематика и виды другой деятельности определяются специальными учебными планами и учебными программами. Однако необходимо, чтобы данный курс был включен в сетку часов и в учебное расписание.

В тесной связи с расчетом часов и возможностями учебного заведения состоит и общий принцип включения курса в учебный план.

Другими словами, его можно включить в программу одного учебного года, а можно – в средних школах – растянуть на более длительный срок, увязав с изучением соответствующих периодов гражданской истории (межпредметные связи).

2. Изучение культурной истории края должно обязательно подкрепляться аудиовизуальным воздействием.

Наряду с комплексным использованием технических средств обучения, не забывать и про систему многочисленных экскурсий:

- в музеи (исторические, тематические, мемориальные, художественные), на вернисажи и выставки;
- пешие экскурсии по населенным пунктам с целью не просто увидеть тот или иной скульптурный или архитектурный памятник, но проникнуться той культурно-исторической средой, частью которой такой памятник является;

– дальние экскурсии (поездки) в различные памятные места Пензенской области (Тарханы, Никольск, Аблязово, Мокшан, Наровчат, Чембар и т.д.).

3. Приобщение молодежи к сохранению и реставрации памятников культуры и культурных ценностей вообще.

Эта благородная задача не может осуществляться в приказном порядке или носить характер очередной кратковременной кампании.

Только через длительное разумное и эффективное воспитание с раннего детского возраста глубокого уважения к культурным ценностям, к результатам человеческого труда, уважения к неповторимой творческой фантазии художественного таланта, восхищения им можно выработать, подобно экологическому мышлению, культурное мышление. Только тогда может явиться подлинное, осознанное отношение к культуре, к ее созданиям, а следовательно, и бережное к ним отношение и желание способствовать их сохранению.

В этом плане есть смысл подумать о внедрении «уроков культуры» в виде отдельных целенаправленных бесед и экскурсий уже в дошкольных учреждениях.

4. За прошедшие годы большое развитие получили школьные музеи и уголки боевой и трудовой славы; аналогичные мемориалы созданы и в ряде учреждений и высших учебных заведений.

Эти мемориалы носят общекраеведческий характер, многие ориентированы на память о Великой Отечественной войне. Они способствуют воспитанию гражданских чувств и тем самым выполняют важную задачу.

Всячески поддерживая это благородное дело, продолжая его и совершенствуя, представляется целесообразным в русле Программы усилить внимание к гуманитарно-культурному аспекту таких музеев и уголков.

При этом предполагается создание музеев и обществ, подобных Пушкинскому обществу в школе № 10 (г. Сердобск) или Лермонтовскому обществу чембарских и тарханских школьников. Вполне уместными были бы школьные музеи и общества, посвященные другим видным деятелям культуры и искусства – А. Куприну и И. Мозжухину, Д. Давыдову и В. Мейерхольду, И. Ульянову и Н. Кузьмину...

5. Существенную роль призваны играть всевозможные культурно-массовые мероприятия, имеющие целью приобщение к культурным ценностям взрослого населения. В их числе:

- вечера и праздники искусств;
- художественные аукционы и лотереи;
- выставки-продажи профессионального и самодеятельного художественного творчества;
- издание буклетов, календарей, плакатов, открыток, художественно оформленных и тематически связанных с пропагандой произведений искусства.

6. Пропаганда идей программы «От культуры края – к культуре мира» будет усилена и через средства массовой информации.

Предполагается учредить поощрительную премию в конце каждого года за наиболее интересную и действенную пропаганду культуры и искусства.

Подготовленная К. Д. Вишневым и Н. М. Инюшкиным комплексная программа была рассмотрена и одобрена в областном управлении культуры, управлении народного образования и, что тогда было важно, в обкоме КПСС. Обсуждение прошло также на кафедре мировой и отечественной культуры ПГПИ, где и трудились соавторы. Замечания были сделаны, но доминировала оценка весьма положительная.

Сказав не раз землякам «спасибо» за поддержку, мы понимали, что для успешной реализации идеи «От культуры края – к культуре мира» очень нужна поддержка всесоюзного масштаба. Позвонили по телефону Г. В. Мясникову, с которым на новой его должности связей не теряли.

За годы делового творческого общения с Георгом Васильевичем автор этих строк хорошо усвоил, насколько быстро и точно реагировал этот человек на идеи, положительно им оцененные. Так было и во время нашей встречи в Советском фонде культуры в Москве, куда Мясников пригласил приехать.

После нашей обстоятельной беседы фактический руководитель влиятельной общественной организации не просто предложил, а твёрдо решил, что рождённая в провинции комплексная программа «От культуры края – к культуре мира» обязательно должна быть рассмотрена, обсуждена и поддержана Президиумом Советского фонда культуры.

Случилось это мартовским солнечным днем 1991 г. Академик Д. С. Лихачёв открыл собрание авторитетных членов Президиума, которые, заслушав от членов пензенской делегации суть нашего замысла, после недолгого обсуждения одобрили представленный проект и, поддержав его, пожелали побыстрее начать

практическую реализацию в регионе-инициаторе, а также в других областях страны.

К. Д. Вишневский, который из-за проблем со здоровьем не смог поехать в Москву, с большим удовлетворением и благодарностью смотрел на брошюру с нашей комплексной программой, на обложке которой оставили свои письменные приветствия – пожелания люди, имена которых составляют гордость отечественной культуры и науки. Под фразой «Дай Бог вам удачи!» стояли подписи академиков Д. С. Лихачева, Э. Р. Тенишева, С. О. Шмидта, знаменитого художника-реставратора С. Ямщикова, митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима.

Спустя десятилетия можно сказать, что Программа, возникшая как следствие внутренних потребностей провинциальной культуры, оказалась не в полной мере, но востребованной, причем эта востребованность воплощалась как в реализации многих, хотя и не во всех направлениях намеченного, так и в культуротворческой самодеятельности местной интеллигенции, получившей импульсы от Программы, а, главное, от времени, ее породившего.

В соответствии с запланированным были разработаны оригинальные учебные программы для школ, средних специальных, высших учебных заведений. «Культура Пензенского края» как часть регионального компонента образования нашла свое место в учебно-воспитательном процессе. Увидели свет учебные пособия, написанные деканом факультета русского языка и литературы ПГПУ Г. Е. Горлановым, «Очерки истории культуры Пензенского края» (1994) и «Дороги в мир знаний» (1995).

Впервые в просветительский оборот были введены собранные в книге «Наследие» К. Д. Вишневским и Н. М. Инюшкиным документы различных эпох, письма, мемуары, фрагменты исследований художественных произведений, отразивших культуру Пензенского края.

«Наследие» увидело свет в 1994 г., когда авторы-составители уже занимались делом, которое является одной из важных составляющих многогранной творческой деятельности К. Д. Вишневского.

Энциклопедист

С 1991 г. герой нашего рассказа стал не только литературоведом, стиховедом, педагогом, но еще и энциклопедистом. Случайно? Нет – закономерно.

Аргументов, эту закономерность объясняющих, было несколько. Первым импульсом можно считать впечатления детства

Кирилла. «В нашей семье библиотеку представлял очень большой, громоздкий дубовый шкаф, где книги стояли в два, а то и в три ряда. В нем было восемь полок. Две верхние занимали медицинские книги в одинаковых «казенных» переплетах. Ниже стояли четыре тома «Медицинской энциклопедии» и 13 томов естественной истории «Вся природа», изданной товариществом «Просвещение» в начале XX века: толстые тома в зеленом коленкоровом переплете. А. Брэм, три тома «Жизни животных», «История земли» Неймара, «Народоведение» Ратцеля и др. Рядом с ними притулились девять томов «Детской энциклопедии» издания И. Д. Сытина того же времени, по которым я познавал извне сведения о Божьем мире... Здесь же стояли семь томов великолепной истории «Отечественная война 1812 г. и Русское общество» с многочисленными редчайшими иллюстрациями. И три тома шикарно изданного, но по содержанию уж больно верноподданнического издания «Три века» – это к 300-летию дома Романовых».

Энциклопедический «импринтинг» сохранился у Кирилла Дмитриевича на всю жизнь. И не случайно, что гости ученого-педагога, среди которых с 1961 г. был и автор этих строк, с уважительным удивлением видели в кабинете хозяина богатейшее собрание энциклопедических изданий, им приобретенных и по возможности пополняемых.

Впрочем, герой нашего рассказа пополнял и сами энциклопедии. В 1981 г. в этом могли убедиться читатели уникальной «Лермонтовской энциклопедии». Одной из наиболее значительных в научно-информационном плане была статья К. Д. Вишневого «Стихосложение М. Ю. Лермонтова».

Отзвук энциклопедических интересов Кирилла Дмитриевича можно было услышать и после создания Советского фонда культуры. На одном из собраний его активистов в Пензенском отделении этой авторитетной организации, где он, будучи первым председателем областного отделения, в конце 1980-х гг. озвучил идею о важности создания нашей региональной энциклопедии.

Но, чтобы слова-пожелания стали делом, нужна была деятельная инициатива людей, обладающих реальной возможностью их непростого воплощения, понимающих важность для области и каждого в ней живущего своей «Пензенской энциклопедии».

Такое название книги так же, как и обозначение на её титульном листе издательской программы «От культуры края – к культуре мира», в печатном виде перед широкой – не только провинциальной, но и всероссийской – публикой появилось в 2001 г.

Вскоре на Всероссийском форуме краеведов под руководством академика С. О. Шмидта эта книга была признана одной из лучших в стране.

Но, с благодарностью принимая такую оценку специалистов, обратим внимание, что идея практической реализации региональной энциклопедии родилась в сентябре 1991 г.

И опять же называю эту стартовую дату не только для того, чтобы с уважением и благодарностью отметить длительность тщательного труда редакционного и авторского коллектива. Важно обратить внимание на другое.

Пензенская область, уже активно осваивавшая комплексную программу «От культуры края – к культуре мира», стала одной из идущих впереди в сложном процессе противостояния, начавшегося в конце XX в. и продолжающегося в XXI в., стремительному и не всегда позитивному изменению национальной и глобальной социокультурной панорамы. В эту панораму неизбежно приходится вписываться, но, вписываясь, важно не потерять себя.

Достижению этого могут способствовать формы и направления культуротворческой деятельности, помогающие, особенно молодому поколению, не порвать связь времён и пространств. Пользование каналами виртуализации мира, полем глобальных СМИ не должно исключать из реального мира провинции чувства исторической причастности к нему, личной ответственности за происходящее в нём.

Значение триады – самоидентификация, самосознание, самознание – не уменьшается, а возрастает, обретая новые грани и смыслы. Отсюда необходимость продуманной просветительной и воспитательной системы, трактующей тезис о «единстве в многообразии», соединяющей активное познание, освоение и сохранение мира культуры края с интересом и духовно-познавательной устремлённостью к культуре общенациональной и мировой.

Одним из зримых примеров осознания такой необходимости стал на рубеже XX и XXI столетий всплеск в информационном пространстве российских регионов общественного интереса к созданию местных энциклопедий разного масштаба.

Пензенская область, являющаяся одним из фрагментов регионального пространства России, обладающая существенным историко-культурным потенциалом, оказалась в числе первых, вступивших на этот путь.

Всё это так. Но и в Пензенской области должны были найтись люди, которые своим энтузиазмом могли дать первотолчок процессу, о значении которого только что шла речь.

Своеобразным стартовым моментом стала встреча сентябрьским вечером 1991 г. в кабинете начальника областного управления культуры Е. С. Попова, краеведа, журналиста М. С. Полубоярова и автора этих строк. Казённое здание уже обезлюдело, и, пришедший последним, я увидел несколько неофициальные атрибуты на «руководящем» столе, главным из которых была поллитровая бутылка водки – продукт в ту пору довольно дефицитный.

По рюмочке мы, разумеется, потом выпили, но сперва начался разговор о деле, ради которого и собрались, – о создании «Пензенской энциклопедии».

«Запевалы», конечно, не очень представляли себе объём и сроки огромной работы, впервые планируемой в нашем крае, особенно в пору актуальных тогда политических перемен в стране, но твёрдое решение не отступить было.

Нужно сразу определить, кто будет главным редактором. «Может, профессор Инюшкин возьмётся?» – была вопросительная реплика. «Нет, – ответил профессор, – я не доктор наук, а вот Кирилл Дмитриевич Вишневский – и доктор, и профессор, и умница – вполне подойдёт. Его заместителем быть согласен».

Позвонили Вишневскому домой, получили радостное согласие и горячую поддержку инициативы. Нашли учёного секретаря, которым стала на последующие годы работы М. И. Кутанина.

Словом, процесс пошел. О нем, его проблемах, неудачах, радостях, о тех, кто стал членами редакционной коллегии и редакционного совета, о специалистах-энтузиастах, возглавивших отраслевые редакции и отделы, будет сказано чуть позже, а пока обратим внимание, что уже в самом начале пути к воплощению замысла мудрый К. Д. Вишневский предложил создать и опубликовать концепцию «Пензенской энциклопедии». Эта концепция должна была сконцентрировать в себе обоснование необходимости создания энциклопедии, методические принципы ее подготовки, содержание фундаментального информационного собрания, его композицию. Эффективности работы должна помочь четкая организация деятельности таких компонентов, как Общественный редакционный Совет, Редакционная коллегия, система тематических редакций.

Инициатор создания такой концепции стал вместе со своим заместителем в редакционной коллегии ее автором. Несмотря

на нынешнюю раритетность брошюры, вместившей такой текст концепции, вижу целесообразным опубликование в книге о К. Д. Вишневском фрагментов этой важной работы, принципы которой пригодились и при подготовке второго издания «Пензенской энциклопедии», вышедшего в 2019 г.

I. Обоснование необходимости создания энциклопедии.

Краеведение – это проникновение в глубину истории родного края и одновременно стремление к тому, чтобы осознать своё место и значение в Большой истории Отечества и – шире – увидеть связи, часто не прямые и неявные, с процессом развития глобальной культуры к цивилизации.

Совершенно ясно, что подобная идеологическая и социально-психологическая установка должна быть подкреплена солидным апробированным источником знания о родном крае, свободным от конъюнктурной селекции фактического материала, искусственного отбора и тенденциозной трактовки.

Такой источник должен отвечать следующим условиям:

- 1) быть по возможности максимально полным и охватывать наиболее принципиально важные сферы жизни Края;
- 2) быть достаточно доступным для читателя.

Следует отметить, что к настоящему времени мы располагаем достаточно солидной и всеобъемлющей краеведческой литературой – научной, научно-популярной, справочной и художественной, посвященной различным аспектам истории Пензенского края – губернии и области, его прошлому и настоящему. В своей массе эти монографии, сборники краеведческих исследований, статьи в периодической печати, различного рода библиографические и статистические справочники, сборники архивных документов, путеводители и прочие печатные источники в целом в совокупности, конечно же, создают широкую общую картину жизни Пензенского края – и в то же время воспроизводят немало интересных и важных деталей.

Всё это так, всё это неоспоримо. Но, вместе с тем, вся эта литература, даже если говорить только о послевоенном времени, создавалась на протяжении полувека, в различные периоды существования нашего общества. В этом смысле не могло не сказаться воздействие тех догматических установок, которые во многих случаях лишали наши исследования необходимой полноты и объективности; что же касается интерпретации фактов, то она всецело подчинялась официальным трактовкам и точке зрения партийной идеологии.

Таким образом, нельзя не отметить, что накопленный нами исторический материал при всей его ценности, при всей возможной добросовестности авторов страдает рядом существенных недостатков.

1. Будучи созданы в различное время и различными исследователями-краеоведами, все краеведческие материалы всё же не образуют единой системы. Они не содержат единую концепцию исторического процесса, как не содержат единого критерия в отборе материала.

2. Несмотря на постепенное ослабление цензуры и возвращение в научный и публицистический обиход многочисленных ранее изъятых по политическим мотивам фактов и имен, все же вне поля зрения нашего краеведения остались многие стороны жизни — например, сфера различных конфессий в нашей многонациональной области, роль различных сословий, имена прежних губернских администраторов и т.д. Но любая искусственная селекция лишает все наши рассуждения достоверности и убедительности.

3. В течение многих десятилетий из научного и учебного оборота были практически исключены или тенденциозно интерпретировались те весьма содержательные краеведческие издания, которые выходили в Пензенской губернии в XIX в. и адресовались как специалистам, так и широким слоям читателей, особенно молодежи.

Главное же заключается в том, что с каждым годом все эти источники становятся всё более труднодоступными для широкого читателя, для которого они и предназначены. Далеко не каждая общественная библиотека, не говоря уже о наших личных собраниях, не располагает не то что всей, а даже и малой частью этих полезных и нужных источников сведений о нашем крае.

Между тем необходимость в них отнюдь не становится меньшей, но, наоборот, увеличивается. Наша педагогическая общественность, органы культуры и просвещения, отделение Советского Фонда культуры совсем недавно приняли обширную и разностороннюю родоноведческую комплексную программу «От культуры края — к культуре мира». Существенной частью этой программы является включение в учебные планы школ, техникумов, вузов изучение культурной истории края, что отнюдь не исключает необходимость изучения и гражданской истории, экономической, политической и т.д. И программа в целом, и постановка учебных курсов родоноведения необходимо требуют соответствующих пособий — источников сведений о жизни — Края.

Таким основным источником сведений и должна стать Пензенская энциклопедия. Она вберёт в себя наиболее существенные данные, факты, биографии, используя достижения современной исторической науки и нашего Пензенского краеведения по самым различным аспектам жизни нашего края.

При этом в одном источнике окажется материал, спрессованный до размеров, необходимых для первоначального осведомления, – и в то же время в библиографических примечаниях адресует читателя к более полному изложению в соответствующей литературе.

Энциклопедия такого типа необходима не только для учителей-краеведов, которым она адресована в первую очередь. Она, несомненно, вызовет значительный интерес самого широкого круга читателей-земляков, желающих знать как можно больше о тех местах, с которыми связано понятие «Родина». Пензенская энциклопедия как справочник по самому широкому кругу вопросов принесет пользу; более того, окажется необходимой и в профессиональной сфере как ориентир по тем или иным вопросам; ею воспользуются и экономист, и работник средств массовой информации, и политик, и администратор, и руководители различных рангов, и библиотекарь.

Во всяком случае, опыт подобных справочных изданий, находящихся во многих городах страны, свидетельствует о плодотворности этих книг, их популярности.

Тщательно выверенные, обобщенные и конкретные данные Энциклопедии помогут избежать ошибок, которые, к сожалению, нередко встречаются у тех, кто пишет о нашем крае.

В заключение вводного раздела следует отметить, что издание Пензенской энциклопедии как нельзя лучше отвечает вызовам нашего времени, требующего для преодоления социального кризиса в нашей стране скорейшей интеграции в систему экономических и духовно-культурных связей мирового сообщества.

Систематизирование знаний о нашем крае поможет не только воспитанию патриотических чувств тех, кто родился и живет в нем, но и больше узнать тем, кто захочет установить с ним прочные и взаимовыгодные отношения.

Пензенская энциклопедия должна стать важным звеном в системе энциклопедических знаний о мире, стране, крае.

II. Содержание энциклопедии.

Определить, что именно должно войти в Энциклопедию, в каком объеме, а что останется за её пределами, означает выработать

руководящую концепцию для её составления, а это далеко не так просто, как может показаться с первого взгляда.

При составлении словника, отборе терминов, определении объема статей и заметок и т.д. неизбежно возникают противоречия, а иной раз – и взаимоисключающие требования. Так, с одной стороны, словник должен быть всеобъемлющим, а полнота сведений – максимальной. Однако, с другой стороны, есть разумные пределы и тому, и другому.

Есть опасность и столкновения амбиций, местнических интересов, возникновения обид: почему в словник попало то-то и то-то, а вот это – «не менее значительное» – не включено?..

Следует определить и жанры входящих в энциклопедию статей и заметок, в частности, договориться, нужны ли обзорные статьи по узловым вопросам, какова система отсылочных слов и их иерархия. Поэтому предлагается следующее.

По составу словника.

Предусматриваются три типа статей:

1. Статьи проблемного и теоретического характера должны освещать действительно важные для жизни и истории развития края масштабные факты, процессы, явления. При этом они должны даваться в краткой тезисной форме и создавать у читателя лишь общее представление по затронутому вопросу, имея в виду, что дальнейшее более подробное его освещение предусмотрено через систему отсылочных слов и библиографических примечаний.

Важное требование к таким статьям заключается в том, что они должны акцентировать внимание на том, как общие черты того или иного процесса, явления и т.д. специфически преломлялись в условиях Пензенского края.

2. Краткие справочные заметки как самостоятельного характера, так и отсылочные дают конкретное описание факта, события, понятия, названия и т.д. Они требуют оценки или трактовки с каких бы то ни было идеологических позиций. Задача такой справки – лишь воспроизводить фактический материал.

Самостоятельные заметки также могут содержать отсылочные слова, а отсылочные слова – в свою очередь, отсылочные слова второго и третьего порядка. Например:

Заметка «Город-крепость Пенза» содержит набранное курсивом слово «Черкасский острог». Это слово на своём месте по алфавиту также будет содержать краткое пояснение с упоминанием фамилии «Котранский». Набранная курсивом фамилия является отсылочным словом и так же станет самостоятельной заметкой.

В этой заметке могут встретиться фамилии Зумеровского и Лачинова – они, в свою очередь, станут отсылочными словами и будут включены в словник, как и биографические справники.

3. Биографические заметки. Они, по всей видимости, будут особенно многочисленны, что, однако, не должно превращать Энциклопедию в биографический словарь или адресную книгу.

Типологическая структура такой заметки следующая:

- фамилия, имя и отчество;
- годы жизни /по старому стилю/;
- место рождения /по старому административному делению/;
- в какой семье родился;
- образование;
- основные этапы жизни и деятельности.

При отборе лиц для включения в энциклопедию необходимо исходить из того, насколько заметной для своего времени и для последующих времён была деятельность данного лица, хотя эту деятельность совершенно необязательно рассматривать с позиций одной классовой идеологии. Так, равное право на включение в Энциклопедию имеют и большевистские деятели – Кураев, Бош, Либерсон, и их политические противники – эсеры, и руководитель тамбовского крестьянского восстания Антонов, и т.д.

Это могут быть:

– лица, деятельность которых протекла /полностью или частично/ на территории Пензенского края, как в его старых, так и в новых границах соответственно /воеводы Лачинов, Котранский, Зумеровский, вице-губернатор И. М. Долгорукий, попечитель И. И. Лажечников, И. Н. Ульянов, К. П. Огарёв, М. Е. Салтыков-Щедрин, К. А. Савицкий, Е. Бош, В. С. Гризодубова, шахматист А. И. Алёхин и другие/;

– выдающиеся деятели, пензяки по происхождению; А. И. Радищев, К. А. Горбунов, П. М. Яблочков, В. О. Ключевский, А. Н. Бекетов, Н. Г. Маркин, Н. Н. Бурденко и другие;

– наиболее известные лица, кратковременно побывавшие в Пензенском крае /П. А. Вяземский, Д. В. Давыдов, А. М. Горький, А. В. Луначарский, С. Н. Эйзенштейн, Д. Д. Бурлюк, В. В. Маяковский, А. А. Фадеев, И. Л. Андроников и многие др./.

В персоналии могут быть включены:

- общественные деятели;
- революционеры;
- администраторы различных рангов, в том числе дореволюционные;

- руководители предприятий;
- представители торговли и купечества;
- священнослужители;
- учёные;
- деятели промышленности, строительства, транспорта, связи;
- работники сельского хозяйства;
- воины;
- просветители и деятели культуры;
- театральные деятели;
- художники;
- музыканты;
- писатели;
- педагоги;
- краеведы;
- спортсмены;
- умельцы;
- юристы;
- строители, архитекторы;
- медики, а также любые представители других профессий, внесшие свой заметный вклад в историю Пензенского края.

Следует также включить в словник заметки о наиболее примечательных населенных пунктах. Это будут краткие характеристики:

- городов Пензенского края (Пенза, Кузнецк, Сердобск, Каменка), а также входивших в состав губернии до 1928 г. (Саранск и Рузаевка);
- районных центров /уездных центров, существовавших до 1928 г.;
- рабочих посёлков и наиболее крупных сёл;
- исторических мест: Аблязово, Зубрилово, Тарханы, Владыкино, Загоскино, Кандиевка, Черногай, Поим, Волчий Враг и др.

По композиции энциклопедии.

1. Все материалы, независимо от их тематики, жанра (обзорная статья, заметка, отсылка) и объема, располагаются **исключительно в алфавитном порядке**.

2. Если слово в тексте заметки набрано *курсивом*, это означает, что в Энциклопедии имеется специальная отдельная заметка под тем же словом.

Эти отсылки позволяют связать между собой разные статьи, разрешить содержание каждой из них и в то же время избежать повторений.

3. В тексте статей и заметок используются принятые для аналогичных изданий сокращения (см. их отдельный реестр).

В данной Энциклопедии название края / области – Пензенская – и города Пензы в большинстве случаев обозначается заглавной буквой «П». Названия других населенных пунктов обозначаются в каждой статье первый раз полным названием, а далее в тексте – соответственной заглавной буквой.

4. В заголовках статей и заметок прилагательное «пензенский», как правило, опускается, если и без того понятно, что речь идет о местном. Например, в статьях «Промышленность», «Национальный состав», «Освободительное движение», и т.д. нет необходимости добавлять «пензенская/ое, ий/», ибо и так ясно, что речь идет о нашей области.

5. Статьи и заметки по мере необходимости снабжены библиографией. Указывается лишь фамилия автора, к труду которого адресуется читатель, тогда как полное название источника дано в специальном списке.

Если одному автору принадлежат несколько печатных трудов, ссылки на которые даются в примечании, то после его фамилии указывается порядковый номер из списка трудов этого автора.

Например, Савин, 4 или Годин, 2, или «Поиски и находки», I и т.д.

III. Работа редакции Энциклопедии.

Создание энциклопедии осуществляется Общественным редакционным Советом и Редакционной коллегией.

1. Редакционный совет состоит из Председателя-начальника правления культуры (по должности) и из представителей общественности, Председателя правления областного отделения Фонда культуры и главного редактора Пензенской энциклопедии, а также спонсоров, участвующих в финансировании издания.

В функции редакционного Совета входит общее руководство по созданию Энциклопедии, материальное обеспечение работы над изданием, привлечение к работе редакторского состава и выход Энциклопедии в свет как окончательный результат своей деятельности.

2. Редакционная коллегия состоит из главного редактора, его заместителя, учёного секретаря редакции и редакторов отделов / разделов энциклопедии.

В функцию редколлегии входит, в первую очередь, составление словника. Эта работа выполняется редакторами тематических разделов, подающими свои предложения (списки слов) учёному секретарю.

При этом предлагаемые для включения в энциклопедию слова должны сопровождаться всем набором отсылочных слов как первого, так и всех последующих порядков, если таковые желательны.

Учёный секретарь редакции ведёт картотеку словника.

Предлагаемые слова заносятся на карточку обычного библиотечного типа. При этом на каждое слово заводится по два экземпляра карточек, которые и образуют две параллельные картотеки – алфавитную и тематическую.

Такое дублирование совершенно необходимо для того, чтобы:

а) не пропустить какие-то важные стороны жизни края, детали событий, факты и фамилии;

б) соразмерять пропорции включаемого тематического материала, контролировать состав отсылочных слов.

Ответственные редакторы тематических редакций создают свой авторский коллектив для конкретной работы над текстом статей и заметок, а при необходимости – отделов по более узким темам. При этом за ними сохраняется право существенно редактировать получаемые от авторов тексты в соответствии с правилами и принципами энциклопедических изданий.

Главный редактор энциклопедии и его заместитель осуществляют текущее руководство работой и окончательное редактирование словника и текстов.

Состав словника утверждается на Редакционной коллегии, а затем на редакционном Совете.

Концепция «Пензенской энциклопедии», разработчиком которой был К. Д. Вишневский, включала в себя такой практически важный для успешного решения поставленных задач компонент, как структура редакций и отделов, обеспечивающая разносторонний информационный охват. Все редакции и отделы в них перечислять не буду. Скажу только, что в этом охвате были природа, история, экономика, культура, конфессии, иллюстрации и картография, библиография. И каждая редакция имела еще немало количество отделов, конкретизирующих перечисленные выше многогранные сферы краеведческого познания.

Но только концепции при всех ее достоинствах было мало. От слова нужно было переходить к делу, в котором главный редактор К. Д. Вишневский принимал самое деятельное участие.

И началась раскрутка энциклопедического сюжета: подбор редакционных кадров, выделение помещения, техническое обеспечение, и, конечно, финансирование. Сейчас и впрямь даже вспоминать удивительно, как это мы со всем справились, прежде чем процесс пошёл.

С искренней благодарностью подчеркну роль Евгения Семёновича Попова. Он не только внимательно, даже придиристо знакомился со всеми нашими бумажными творениями принципиального свойства, но и делал свои очень конструктивные предложения, никогда не отмахиваясь от проблем редакции энциклопедии, возникавших по ходу дела.

Могу уверенно сказать, что Е. С. Попов просто понимал истинную значимость постепенно обретавшей зримые черты энциклопедии для культуры любезного ему Пензенского края, для самопознания и самоуважения тех, кто на этой земле живет.

Принятое в ельцинских верхах решение о национализации объектов, принадлежавших КПСС, создало в Пензе ситуацию, к которой и автор этих строк как председатель правления областного отделения Российского фонда культуры имел отношение. Отлично построенное и оборудованное здание Дома политического просвещения очень хотелось обрести для сферы культуры. Многофункциональный Дом искусств мог бы найти помещение и для редакции и дирекции «Пензенской энциклопедии».

И вот, как говорится, крепко взявшись за руки, представитель общественной организации, культуру представляющей, и лицо, по должности своей руководящее этой же сферой, отправились к областному начальнику, который теперь именовался главой администрации.

Был им А. Ф. Ковлягин. Этот умный, стратегически мыслящий человек, с большим опытом работы на высоких партийных и советских должностях, всё понял. Дело было вечером, и Е. С. Попов самолично напечатал в приёмной необходимую бумагу, которая и была подписана главой администрации.

О многогранной деятельности Дома искусств, особенно в первые годы его существования, рассказ может быть особый, а пока скажу только, что рабочее место для создателей «Пензенской энциклопедии» было обретоно.

С вопросами финансирования уникального издания Е. С. Попов к начальству области не пошёл, а решил их, используя возможности системы, которой сам руководил.

В подробности этого непростого дела вникать не будем, а читателю сообщу, что структура, включавшая в себя редакцию энциклопедии, её дирекцию, людей, занимавшихся корректурой, компьютерным набором, была создана. Нашлись средства и на пусть очень скромный, но гонорар для авторов статей.

И вот здесь мы подходим к кругу вопросов, без решения которых ни дирекция, ни корректура, ни компьютерный набор, да и гонорар не потребуются. Кто будет автором статей? Какие это будут статьи? Какова будет тематическая и содержательная структура книги, которая должна стать первым систематизированным сводом информации о природе, населении, истории, экономике, культуре края, его выдающихся людях в различных сферах жизни и деятельности?

Не знаю, подойдёт ли для ответа о главном факторе успешного решения всех перечисленных вопросов образ «цепной реакции», но употребить его хочу, потому что энтузиазм зачинателей энциклопедии стал достоянием тех, кто с интересом и желанием вошёл в отраслевые редакции и отделы, где бытие, скажем, природы Пензенской области рассматривалось специалистами-учёными в разных проявлениях. А дальше эта самая «цепная реакция» вовлекла в процесс тех, без кого не обойтись – авторов статей, иллюстративного материала, карт, многочисленных приложений. Число тех, чьи подписи стоят под статьями, думается, впечатлит читателя – 500!

И ещё заметим, что в коллективе энтузиастов не было людей, имевших опыт подготовки изданий такого рода, и двигаться к выпуску в свет тома объёмом в 132 учётно-издательских листа, включающего около 3500 статей, свыше 600 фотографий, карт, схем, было нелегко.

И всё же ядром, двигателем многоаспектного процесса создания энциклопедии была её редакционная коллегия, возглавляемая главным редактором К. Д. Вишневым, руководители редакций и отделов.

Можно без преувеличения сказать, что не просто по приглашению, а по доброй воле, по желанию внести свой вклад в создание первой «Пензенской энциклопедии» в это деятельное ядро вошли достойные представители гуманитарной элиты нашей области.

Не погружаясь в перечисление научно-исследовательских заслуг этих деятельных энтузиастов, все же назову имена, запечатлённые на начальном развороте важного для нашего края издания. Это В. Д. Бондалетов, Г. Ф. Винокуров, В. А. Власов, В. С. Годин,

Н. И. Забродина, А. И. Иванов, Н. М. Инюшкин, Л. И. Крутова, И. И. Курицын, М. С. Полубояров, О. М. Савин, Э. Р. Тенишев, А. В. Тюстин, В. Н. Хрянин, А. И. Чирков, Г. П. Шалдыбин, Г. В. Якушева.

Но, перечислив этих замечательных людей, не забудем и цифру, упомянутую выше: 500. Именно столько было авторов статей, приложений, иллюстративного материала.

Это ведущие специалисты природоведения, промышленности, сельского хозяйства, экономики, строительства, общественных наук, просвещения, литературы и искусства, культуры, здравоохранения, спорта, религиоведения, проживающие как в областном центре, так и в районах области. В списке авторов и консультантов также есть ученые из Москвы, соседних областей и республик. Научно-методический контроль фактологии и стилистики статей, их редактирование в необходимых случаях осуществлялось более чем тридцатью отраслевыми редакторами достаточно высокой квалификации. В их числе доктора наук, профессора, кандидаты наук и доценты, ответственные работники разного профиля, обеспечивавшие изданию высокий уровень научности и информационной корректности.

Десять лет – с 1991 по 2001 г. – продолжалась работа, о которой идет речь. С огромной радостью аплодировал главный редактор К. Д. Вишневский вместе с сотнями людей, переполнивших зал Дома искусства, когда на презентации книги она была поднята перед публикой и прозвучали слова: «"Пензенская энциклопедия" – есть!»

Вклад героя нашего рассказа в возможность такого возгласа очень велик. Однако не забудем, что он был не только руководителем сложного творческого процесса, но и автором многих статей. Одна из них называется «Театральная жизнь».

Тема этой статьи позволяет перейти к следующей главе, где речь пойдет о ещё одной грани личности К. Д. Вишневого. Назовем ее «Театрал».

Театрал

В начале этой главы вернусь в сентябрь 1954 г., когда молодой кандидат филологических наук К. Д. Вишневский только начал свой путь вузовского педагога, а мы, первокурсники, впервые слышали его интересные лекции.

Но через некоторое время оказалось, что в самой большой аудитории нашего факультета можно было услышать и увидеть

нашего Кирилла Дмитриевича не только как преподавателя. Аудитория, о которой упомянуто, являлась ещё и помещением, где проводились общефакультетские мероприятия, а также зрительным залом.

Развлечений было немного, и студенты охотно ходили на самодеятельные концерты и спектакли популярного в институте драматического кружка.

И вот однажды в числе зрителей, приглашенных посмотреть постановку сатирической комедии Исидора Штока «Чертова мельница», оказался и юный тогда автор этих строк. Про саму пьесу и постановку поминать не буду, но увиделось на сцене то, что особенно поразило нас – первокурсников.

В главной роли Люциуса, черта первого разряда, увидели мы нашего лектора – литературоведа К. Д. Вишневского. Сначала даже не узнали его – таким он и внешне, и по обусловленной ролью манере говорить и двигаться предстал перед нами на сцене. Воплощение сатирического образа залу понравилось, а коронным моментом стала реплика исполнителя, вызвавшая весёлое оживление в зале и даже аплодисменты. Вот она: «Я – Люциус, черт первого разряда, недавно окончил Адскую академию и прибыл в вашу округу на практику!» Ведь все оказалось как в жизни самодеятельного актера – только что законченная аспирантура и начало работы в институте.

Если для нас появление Кирилла Дмитриевича на сцене было интересным открытием, то для него самого сцена и лично с ней связанное являлось уже жестом, достаточно обжитым. О том, как это происходило, какие чувства вызывало, узнать удалось в последующие десятилетия нашей дружбы, и потому хочу кое-что сообщить о первых шагах на пути формирования такой немаловажной грани личности К. Д. Вишневского, как театрал.

Зрительских впечатлений о спектаклях в довоенное время у Кирилла-подростка не осталось. Но в школьные годы первые встречи с театральным действием не зрителем, а участником сценического процесса уже произошли.

Без комического элемента здесь не обошлось. Сам участник так описал это в своей последней книге «Пенза и пензяки»: «Учился я тогда в классе в 8-м или 9-м. Силами всей школы ставилась "Майская ночь" по Гоголю с песнями и танцами. Нет-нет, не думайте, что героем-любовником был – главную роль Левко играл мой друг и одноклассник Толя Иванов. У него действительно был

довольно сильный голос (не случайно, когда мы с ним вместе были на курсах младших лейтенантов, он был запевалой роты).

Роль Головы досталась тоже не мне, а другому моему другу и однокласснику Жене Майстровичу (вот они, друзья!) Мне же... ну, конечно же, роль писаря, всего несколько слов: "Погоди, пан Голова, комиссарова рука..." (это когда в руках у Левко обнаружили неизвестно как попавшую к нему записку). Ну ладно, хоть что-то – так нет, этот паршивец, партнер, Голова в упоении своей роли, забыв про паузы и диалог, так и не дал мне произнести мою реплику! Обидно. Сорвал мой бенефис!» (С. 186).

Война прервала сценическую карьеру начинающего театрала, и вернулся Кирилл к своему увлечению, уже став студентом историко-филологического факультета Пензенского педагогического института.

Многообразие творческой натуры студента-филолога проявилось не только в самодеятельном актерстве, но и в попытке самому писать пьесы. Попробовал – и вот на суд зрителей-студентов и педагогов предстала постановка по пьесе начинающего драматурга. Одноактный политический детектив про некую чешскую девушку Яну, завербованную американским разведчиком, потом прозревшую и разоблачившую диверсанта, в ту пору оказался актуальным, и в роли злодея-шпиона выступал сам сочинитель.

Самоиронический комментарий к этому событию стоит прочитать в той же книге «Пенза и пензяки»:

«Будучи невероятно тщеславным человеком, не могу не привести рецензию на спектакль – правда, устную. Наш ведущий литературовед, Александр Михайлович Красноусов заметил: "Пьеса неплохая, но актер из Вишневого никудышный".

Другой ведущий литературовед, ехидный Лев Михайлович Вольпе, был диаметрально противоположен в оценке: "Пьеса, конечно, дерьмо, но сыграл Кирилл (это, стало быть, я) неплохо". Я думаю, что оба были правы, но только в половине своих утверждений» (Пенза и пензяки. С. 187).

Забегая вперед, нужно сказать, что попытки драматургического творчества были в жизни Кирилла Дмитриевича и в более позднее время. В пору становления Пензенского телевидения активный участник этого интересного творческого процесса К. Вишневский в соавторстве с Н. Инюшкиным написал несколько телевизионных пьес.

Первая из сыгранных артистами областного драматургического театра, как говорится, в «прямом эфире» называлась несколько

неожиданно – «Аве, Мария!». Неожиданность была в том, что столь высокое восклицание относилось к удивительно трудной, во многом героической жизни реальной женщины, нашей землячки – Лине Степановне Ломаковой-Холодовой.

До того, как стать в 1965 г. носителем звания «Почетный гражданин Пензы», Лина Степановна была участницей боев с чешскими legionерами в 1918 г., была разведчицей 1-го Пензенского коммунистического полка, участвовала в гражданской войне как пулеметчица. Как разведчица переходила польскую границу, оказалась схваченной и подверглась пыткам в тюрьме. Нелегкой была судьба Ломаковой-Холодовой и на родине, где, необоснованно репрессированная, она пробыла в ГУЛАГе с 1938 по 1958 г.

С большой долей авторской фантазии была сделана попытка воспроизвести и соединить некоторые детали дел и испытаний, выпавших на долю несломленной Лины Степановны, с которой мы успели познакомиться. Спектакль, «Аве, Мария!» имел зрительский успех, и Пензенское телевидение несколько раз показало постановку, осуществленную молодым режиссером Арташесом Тер-Казаровым.

Несколько необычным было название и еще одной телевизионной пьесы – «Ужель злодеям щит порфира». Ее главным сюжетным стержнем являлась дуэль Лермонтова и Мартынова.

Здесь авторы не фантазировали, а, построив сценарий в форме судебного присутствия с вызовом свидетелей, показали строго документированные высказывания в защиту и обвинение Мартынова как подтверждение того, что трагическая гибель великого поэта явилась преднамеренным убийством вольнолюбца по воле властей.

Однако если вернуться к рассказу об участии К. Д. Вишневского в сценической жизни как студента, а затем педагога, то окажется, что роль Люциуса в «Чертовой мельнице», о которой уже шла речь, не была единственной артистической удачей в институтском театре.

Институтских театров в Пензе в ту пору было два. Один – в индустриальном, другой – в педагогическом институте. В первом режиссёром был доцент Б. И. Иллюстров, а группой пединститута руководил и сам играл бывший актер Новосибирского театра В. Т. Нечунаев. Театры соперничали, тем более, что нередко они ставили одни и те же пьесы. В их числе знаменитая «Без вины виноватые» А. Н. Островского.

По оценкам зрителей, спектакль в пединституте был более успешным, чему помогла отличная игра исполнительниц главных ролей: Кручинину играла Лидия Кербицкая, профессиональная актриса, работавшая на кафедре литературы, Галчиху – Мария Захарова, тоже бывшая актриса, а в то время – библиотекарь. Очень удачным было сценическое перевоплощение К. Вишневого, исполнившего роль Пети Миловзорова.

Творческое соперничество индустриального и педагогического институтов на этом не закончилось. Оба театра одновременно поставили популярную тогда комедию В. Киршона «Чудесный сплав». Кирилл Вишневский тоже участвовал в этом спектакле и многие годы спустя сообщил читателям своей последней книги, что у него сохранилась вырезка из газеты «Молодой ленинец» за 31 мая 1957 г. с рецензией С. Иоффе, человека, не чуждого театральному искусству.

Отдавая дань и той, и другой постановке, С. Иоффе все же считал, что «В. Нечунаев и К. Вишневский, на наш взгляд, на более верном пути, чем Ю. Гранатов. Ф. Розенберг играл в комедии индивидуалиста Олега – и я тоже был занят в этой роли...

Играл я и в "Оптимистической трагедии", но все же по натуре мне были ближе роли комические: не случайно самой любимой была роль Хлестакова» (Пенза и пензяки. С. 189).

Актерское творчество героя нашего рассказа фактически закончилось с пятидесятыми годами, но театральная жизнь как объект пристального интереса, пространства чувств и размышлений начала приобретать именно в эту пору иную форму, служению которой он отдал ещё полвека.

Это рецензирование спектаклей, поставленных на сцене Пензенского областного драматического театра, и, думается, не случайно первая большая статья в этом жанре, опубликованная в газете «Пензенская правда», была связана с пьесой, близкой К. Вишневскому и как театралу, и как литературоведу.

Впрочем, слово «первая» здесь не случайно с разных сторон. Дело в том, что это была рецензия на первую в истории постановку драмы «Дмитрий Калинин», первой и единственной пьесы, написанной нашим великим земляком В. Г. Белинским в 1830 г.

Читатели статьи «Пьеса, возрожденная к жизни», опубликованной в областной газете 15 января 1957 г., могли узнать о том, как, будучи студентом Московского университета, юный Виссарион создал произведение, наполненное антикрепостническим

пафосом, стремлением показать «тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных».

Драма, представленная Белинским в цензурный комитет, была категорически запрещена как противная религии, нравственности и российским законам. Рассказав об этом, автор рецензии на спектакль, увидевший свет через 126 лет на родине юного драматурга, сообщал читателям, что образы действующих лиц имеют подлинных прототипов. Коллега К. Вишневого по пединституту доцент М. П. Молебнов установил, что реально существовавший Дмитрий Калинин, «сын дворового человека Егора» не только учился в одном классе с Белинским, но и весь год сидел с ним за одной партой.

Удел единственного крепостного, обучавшегося в Пензенской гимназии, после получения образования вынужденного вернуться к помещикам Лещинским, где он формально числился «дворовым человеком», оказывается трагическим. Не выдержав ударов судьбы, униженный кончает жизнь самоубийством.

И вот в январе 1957 г. коллектив Пензенского драмтеатра вдохнул сценическую жизнь в забытую романтическую драму В. Г. Белинского. Приведем несколько фрагментов рецензии К. Д. Вишневого, оценивающей достоинства и некоторые недостатки этого творческого труда земляков великого критика.

«Трудно передать впечатления от спектакля. Он захватывает, действует на чувства и воображение. Многие недостатки в нем искупаются очень искренней взволнованностью всего артистического ансамбля, а режиссерская смелость Ю. Юровского, которая, конечно, вызывает споры, все же представляется нам несомненной творческой удачей.

Дело в том, что Ю. Юровский создал новый сценический вариант пьесы. Ведь драма никогда не ставилась, а в том виде, как она написана Белинским, она для постановки затруднительна. В драме мало сценического действия и очень много длинных монологов, в которых судьбы героев и их поступки не показываются, а пересказываются. Размер драмы в ее подлинном виде в сценическое время не укладывается.

Ю. Юровский сократил многие менее существенные монологи и диалоги, на основании текста создал пролог, оживил действие, сконцентрировав его вокруг основной сюжетной линии. Можно спорить о моральном праве Ю. Юровского "исправлять" классику. Но бесспорно одно: без "вмешательства" режиссёра пьеса не могла получить сценическую жизнь. Кроме того, Белинский не считал

текст драмы окончательным. Своему брату он писал: "Я непременно намерен в свободное время понемногу переделывать ее"».

Конечно, анализ постановки «Дмитрия Калинина» не мог обойтись без оценок актерской игры.

«Заглавную роль исполняют артисты Ю. Горбухов и Б. Болеславский. У обоих еще много недостатков, но при всем том у Горбухова больше искренности, чувства, что спасает его там, где не хватает техники, мастерства. Больше соответствует и внешность Горбухова нашему представлению о прекрасном русском парне, глубоко талантливом и демократичном. У Болеславского больше мастерства, но временами он холоден, и чувствуешь, что многое у него идёт не от сердца, а от мысли. Впрочем, рано ещё делать окончательный вывод. Творческое соревнование двух актёров будет, несомненно, продолжаться».

Скоро у Ю. Горбухова и Б. Болеславского появился конкурент, который после тщательного отбора остался главным исполнителем. Это был Г. Егоров. Годы спустя К. Вишневский в другой статье так оценит его: «Артист великолепных внешних данных и глубоких чувств, пожалуй, самый романтический, самый удачный исполнитель роли Дмитрия Калинина». Оценки исполнения женских ролей рецензентом неоднозначны.

«По-новому раскрылось дарование Л. Лозицкой в образе Софьи. Здесь менее заметны некоторые детали актерской работы, привычные у артистки в других спектаклях. Глубоко лиричная и в то же время сильная и мужественная, Софья в исполнении Лозицкой – это именно та девушка, которая внушила Дмитрию большую, одухотворенную любовь. К сожалению, этого не скажешь о Марии Николаевне Рудиной в исполнении артистки Ангарской. Этому образу не хватает той большой моральной убежденности, силы обаяния, которые не только вызвали чувство Сурского, но и (где-то за пределами драмы) повлияли на Софью и фактически вырвали ее из-под растлевающего влияния семьи».

В статье обращается внимание на общий настрой постановки, объединяющий выразительные компоненты.

«Спектакль пронизан духом эпохи и заставляет зрителя перенестись в далекое миновавшее время крепостного права. Великолепен пролог, введивший в атмосферу событий той эпохи. Это пейзаж, в котором народная Русь с ее нивами, березками, реками сочетается с Россией царской – колокольным звоном, колодниками, нищими: это заунывное пение нищих и бряцание цепей, отдалённые раскаты грома, как бы символизирующие судьбу героев, –

все это оставляет неизгладимое впечатление и "заряжает" зрителя до конца спектакля. А весь актерский ансамбль стремится выдержать спектакль в заданном ключе. Вот почему ощущаешь холодок на спине, переживая унижения вместе с Иваном (артист П. Кирсанов), чувствуешь омерзение от ханжества и зверства, наблюдая бесподобную группу ханжей и приживалок в исполнении З. Знаменской, С. Накашидзе, Е. Блажевой и Л. Луганславской. Хороши массовые сцены. Хороши эпизодические роли в исполнении С. Тиуновой, М. Савицкого, В. Кускова, М. Каминской, П. Каушанской: что ни образ – то тип, характер».

А вот заключение первой известной нам статьи К. Д. Вишневого как театрального критика.

«Как всегда, со вкусом и просто оформлен спектакль художником Д. Е. Пнишиным, причем некоторые сцены, например, путешествие в кибитке, радуют свежестью и оригинальностью. Несомненно, что в спектакле есть и недостатки. Быть может, их много. Но ведь и сам коллектив театра не считает свою работу законченной. А спектаклю жить да жить, радуя нас, земляков Белинского, и весь наш народ зазвучавшими со сцены страстными словами пламенного народного заступника».

О любви К. Д. Вишневого к личности и творчеству другого великого земляка – М. Ю. Лермонтова читатель уже знает. И, конечно, когда в 1964 г. родная поэту Пензенская земля готовилась вместе со всей страной отметить его 150-летие, не остался в стороне и герой нашего рассказа.

Помимо участия во всесоюзной Лермонтовской научной конференции, состоявшейся в Пензе, литературовед К. Д. Вишневский горячо поддержал совет своего знаменитого коллеги И. Л. Андроникова, данный коллективу областного театра. А заключался он в том, что перспективной была бы первая постановка в Пензе лермонтовской пьесы «Странный человек», носящей автобиографический характер и отражающей юношескую страсть к Наталье Фёдоровне Ивановой.

Коллектив театра и режиссёр Ю. Гранатов деятельно откликнулись и создали собственный сценический вариант романтически насыщенной лермонтовской драмы.

О. М. Савин, автор книги «Пенза театральная», в разделе, посвящённом постановке «Странного человека», обращается к рецензии К. Д. Вишневого, опубликованной в «Пензенской правде» 11 октября 1964 г., как позволяющей подробно рассказать об этом спектакле. Воспроизведем это обращение и мы.

«Очень темпераментно сыграл роль Владимира Арбенина Э. А. Соловьян – это и есть в глазах общества "странный человек". Он сродни грибоедовскому Чацкому... актёр хорошо раскрывает пылкую, страстную и очень чистую душу своего героя. Образ, созданный им, явно романтического звучания». «Отец героя – Арбенин-старший, появляется на сцене сравнительно на короткое время, – писал Кирилл Дмитриевич. – Но заслуженный артист ТАССР В. И. Стебаков умеет найти такие детали и интонации, при помощи которых создаёт образ лаконичный и очень выразительный. Недоброе, холодное, жёсткое существо – таков тип, прочно входящий в сознание зрителя».

Сообщив, что главную героиню Наталью Загорскину играет М. И. Тамбулатова, рецензент добавлял: «Внешний облик исполнительницы удачно воспроизводит некоторые известные нам по портрету черты подлинного прототипа героини – Наталии Фёдоровны Ивановой – и тем самым напоминает зрителю трагическую историю любви самого поэта, открытую и так красочно рассказанную литературоведом И. Л. Андрониковым... В исполнении М. И. Тамбулатовой мы видим обычную светскую девицу, в общем-то, может быть, и неплохую, но заурядную, всецело находящуюся в плену светских условностей, привычек и традиций. Так именно задуман этот образ Лермонтовым, так он и сыгран исполнительницей».

Далее К. Д. Вишневский говорил о том, что образ княжны Софьи в исполнении заслуженной артистки РСФСР Л. А. Лозицкой сложен и многообразен: «Мы видим не просто великолепную интриганку, но женщину, чье тайное чувство к Арбенину, отчаяние заставляют совершить опрометчивый, неблагородный поступок с целью разлучить Арбенина с Натальей. В итоге молодая женщина, понимая, что стала одной из причин гибели любимого человека, испытывает чувство глубокого потрясения».

«Особенно хочется отметить, – рассказывал рецензент, – эпизодическую роль крестьянина-ходака, с большой силой воплощённую народным артистом РСФСР П. М. Кирсановым. Написанная Лермонтовым сцена была взята из жизни. Немало картин произвола и надругательства помещиков над крестьянами приходилось ему видеть, немало рассказов об этом он слышал. В этой сцене отразился протест молодого поэта против крепостнической действительности. И не случайно Лермонтов во многом перекликается здесь с трагедией В. Г. Белинского "Дмитрий Калинин"».

«Постановщик Ю. Н. Гранатов, – писал в заключение К. Д. Вишневский, – отнёсся к авторскому тексту бережно, но в то же время смело и решительно внёс в него изменения, несколько не противоречащие духу лермонтовской драмы и всего творчества вообще. К числу удач следует отнести сцену, где Арбенин в костюме астролога разит присутствующих мадригалами и эпиграммами. Постановщик использовал здесь подлинные стихи Лермонтова, написанные им для новогоднего маскарада... Удачно, впечатляюще сопровождает весь спектакль музыка, строго и выразительно используются световые эффекты. Постановка идёт в стремительном темпе. Всё это делает спектакль интересным и своеобразным» (Савин О. В. Пенза театральная. С. 369–370).

Рецензий К. Д. Вишневого на спектакли, поставленные в пензенском драмтеатре во второй половине 1960-х гг., немного. Но уже тогда Кирилл Дмитриевич выработал для себя принципы публичного освещения сценических работ, которым следовал многие годы. «Меня многие упрекали, что в этих рецензиях я уж очень снисходителен к актёрам и спектаклям и расхваливаю их почём зря. Но, во-первых, я всегда любил наш театр и считаю, что в отдельные периоды он ничуть не уступал некоторым столичным, а может быть, был и лучше. Ну, а во-вторых, я всегда считал, что критика – вежливая, тактичная – гораздо продуктивнее "разносов", которых требовали некоторые кровожадные зрители» (Пенза и пензяки. С. 185).

Умение увидеть творчески интересное в работе режиссёра, актёра, художника, добрым, убедительным словом отметив это, делало газетные рецензии К. Д. Вишневого, которые в те годы пользовались читательским интересом, средством привлечь пензяков к театральному искусству.

По мнению педагога-литературоведа, это особенно важно для молодого поколения. Потому, чуть отвлёкшись от рассказа о рецензиях на театральные постановки, отметим активное участие Кирилла Дмитриевича в одном новаторском деле, родившемся в пензенском пединституте в 1962 г.

Это был факультет общественных профессий, ориентированный на эстетическое и художественное воспитание студентов. В Совет факультета в числе преподавателей, представителей общественных организаций, студентов-активистов вошёл и доцент К. Д. Вишневский, который возглавил кафедру режиссуры и художественно-декоративного оформления. Помогая декану ФОП

В. Т. Нечунаеву, который руководил и студенческим театром, в самодельных постановках на институтской сцене, Кирилл Дмитриевич ещё и организовывал коллективное посещение студентами вуза спектаклей в областном драмтеатре, обсуждение увиденного ими.

Продолжалось такое содействие театральному просветительству не один год и, конечно, было замечено и приветствовалось в коллективе профессиональных тружеников сцены. В эту пору знаком уважительного отношения к учёному, педагогу, рецензенту стало приглашение К. Д. Вишневого в состав Художественного совета Пензенского областного драматического театра.

А возглавить творческий коллектив одного из старейших в России театров в 1971 г. был приглашён С. Е. Рейнгольд. Образованный режиссёр работал до того в театрах Ленинграда, Новокузнецка, Иванова, в сезоне 1956–1957 гг. поставил несколько спектаклей в Пензе.

Пензенское десятилетие режиссёрского творчества С. Е. Рейнгольда с 1971 по 1981 г. было весьма плодотворным. Лучшие спектакли, поставленные в эти годы, увидели не только в Пензе, но и на столичной сцене.

Кирилл Дмитриевич по возможности охотно общался с главным режиссёром и хорошо понимал уровень его мастерства. Вспоминая об этом человеке в конце дней своих, герой нашего рассказа написал, что, «когда у руля стоял Семён Ефимович Рейнгольд, человек умный и интеллигентный, театр был театром».

Впрочем, ещё в конце ноября 1977 г., когда в театре шел спектакль «Тихий Дон», перед его началом профессор К. Д. Вишневский вышел на сцену и произнёс умные и искренние слова о главном режиссере, которому исполнилось тогда 50 лет и 25 лет творческой деятельности.

Рецензионная деятельность самого К. Д. Вишневого в 1970-е гг. заметно активизировалась. Помимо аналитического одобрения постановки «Острова сокровищ», позволяющей на два часа перенестись в страну далёкого действия – страну знаменитых капитанов, путешествий и приключений, читатели «Пензенской правды» могли познакомиться с критическим рассмотрением пьес, связанных ситуациями из жизни советского общества тех лет.

Поставленная в марте 1971 г. пьеса Я. Волчека «Несколько тревожных дней», по мнению рецензента, отражает стремление советской литературы, драматургии, кинематографии искать

остросюжетные общественные значимые ситуации в мире учёных, социальная роль которых на глазах возростала.

Режиссурой спектакля занимался Р. Вартапетов, который старался подобрать актёрский состав, расставить такие акценты в игре исполнителей, чтобы спор двух учёных Дмитрия Гаранина (исп. В. Тишаев) и Архангельского (исп. Н. Шевкуненко), переплетенный катастрофой во время испытаний, превратился в напряженное драматическое действие.

«Коллектив театра создал волнующий спектакль. Первая картина оказалась несколько затянутой и вялой, но дальше действие набирает силу, напряжение, естественность. Как-то по-особенному интимно и впечатляюще выглядят частые выходы главных героев на авансцену – зритель чувствует, что идет не показной, а подлинный спор Гаранина и Архангельского. Артист Н. Шевкуненко нашел скупые, но запоминающиеся детали для своего персонажа, мы чувствуем его постоянное напряжение, внутреннее кипение. В. Тишаев разнообразнее, сложнее, но так оно и должно быть, ибо перед нами совершенно различные характеры».

Женские роли в спектакле отодвинуты на второй план. М. Тамбулатова (Медведева) и С. Заикина (Лариса) нашли нужные краски для создания характеров. Образ же Ольги (артистка Г. Ющенко) оказался обедненным, слащавым, малоинтересным. А такому характеру, как Гаранинский, должен противостоять характер соответствующий, иначе правы окажутся окружающие: Ольга будет Гаранину не подругой, не опорой, не равноправным спутником жизни, а лишь поздним увлечением.

Закljučая рецензию, К. Д. Вишневский еще раз отметил, что спектакль получился глубоким, интересным и по-настоящему современным.

Проблемы современной, жизни, где в числе первых были проблемы производственных отношений, тогда в репертуаре драматических театров занимали немалое место. Касалось это и пьесы «Человек со стороны», написанной И. Дворецким. Молодой инженер Чешков, перешедший с периферийного завода на крупнейший комбинат, действительно человек со стороны. Дружному коллективу этого комбината есть чем гордиться, о чем напоминают Чешкову старожилы-ветераны. Но конфликт, где по задумке драматурга правота за инженером-новичком, которому со стороны оказывается видно противодействие, мешающее эффективному производственному росту и требующее устранения.

Сообщая об этом, так сказать, костяке конфликта, рецензент спектакля, конечно, показывает, как и драматургический материал, и игра актеров, и все другие компоненты постановки воплощаются в ложные межчеловеческие отношения.

Исполнитель роли Чешкова С. Леонтьев создал образ реалистичный, убедительный, но, по мнению К. Д. Вишневого, излишне подчеркнуто прямолинейно. В постановке был занят очень большой коллектив – около 300 исполнителей. Среди них создавшие интересные образы В. Тишаев, Н. Шевкуненко, В. Нелобин, М. Тамбулатова, П. Кирсанов. Спектакль получился слаженным, четким, ритмичным и, что самое главное, умным и интересным.

«Театр выбрал для постановки, острую, наполненную настоящей героикой будней современную пьесу. Лишний раз подтверждается простая истина: когда актёрам есть что играть, когда им самим интересно строить яркие характеры, – тогда приходит и творческая удача, и нет ролей "проходных", а есть прекрасно сделанные миниатюры. И мы запоминаем и острого, умного Сапсакаева (заслуженный артист УАССР В. Оскаленко), и мягкую, с юмором Полуэктову (артистка Г. Репная), и энергичную и решительную Сонюшку (артистка Т. Коковина), и растерянного, сникшего Пухова (артист В. Панков), и многих других, хотя на сцене их роли эпизодичны. Постановка спектакля "Человек со стороны" – в работе нашего театра момент принципиально новый. Режиссёр заслуженный деятель искусств РСФСР С. Рейнгольд и художник заслуженный деятель искусств РСФСР Г. Епишин сумели вдохновить исполнителей на подлинно художественное произведение театрального искусства. Выразим же театру нашу признательность и пожелаем "так держать" и в будущем».

Сценическое воплощение актуальной проблематики советской жизни тех лет, конечно, не исключало репертуарного многообразия в творческой жизни областного драматического театра. И обзор статей и рецензий К. Д. Вишневого 1970-х гг., опубликованных в «Пензенской правде», даёт тому подтверждение.

Чуть выше читателю нашей книги сообщалось, что профессор пединститута после премьеры «Тихого Дона» в ноябре 1977 г. поднялся на сцену, чтобы поздравить главного режиссёра С. Е. Рейнгольда с 50-летием и пожелать ему новых творческих успехов. А успехом уже была и только что увиденная зрителями постановка романа М. Шолохова, ставшего классикой русской советской литературы.

Об этом читатели областной газеты могли узнать из рецензии К. Д. Вишневого под заголовком «Трагедия Григория Мелехова», опубликованной 29 октября. Обращение к фрагментам статьи театрального критика позволяет почувствовать стилистику анализа постановки, связь конкретики режиссёрских и актёрских решений с глубиной шолоховского произведения.

«Открывается занавес, и наш взор приковывает серебристая длинная полоса, протянувшаяся в глубине сцены от одного её края до другого. Полоса в виде узкого, длинного, похожего на штык коноуса, переломленного посередине. Когда на неё падает свет прожектора, она фосфоресцирует сине-фиолетовыми всполохами, словно бы играет Батюшка Тихий Дон... Когда она остаётся в тени, тусклая и серая – словно бесконечная дорога уходит вдаль. Дорога с большой буквы, жизненный шлях, тернистый и мучительный, которым пришлось идти героям бессмертной шолоховской эпопеи. Это как бы эпиграф ко всему спектаклю. Удивительное дело: нет, наверное, человека, который не знал бы "Тихого Дона"; все мы, сидящие в зале, заранее знаем, что произойдёт с героями, и, тем не менее, в который раз трепетно переживаем происходящее на сцене. Но такова сила гения: немного в мире найдётся произведений, достойных встать в один ряд с романом Шолохова. Глубокая жизненная правда необыкновенной силы, о чём трудно говорить словами, а можно только почувствовать, – вот что отличает произведение, способное многократно снова и снова потрясать человека, с ним соприкасающегося».

Конечно же, основное внимание (и это так и должно быть) привлекают личность и судьба Григория Мелехова.

«Я поэтому заговорил об этом, чтобы полнее оценить работу артиста В. Смирнова, создавшего яркий и полнокровный образ. На мой взгляд, это не просто лучшая работа артиста, свидетельствующая о его творческом росте вообще и о творческом взлёте в данном спектакле в частности. Перед нами на сцене личность сложная, но вызывающая симпатию и сочувствие. Да, мы видим трагические ошибки героя, которые ведут в конечном итоге к преступлению против народа. Но В. Смирнов сумел показать и то, каких невероятных мук стоят эти ошибки Григорию; в самых сложных ситуациях артист выявляет то человеческое, что и дает герою право на наше сочувствие. Нет, мы и сейчас, через полвека, не склонны к гуманизму абстрактному, но финал, когда Григорий теряет всё, вплоть до права вернуться в общество, это ли не самое страшное возмездие!? Постановщиком – главным режиссёром

театра заслуженным деятелем искусств С. Е. Рейнгольдом сложный многоплановый спектакль, изобилующий действующими лицами, массовыми сценами, решен таким образом, что не пропадает ни один эпизод, ни один штрих. Отсюда и возможность для актёров максимально выявить характеры своих героев, даже если мало драматургического материала. В спектакле нет второстепенных моментов – есть лишь порой просто краткие смысловые абзацы».

Не обошлись без рецензионного анализа К. Д. Вишневского и драматургические произведения пензенских авторов, поставленные на сцене областного театра. Так случилось с пьесой «Главный разговор – завтра», написанной Виктором и Маргаритой Сидоренко.

Профессиональный художник, прозаик, драматург Виктор Александрович и его жена Маргарита, помимо творческих дел, ещё и преподавали в Пензенском художественном училище, которое они в свое время закончили. Реальные жизненные конфликты в стенах этого учебного заведения только подтолкнули талантливых пензяков к идее не только воплотить его проблематику драматургически, но и связать стимул-конкретику с возможностью минимизировать сложные коллизии и характеры персонажей. На что обращает внимание читателей «Пензенской правды» театральный критик в рецензии, опубликованной в апреле 1977 г.? Как оценивает сценическое решение отмеченных задач с содержанием пьесы и игрой актёров, занятых в постановке?

«В спор вступают по-разному. Можно устроить общественный диспут, можно затевать дискуссию в дружеской компании, в своей учебной группе, в комнате общежития. Человек, у которого не случится собеседника, будет просто размышлять, мысленно взвешивая все "за" и "против". В любом случае мы имеем дело с приглашением, действующим безотказно. И вряд ли найдётся зритель, которого спектакль оставил бы равнодушным.

Сила воздействия заключена и в отличной игре актеров, и в быстроте постановки проблем, и в добротной драматургии пьесы молодых авторов. Нет нужды и пересказывать сюжет, да и сделать это затруднительно, потому что в продолжение двух часов на сцене вроде бы не происходит никаких событий. Не случайно авторы и постановщики определили свою работу как "спектакль-диспут" в двух частях».

К. Д. Вишневский отмечает, что начавшееся в ходе мимолетного импровизированного собрания по поводу неудачно составленных характеристик на учащихся противостояние мнений молодежи и ветеранов, переросшее в лавину взаимных упреков

и обвинений, обнажает многие черты характеров, скрывавшиеся ранее под личиной респектабельности и благоразумия. Читатель рецензии узнает, что милый шутник и остроумец Вадим (артист Ю. Фейчин) оказывается индивидуалистом и дерзким фрондером; староста Люда (артистка С. Белогруз) – мещанкой и карьеристкой; мещанин Володя Жижица (артист Н. Емельянов) – таким прожигателем жизни, да еще и нечистым на руку; между подругами Ленной и Никой (артистки Л. Шантренко и Н. Валенская) вспыхивает безобразный скандал. И так далее, и тому подобное.

Вот здесь и начинается уже спор зрителей. Возможных точек зрения и оценок множество, часто они непримиримо противоположны. Пьеса нарочито полемичная, нарочито заострена, углы не сглаживаются, и авторская позиция способствует осложнению ситуаций: авторы не хотят умильных, облегченных, слащавых решений – и в этом они правы. Если уж решать или, по крайней мере, ставить важную проблему, так делать это без компромиссов – иначе к чему и диспут, если все заранее ясно.

Заложена в спектакле мысль, которая под натиском эффектных сцен как бы скрывается до поры на втором плане. А мысль важная и глубокая. Она состоит в том, что время от времени человек должен остановиться и подумать. Пересмотреть свою жизнь. Дать ей оценку – строгую и без всяких скидок. Даже если все внешне благополучно. И тем более – перед вступлением в самостоятельную жизнь, перед этим вот самым главным «разговором», который предстоит завтра.

Завершая, по сути, первую рецензию на драматургическое произведение земляков-современников, К. Д. Вишневский подчеркивает, что «пьеса М. и В. Сидоренко написана тонко, язык ее, сочный и живой, часто звучит афористически, характеры героев мотивированы – и все это способствует созданию интересного спектакля, в котором работа коллектива исполнителей звучит хорошо слаженным ансамблем.

При всем при том и в пьесе, и в постановке есть, разумеется, и спорные моменты. Ну что ж, диспут, начавшийся на сцене, пусть продолжается и после закрытия занавеса. Быть может, истина и не родится в споре – не все проблемы разрешаются легко и просто, но уже одно то, что спектакль заставляет всерьез задуматься над проблемами нравственного воспитания, является лучшей ему оценкой».

Читателю этих строк известно, что в своей рецензионной практике К. Д. Вишневский сознательно акцентировал внимание

на положительных аспектах спектаклей, поставленных в Пензе, творческих находках драматургов, режиссёров, актёров. Но так было, конечно, не всегда.

О неприемлемом на сцене, об отрицательных смысловых перегибах, умаляющих воспитательную роль постановок, театральный критик порой говорил во весь голос. Достаточно обратиться к статье, опубликованной в марте 1980 г. и содержащей справедливый, но весьма жёсткий анализ спектакля «Старый дом». «Как нарочно, игра актёров могла бы служить украшением спектакля. Могла бы. Потому что перед нами тот, достаточно редкий в искусстве случай, когда совершенство формы лишь подчёркивает порочность содержания.

Спектакль оставляет гнетущее впечатление, и этому немало способствует то, что исполнителям действительно удается в какие-то моменты вызвать эмоциональную реакцию зрителей. К сожалению, не всегда такую, на которую можно было бы рассчитывать. И не столько силой воздействия эстетического идеала, – какой уж там идеал! – а похожестью, узнаваемостью тех мрачных явлений, которые, к сожалению, еще имеют место в жизни. Вот только неясно: зачем все это?

Давайте рассуждать без ханжества и лицемерия, но и без обвиняков, как говорится, с позиции искусства. Убеждён, что каждый человек в театре знает слова Гоголя – я лишь напому их: "Театр – это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра".

Какую же добрую цель ставил перед собой драматург Казанцев? Разоблачить зло? Чуть ли не половину первого акта на сцене бушует пьяница, изощренно, садистски издевающийся над женой, дочерью и сыном. Заслуженный артист РСФСР Н. Смирнов – актёр могучий, и образ он создаёт страшный. Но пусть простит он мне реплику: его талант достоин лучшего применения. И разве нужно художественное воплощение на сцене, чтобы безоговорочно осудить мерзавца, потерявшего человеческий облик? Разве это предмет для обсуждения? Мечется другая омерзительная личность – Пётр Кузьмич, сплетник, доносчик, демагог, этаким современным унтер Пришибеев, доводящий юных героев до катастрофы. Заслуженный артист РСФСР Кузьменко мощно лепит образ. Но разве это предмет для спора? Разве здесь есть какая-то проблема? Ведь и то, и другое, как говорил Салтыков-Щедрин, находится уже не в сфере искусства, а в сфере прокурорского надзора...»

Размышляя о том, какие человеческие качества несут в постановке образы других персонажей, рецензент отмечает осознанный

драматургом и режиссёром уход от всего положительного, добро несущего. Панорама предстающих перед зрителями действующих лиц – это, по словам К. Д. Вишневого, какой-то паноптикум!

Да, конечно, гражданская позиция режиссёра и исполнителей в первом акте спектакля сомнений никаких не вызывает: зло они осуждают решительно. Интересно, однако, какая же другая позиция может быть разумной альтернативой перед лицом нравственного кошмара? Разве здесь есть над чем размышлять?

И как же драматург должен был сместить акценты, если, хотя и хорошая, но ведь вполне обыкновенная девушка Саша вдруг оказывается таким идеалом, «светлым пятном» на фоне мрачной клоаки! Норма человеческой личности выдаётся за идеал. А порок? Он, что ж, явление нормы? Но, может быть, всё дело в финале, где герои пожинают то, что посеяли 12 лет назад? Может быть, именно здесь и содержится плодотворная, художественно выраженная идея?

Старый дом – это символ пережитков прошлого, говорят нам. Это символ отживших человеческих отношений, эгоистических и нечистоплотных. Так ведь концы с концами не сходятся: дом идёт под снос, а люди, его населявшие, остаются такими же. И происходит что-то странное: некая поголовная реабилитация гнусности.

Я бы не сказал, что во всех грехах повинны промахи режиссуры. Скорее, наоборот. Народный артист РСФСР С. Е. Рейнгольд всеми силами пытается придать постановке приемлемое звучание. В спектакле много удачных находок, начиная от выразительной музыки и кончая финальной мизансценой. Но как преодолеть тот «неверный звук», что заложен в самой пьесе?

Своевременным критическим обобщением явился и финал рецензионной статьи Вишневого, где постановка «Старого дома» рассматривается в контексте других театральных произведений, увиденных пензенскими зрителями в последние сезоны.

«На прошедшей недавно конференции ВТО был положительно оценен репертуар театра, тесно связанный с современностью. С этим можно согласиться. В то же время, наверное, следовало бы более равномерно распределять по времени те или иные спектакли. Критическая струя, сама по себе важная и закономерная, на стыке двух театральных сезонов приобрела несколько непропорциональное звучание. Достаточно перечислить спектакли, следующие один за другим: "Жестокие игры", "Гнездо глухаря", "Мы, нижеподписавшиеся...", "Аморальная история..." В каждой из них есть,

несомненно, и удачи, но все вместе в одном ряду они выглядят односторонне.

На ошибках – учимся. Истина банальная, но справедливая».

Приведённый пример из многолетней практики аналитических оценок творимого на сцене Пензенского областного театра свидетельствует, что публичная похвала не является для Кирилла Дмитриевича абсолютной доминантой, а возникает там, где она заслужена объективно и субъективно.

В 1990-е гг. активность героя нашего рассказа как театрального критика по ряду обстоятельств снижалась, но всё же учёный-литературовед постарался не оставить без внимания постановку пушкинского «Бориса Годунова». Отношение к ней было выражено в статье «Впечатляющий спектакль», опубликованной в «Пензенской правде» в июне 1993 г. Напомним, что это было время для российского общества непростое, полное противоречий, породивших в октябре того же года печально известный штурм Белого дома. Так что многие намёки на переключку трагедии Пушкина с нараставшим процессом в России были в театральной рецензии весьма актуальны. Обратим на это внимание и мы.

Постановка в пензенском театре трагедии «Борис Годунов» – без преувеличения событие. Творение, повествующее о делах давно минувших дней, заставляет повторить пушкинские слова: «Это животрепещуще, как вчерашняя газета». Поэт не сразу нашел заглавие для своей пьесы – первоначально она называлась «Комедия о настоящей беде московского государства. О царе Борисе и Гришке Отрепьеве. Летопись о многих мятежах». Тут хочешь не хочешь, а на ум просто приходят всякие аналогии и аллюзии...

Нет, постановщик трагедии московский режиссер Ю. Колонтаров вовсе не модернизирует свой замысел: в спектакле нет прямолинейных наивных сопоставлений. Ничуть не мешает некоторый анахронизм – то, что мальчишки катаются по сцене на самокатах, а бояре все, как один, сбрили бороды – важно ведь, что во все смутные времена в толпе снуют мальчишки, прозревая будущее, а заговорщики и предатели – они таковыми остаются и с бородой (современной!) и без оной. А «вечный сюжет», избранный Пушкиным, сам по себе наводит на размышления и сопоставления.

Сообщив читателям о невозможности включения полного текста трагедии в рамки постановки, рецензент отметил, что сокращение постановщиком реплик и изъятие ряда сцен позволили уложить спектакль в разумное сценическое время без особых потерь.

Подлинным триумфом названа сценография, осуществленная художником-постановщиком С. Шавловским, полная тонких неожиданных творческих выдумок и, вместе с тем, весьма рационального оформления сцены и действия в спектакле.

Нет претензий к основным, да и не только к основным, исполнителям: каждый ведёт линию своего образа точно и создает отчётливый рисунок характера, каким он видится режиссеру.

«Самой высокой оценки заслуживает артист Г. Мазур в роли царя Бориса. Напомню, что трагедия Пушкина было первым реалистическим произведением в русской литературе, и одним из проявлений реализма были характеры героев трагедии – не однозначные, плоские, как в драматургии классицизма, а сложные, многогранные, индивидуализированные.

Царь Борис в исполнении Г. Мазура в каждом эпизоде разный. Это юродствующий избранник на царство и очень заботливый и нежный отец. Это человек, до истерики замученный угрызениями совести, и решительный, собранный правитель, каждое распоряжение которого звучит как военная команда.

Второе главное лицо – Гришка Отрепьев в исполнении артиста Е. Бакалова. Исполнитель добросовестно осуществляет интерпретацию образа, предложенную режиссёром: самозванец – это довольно легкомысленный вертопрах и авантюрист, шут и позёр; однако сомнительно, чтобы заговорщики всерьёз делали ставку на такого человека... Ну да ладно: всех одурачил, всем наобещал, вот и пошли за ним.

Но вот что не лезет ни в какие ворота. Да простит мне Е. Бакалов, к которому я отношусь с искренней симпатией, но в сцене у фонтана (классика же!) он играет не Пушкина, а... Гоголя! Да, да: его весьма прозаические ухаживания за Мариной – это не от Царевича, кем бы он ни был на самом деле, а от Хлестакова».

Важная для театрального критика идея переклички «Бориса Годунова» с актуальной социально-политической ситуацией в России воплотилась в анализе финала спектакля, давшего возможность автору рецензии выразить своё отношение к происходившему в нашей стране в 1993 г.

«Известно, что первоначально трагедия заканчивалась словами: «Народ: "Да здравствует царь Дмитрий Иванович!"» Оставить эту тираду означало бы заявить, что народ – это стадо баранов, которое безропотно следует за лукавыми пастырями. В окончательной редакции Пушкин нашел гениальную концовку, ставшую

классической крылатой фразой: народ безмолвствует. И в этом зловещем молчании содержалось ой как много грозного смысла!

Постановщика такой финал не удовлетворил. Заключительная сцена спектакля – это литургическое действо, где хор призывает к миру и согласию. Что и говорить, в соответствующем музыкальном оформлении выглядит она очень внушительно, впечатляюще, сильна своим эмоциональным накалом.

Но позволительно высказать и другое мнение, пусть субъективное и отнюдь никого и ни к чему не обязывающее. Лично меня такой финал не устраивает. Года три-четыре тому назад он воспринимался бы иначе. Спешу предупредить, что я ни в коем случае не экстремист. Но, право же, в нынешних условиях надеяться на то, что с бандитом на площади можно заключить мирное соглашение, может лишь тот, кто сознательно надел на себя шоры, забыв, что к ним в ассортименте прилагаются еще узда и кнут. Да и исторически коллизия, послужившая Пушкину сюжетом, заканчивалась иначе. Об этом довольно точно сказал другой поэт:

Чтобы трон поправить царский
И вновь царя избрать,
Тут Минин и Пожарский
Скорей собрали рать...

(А. К. Толстой. История государства российского).

Вот так, не мудрствуя лукаво, сама жизнь решила проблему. Пушкин это прекрасно знал и просто не хотел показывать самоочевидное».

Среди немногочисленных театральных рецензий 1990-х гг. автору этих строк приятно отметить оценку К. Д. Вишневским постановки пьесы «Гусарская элегия», написанной Н. Инюшкиным и В. Садчиковым. Режиссурой спектакля, призванного сценически воплотить позднюю любовь знаменитого генерала-поэта Д. Давыдова к юной Евгении Золотаревой, занимался Арташес Тер-Казаров.

Заметим, что для приглашенного в областной театр драмы опытного телевизионного режиссёра эта была первая постановка на сцене такого масштаба.

Ясно, что Кириллу Дмитриевичу те, кто писал пьесу и кто ее ставил, были весьма знакомы. Кстати, в телевизионном литературном театре именно Тер-Казаров ставил в свое время пьесу «Аве, Мария!», написанную К. Вишневским и Н. Инюшкиным.

Мэтр пензенской театральной критики, конечно, званный на премьеру, не обошелся без публичного анализа увиденного, с которым могли познакомиться читатели областной культурно-просветительной газеты «Доброе утро». Вот его фрагмент.

«Но что же способствовало успеху пьесы? Прежде всего, вдумчивая режиссура постановщика А. А. Тер-Казарова, новаторская по своей сущности. Новаторство заключается, прежде всего, в том, что режиссёр как бы укрупнил мизансцены, вынес их на передний план, дал возможность актерам использовать все средства общения со зрителем, чего исполнитель часто лишен в глубине сцены. Я уже слышал мнение, что манера спектакля несколько напоминает "кинематографический" стиль – по-моему, это похвала высокой степени, ибо пьеса во многом состоит из эпизодов, не связанных напрямую, а предполагающих известную дистанцию между нами во времени и пространстве. Именно так и можно было все объединить в слаженную картину».

В опубликованной в январе 1994 г. статье, которая называлась «Красота чувств», опытный театрал, говоря об исполнителях, отмечал, что «они все хорошо прочувствовали своих героев, вошли, что называется, в их плоть и внутренний мир. Очень сочным контрастом смотрится "гусарская" пара – сам Денис, выдержанный, ровный, спокойный в исполнении заслуженного артиста России А. Нехороших, и "истинный гусар", его друг и однополчанин Бекетов, которого колоритно играет заслуженный артист России Г. Вавилов.

Очень серьёзная задача стояла перед артисткой Л. Шапоренко в роли Софьи Николаевны, жены Дениса Давыдова: женщины, которая сначала лишь подозревает о существовании соперницы, а затем и убеждается в этом, – эта доля трагична, и реакция здесь может быть далеко не однозначной. В этой ситуации легко скатиться к тому, чтобы сыграть на эмоциях, на эффекте отвергнутой. Л. Шапоренко играет женщину, полную достоинства, не позволяющую себе унизиться до примитивного семейного скандала и потому вызывающую уважение и симпатию зрителя.

Нельзя не отметить разнообразные характеры остальных действующих лиц. Совершенно очаровательна артистка А. Смелова в роли Полиньки Золотарёвой, одной из племянниц Бекетова: это взбалмошный, слегка капризный подросток, в котором уже пробуждается девушка; она не очень задумывается над своими действиями – и от этого непосредственна и мила.

Старшая – Анна – в исполнении Т. Устиновой, наоборот, рассудительная, заменяющая сёстрам мать и потому глубоко переживающая двусмысленное положение Евгении, полюбившей женатого человека и не убоявшейся мнения окружающих. Но вот истинно благородное семейство, где все проблемы, даже самые жгучие, самые острые решаются так, что не оскорбляют достоинства друг друга, где отношения проникнуты дружелюбием, искренним участием по отношению к каждому члену семьи!

Как и в каждой классической драме, есть здесь и свой "злодей", этакий уездный Яго – Иван Васильевич Сабуров, лицо, так же как и большинство в пьесе, реальное: пензенский помещик, в действительной жизни хороший, рачительный хозяин, прославившийся тем, что успешно занимался разведением элитной породы овец, что вызывало у окружающих несколько ироничное отношение к нему, а Денис даже написал на него едкую эпиграмму. Но человек он был неглупый, сотрудничал в тогдашних журналах, был известен. На свою беду он также был влюблен в Евгению Золотареву – отсюда и его попытки помешать ее роману с Денисом, попытки, прямо скажем, не очень-то порядочные. Артист Г. Мазур создает вполне адекватный образ несколько занудливого, консервативного уездного франта, который пытается донести Софье Николаевне о романе ее мужа ...»

Глава, посвящённая многолетней увлеченности, а точнее сказать, любви К. Д. Вишневого к этому виду искусства, получилась сравнительно с другими главами довольно объемной. И завершить ее хочу упоминанием о том, что последняя известная театральная рецензия, написанная героем нашего повествования, была опубликована 23 мая 2000 г. Посвященная размышлениям о постановке пьесы В. Садчикова «Гастроли по-итальянски», содержащая положительную оценку участников спектакля, она завершается таким фрагментом: «Хочется сказать доброе слово всем исполнителям спектакля: как это бывает в особо удачных постановках, они составили слаженный ансамбль, хотя, конечно, и здесь не без недоделок. Так, проходной выглядит линия взаимоотношений молодежи. Артист С. В. Казаков со своей замечательной пластикой и дьявольской подвижностью в данном спектакле "переигрывает" своего журналиста. Несколько затянута первая сцена: никак не дождешься, когда начнется интрига... Но все это не более чем ворчание старого театрала». Вот так и вышло, что финальная рецензия, написанная профессором, доктором филологических наук, педагогом,

заканчивается словом, которое мы не зря вынесли в название главы – театрал.

Дом

Секрета не открою, сказав, что основа каждого дома как очага жизни – семья.

Про родительские семейные корни Кирилла Вишневого читателю этой книги уже известно. А вот о том, как складывался и сложился его собственный семейный очаг, знать нужно обязательно. Ведь именно этот дом-очаг отразился в ещё одной грани личности героя нашего рассказа.

Волею судьбы неотъемлемой частью этого очага жизни суждено было стать Анне Марковой, вместе с которой Кирилл учился в четвёртом классе пензенской школы № 4.

Родились они в один год, а жила семья Александра Васильевича и Екатерины Степановны Марковых недалеко от Вишневских. Дружили ли Аня и Кирилл в школе, сказать не могу, но на фотографии предвоенного года они в одной компании.

Вместе окончить любимую школу им не удалось – грянул июнь 1941 г. Откликнувшись на призыв «Всё для фронта, всё для победы», девятиклассники пошли работать на завод. И если Кириллу вскоре предстояли боевые испытания, то Анна осталась в Пензе и трудилась на заводе № 740, который находился в помещении бывшей бисквитной фабрики, где разместили оборудование эвакуированного из Харькова завода текстильных машин. Именно на этом трудовом фронте выпускали необходимую для фронта боевую продукцию – знаменитые гвардейские миномёты «Катюша», мины, автоматы.

После войны Аня поступила на историко-филологический факультет в Пензенский педагогический институт. А в 1947 г., после демобилизации Кирилла, они снова стали учиться в одних стенах. И именно тогда появились ещё одни на многие десятилетия общие стены – семейные. Кирилл и Анна поженились, а в 1948 г. у них родился первый и единственный сын, которого назвали в честь дедушки Дмитрием.

Студенческая семейная жизнь в материальном отношении, конечно, была нелёгкой, но, тем не менее, институт был успешно окончен в 1951 г. Как мы уже рассказывали, после аспирантуры в Москве Кирилл стал кандидатом филологических наук, а с сентября 1954 г. – преподавателем родного вуза, ну а Анна Александровна пошла работать учительницей русского языка и литературы

в пензенскую школу № 13, где весьма успешно трудилась до 1973 г.

Очаг семейный грел душу и молодым родителям, и маленькому Диме, однако ясно, что очагу этому нужны были и свои не только душевные, но и физические стены. Обитание в тесной квартире родителей Анны Александровны на улице Московской очень хотелось сменить на свой дом.

Получить новую квартиру в те годы было делом трудным, и потому весной 1957 г. Вишневские активно включились в необычное для гуманитариев-интеллигентов дело – строительство собственного жилья.

Практическим толчком к такой возможности стали правительственные решения о «всемерном развитии индивидуального жилищного строительства за счёт личных сбережений и с помощью государственного кредита». С личными сбережениями было у героев нашего рассказа негусто, а кредит помог не только им, но и ещё ряду преподавателей пединститута, которым были выделены земельные участки с правом бессрочного пользования на улице Средне-Кутузовской. Соседом по участку, где планировалось возвести дом, был М. А. Брегер, работавший с Вишневским на том же факультете. Согласно договору постройку требовалось завершить за три года, т.е. не позднее мая 1960-го.

Документы, сохранившиеся до наших дней, содержат информацию о том, что учителя и врачи имели право получить ссуду до 10 тысяч рублей на срок до семи лет. Было право и ещё на один аванс – для подготовки строительной площадки и закупки стройматериалов в пределах 10–15 процентов от общей суммы ссуды.

Нормативные документы регламентировали не только сроки строительства, но и обязывали застройщиков в срок, установленный отделом коммунального хозяйства, засадить часть площади участка зелёными насаждениями (в том числе фруктово-ягодными), а также поддерживать и восстанавливать их.

Забегаю вперёд, скажу, что годы спустя каждый, кто ступал в зелёные месяцы на дорожку, ведущую к дому Вишневских, радовался красоте деревьев, цветов и ухоженных кустарников. Этим активно и с большим удовольствием занималась Анна Александровна, имевшая до того нулевой опыт в земледелии. Однако научилась, и на небольшом участке гармонично стали сочетаться красота и польза.

Кирилл Дмитриевич домостроением прежде, конечно, тоже не занимался, но с увлечением и энтузиазмом в свободное

от институтских занятий время принимал деятельное участие в строительных работах. Он полностью опроверг расхожее мнение о том, что интеллигенты, особенно по гуманитарной части – люди, мягко говоря, безрукие: ни прибить, ни отпилить, ни обстругать не в состоянии. С Вишневым было не так. С пилой, рубанком, молотком он всегда был дружен и ручной работы не боялся. Напротив – умел получать от неё удовольствие. Так что дом, который рос в оговоренные сроки, во многом был выстроен собственными руками.

Видеть это собственными глазами мне не довелось, но позже доводилось наблюдать, как в маленькой придомовой мастерской ловко и умело делали многое необходимое для хозяйства и Кирилл Дмитриевич, а потом и его сын Дмитрий, которого в семье звали Митя.

Можно ли сказать, что гранью жизнестроения нашего героя стало еще и домостроение? Можно. Но только смысл этого слова по отношению к Кириллу Дмитриевичу должен быть шире и не ограничиваться строительно-монтажными трудами.

Опираясь на многолетнюю дружбу с Вишневыми, утверждаю, что семья, заселившись в новостройку в 1960 г., год от года превращала дом свой в тёплый очаг добрососедства и удивительного гостеприимства. О последнем следует сказать отдельно, потому что оно, как и сам Кирилл Дмитриевич, было многогранно.

Про дружные новогодние и другие праздничные застолья-посиделки, про их удивительную атмосферу вспомню обязательно. Но по-человечески важен другой – к сожалению, редкий эффект гостеприимного дома – источник знаний, который светил и согревал не только тех, кто в нём жил, к которому десятилетиями были открыты двери для тех, кто учился у Кирилла Дмитриевича, работал с ним, кто хотел и мог поговорить с учёным-учителем в удивительной обстановке его рабочего кабинета, расспросить о том, что интересует, получить квалифицированный творческий совет и приглашение приходить ещё, если понадобится.

Упомянутая удивительная обстановка рабочего кабинета органично сочетала в себе материальные и духовные начала. Книжные стеллажи радовали глаз, вызывая уважительное восхищение богатством и гармоничным многообразием букинистической коллекции старинных и совсем новых изданий. Хотя, пожалуй, слово «коллекция» здесь будет не очень точным. Книги не дремали, а работали во благо хозяина кабинета и тех, кто его посещал. Очень

продуманной была организация главного рабочего места кабинета – письменного стола, за которым его хозяин много лет стучал по клавишам пишущей машинки. В сумме это логично назвать многопрофильной интеллектуальной мастерской, по-доброму запечатлённой в памяти тех, кто приходил к мастеру и так или иначе участвовал в его трудах.

Решусь к дому Вишневского применить и ещё одно понятие – «культурное гнездо». Кириллу Дмитриевичу как учёному оно было близко. Не случайно на III Всероссийской научной конференции «Российская провинция XVIII–XX веков», проходившей в Пензе в 1995 г., одним из ярких выступлений был его доклад «Культурные гнёзда Пензенского края в XVIII–XX веках».

Конечно, масштаб дома советского профессора с какой-нибудь Зубриловской усадьбой несопоставим, но приветливый кабинетный островок и присущая ему аура помогали воплощать один из важных признаков «культурного гнезда» – помощь в выращивании его питомцев.

Думаю, что не ошибусь, если хронологически в числе первых «птенцов» назову себя, автора этих строк. Что даёт мне право претендовать на такой статус? Приведу несколько аргументов.

Читатель этой книги может вспомнить, что в конце 1960-х гг. мы с Кириллом Дмитриевичем были соавторами в написании нескольких пьес краеведческого характера для постановки на пензенской студии телевидения. И пьесы, и киносценарии создавались именно в «культурном гнезде» Вишневских. Именно здесь был получен опыт совместного творческого поиска и воплощения задуманного в словах и образах.

Наши научные интересы были разными, но это не исключало поучительной пользы даже от наблюдения за тем, как на деле организует свои исследования учёный-практик, работая, скажем, над докторской диссертацией.

Однако этого мало. Кирилл Дмитриевич ненавязчиво, но убедительно давал мне весьма полезные советы методологического характера. Спасибо ему за это многие годы спустя!

Территория доброжелательного общения в доме Вишневских не ограничивалась кабинетом хозяина. Эта атмосфера словно перетекала в столовую-гостиную на первом этаже.

Спускались сюда, конечно, не все гости, но те, кому доводилось, запоминали надолго. Здесь уже звучал хозяйский дуэт, и свою партию всегда прекрасно исполняла Анна Александровна.

Понятно, что только названными качествами роль её в семье и доме Вишневских не ограничивалась. Чем-то перекликалось с многогранностью личности Кирилла Дмитриевича её трудолюбие, воплощавшееся в разных формах.

Вне дома качество это стало своеобразным стержнем успешной и ценимой коллегами 25-летней педагогической деятельности Анны Александровны. Те, кого она учила русскому языку и литературе в средней школе № 13 и кто с ней работал, с уважением и благодарностью вспоминали не только её квалификацию, но и доброжелательность, и справедливость.

Оставив школу после 1973 г., Анна Александровна посвятила себя дому и семье, став хранительницей семейного очага – тем более, что в 1972-м стала ещё и бабушкой.

«Я помню ее уже вполне бабушкой – невысокой, полноватой женщиной с роскошными седыми кудрявыми волосами. Качествами, которые определяли ее характер, как я теперь понимаю, были скромность, располагающая простота и спокойное чувство собственного достоинства.

Она была очень трудолюбива и деятельна. К тому же она была, видимо, из тех людей о которых говорят, что в руках все горит: все, за что она бралась, она делала кропотливо, основательно и все получалось превосходно. Например, будучи абсолютно городским человеком, не имея деревенских корней и привычки к труду на земле, она вырастила прекрасный сад, постигая эту науку с азов. Ей нравилось рукодельничать: она умела прекрасно вышивать и вязать. Может быть, именно тогда я поняла, что трудолюбие – это естественное свойство человека, что труд может и должен быть радостным.

Бабушка была веселым и остроумным человеком, любила и ценила хорошую шутку, ее легко было рассмешить. Она любила дружеские компании, семейные праздники, очень вкусно готовила и была радушной и хлебосольной хозяйкой. Она обладала удивительным внутренним тактом и сочувствием, хорошо ладила с людьми. У нее была прекрасная память и острый практический ум. Несмотря на довольно почтенный, как мне тогда казалось, возраст, она была открыта всему новому, любопытна и жизнелюбива.

Она могла быть строгой, могла быть требовательной, оттого, что в первую очередь была строга и требовательна к самой себе.

Я не знала ее раздражённой, брюзжащей, повышающей голос.

Бабушка была хорошо образована, очень начитанна. Она любила читать, интересовалась современной литературой. Думаю, что

именно она привила мне любовь к чтению, дав понять, что чтение – не только источник знаний и опыта, но и увлекательное и необходимое занятие, которое создает человеческую душу.

Она была очень музыкальна, обладала прекрасным слухом, знала наизусть невероятное количество оперных арий, которые часто напевала.

Я не знаю ее профессионального пути, но полагаю, что при таких достоинствах бабушка была мудрым учителем, и думаю, что немало ее учеников вспоминали ее добрым словом.

Всю свою жизнь бабушка была моим надежным другом – требовательным и понимающим, строгим и справедливым. Она искренне радовалась моим успехам и помогала пережить неудачи. Знать такого человека, жить с ним, дружить, любить его – редкость и большое счастье», – вспоминает её внучка Виктория полвека спустя после своего рождения в молодой семье Дмитрия и Светланы Вишневских. Уверен, что всякий, знавший Анну Александровну и общавшийся с ней, согласится с этой оценкой.

Двенадцатилетний новосёл Митя, конечно, был полноценной и любимой составляющей семейного очага, детищем той атмосферы, которая сложилась в союзе его родителей.

Отметим, что ими были пройдены некоторые житейские ступеньки, по которым затем поднимался младший Вишневский. Учился в той же школе № 4, которую окончил в 1966 г., затем – на родном для его семьи истфиле. Даже роман со студенткой Светланой Капустиной, ставшей женой Мити в 1970-м и оставшейся ею до конца его, увы, не очень долгой жизни, зародился в тех же факультетских стенах.

Правда, ни педагогическая, ни научная стезя молодого дипломированного филолога не привлекли, хотя, казалось бы, семейная традиция была тому куда как впечатляющим стимулом. Но Дмитрий Кириллович всё равно выбрал сферу, в которую его папа вложил в 1960-е гг. немало.

Это было телевидение, его пензенская студия, где в техническом отрыве от центрального московского гнезда провинциальные журналисты и режиссёры с завидной смелостью экспериментировали в местном эфире, пробуя разные формы и жанры. Об участии Кирилла Дмитриевича в создании сценариев для телевизионных спектаклей и документальных фильмов читателю известно. А вот младшему Вишневскому наблюдение юношеским взором за процессом рождения и развития в стенах отцовского кабинета плодов творческого поиска, а потом ещё и возможность увидеть их

воплощение на телеэкране, несомненно, помогли в выборе профессии.

Автор этих строк, будучи в 1970 г. главным редактором пензенской телестудии, активно поддержал приём Дмитрия в редакцию молодёжных программ. После службы в Советской армии молодой тележурналист вернулся на студию, чтобы проявить свои творческие и организаторские способности на разных должностях.

С кратким перечнем сделанного Дмитрием Вишневым можно ознакомиться во втором издании «Пензенской энциклопедии», где есть статья о нем.

«С февраля 1973 г. – старший редактор литературно-драматической редакции пензенского телевидения, с января 1979 г. – старший редактор молодёжной редакции. Лауреат премии пензенского комсомола за цикл передач об истории областной комсомольской организации (1982). Главный редактор художественных программ (1986), главный редактор главной редакции информации (1988), главный редактор телевидения и радиовещания (1990), главный редактор телевизионной службы (1993), главный редактор информационных программ (1999)».

Во многом благодаря ему приобрела необычайную популярность информационная программа «9 канал» (1989). В 1990-х гг. работал над телефильмами по истории и культуре Пензенской области. Им созданы фильмы «Простираю тёплые объятья Пензе» о В. О. Ключевском, «Дом Мастера» о В. Э. Мейерхольде, «Братья из Кондоля» о братьях Мозжухиных, «Хранить и приумножать» о Г. В. Мясникове, «С именем Господа и во имя Его», «Пастырь пламенеющий» об архиепископе Серафиме (Тихонове), фильмы об абашевских мастерах глиняной игрушки, о николевских стеклодувах. Многие из этих работ выходили в эфир на центральных телеканалах: ОРТ, РТР, «Культура». Дважды дипломант I Всероссийского фестиваля телепрограмм по истории и культуре («За лучшую журналистскую работу» и «За оригинальное раскрытие темы») за фильм «Листая книгу судеб» (1995). Незадолго до скоропостижной смерти был представлен к званию «Заслуженный работник культуры РФ».

От печальной информации о кончине Дмитрия Кирилловича 1 августа 2003 г. в нашем рассказе о семейном очаге Вишневских нам не уйти. Так же, как и о том, что Анна Александровна ненадолго пережила единственного сына и покинула сей мир 20 октября 2005 г. Больно вспоминать о том, каким нелёгким было почти девятилетнее одиночество старшего в этом семейном роду. Спасибо

доброй помощнице – внучке Виктории, которая к этому времени уже завела свою семью и подарила Кириллу Дмитриевичу радость стать прадедушкой.

По мере возможности навещали дом на Средне-Кутузовской и коллеги с кафедры мировой и отечественной культуры, которая ещё в 1988 г. стала для профессора Вишневого не просто местом работы, но и пространством для доброжелательных обсуждений разных проблем и дружеских встреч.

Конечно, приходил к учителю, другу и коллеге и автор этих строк. И, когда такое случалось, помимо сиюминутных тем, специально старался вспомнить вместе с хозяином опустевшего дома те времена, когда встречи за общим столом грели душу и годы спустя...

Поводом для таких дружеских застолий были праздничные дни, в ряду которых особое место занимали встречи Нового года. Помню, как Кирилл Дмитриевич старался приготовить по такому случаю собственные деликатесы – например, заливные блюда, которые всегда шли на ура.

Отмечали иной раз и дни рождения, особенно юбилейные. На всех таких встречах нам с женой Эллой бывать не приходилось, но запомнился вечер, когда мы были званы на сорокалетие хозяина.

Одним из подарков к этой дате стал экзотичный по тем временам предмет – катушечный магнитофон. Имея отношение к его приобретению, я постарался записать на ленту своеобразный репортаж-поздравление юбиляру, в котором кроме искренних пожеланий присутствовали и шуточные фрагменты, вызвавшие дружеский смех гостей.

Надо сказать, что смех был одной из запомнившихся примет «Вишневских вечеров». Возникал он вместе с улыбкой по разным поводам. Мастером рассказывания анекдотов и смешных историй из своей многолетней юридической практики был старший брат Кирилла Дмитриевича – Юрий. Неиссякаемым источником смехотворчества было участие в этих дружеских встречах семьи Клейнманов – Якова Семёновича и Галины Николаевны.

У Якова, которого мы звали просто Яша, опыт по этой части был большой, в том числе потому, что он много лет занимался сатирическим журналом «Телевизионный Фитиль». А его жена Галя приносила не только улыбку, но и периодически исполняла под собственный гитарный аккомпанемент одесские песни в стилистике 20–30-х гг. прошлого века.

Впрочем, помимо старых песенок упомянутого жанра, в 1960-е гг. набрал популярность и псевдоодесский репертуар, так что за столом весело распевали что-нибудь вроде «Стою я раз на стрёме, держуся за карман».

Впрочем, проскальзывали и тексты совсем иного настроения, рождённые в пору «оттепели»:

Товарищ Сталин, вы большой учёный,
В языкознании познавший толк,
А я простой советский заключённый
И мой товарищ – серый брянский волк.

За что сижу, по совести, – не знаю,
Но прокуроры, видимо, правы.
И так сижу я в Туруханском крае,
Где при царе бывали в ссылке вы...

Многие годы спустя понимаешь, что дом Вишневских, аура кабинетная и застольная, атмосфера повседневного быта семьи были отражением мировосприятия, характерного для части российской провинциальной интеллигенции ушедших лет.

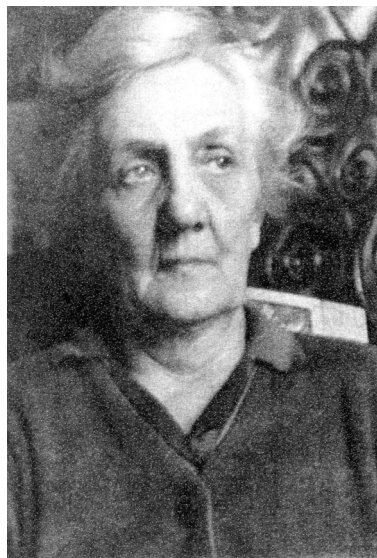
Но, хорошо зная героя нашего повествования, могу с уверенностью сказать, что он до конца жизни, стремясь сохранить лучшее из пережитого в себе и делах своих, не останавливался на достигнутом, а оставался *человеком развития*.

Не только хранить, но и приумножать – это про него.

И это ещё одна важная, поучительная для потомков грань, воплощённая в интеллектуальном, духовно-нравственном наследии Кирилла Дмитриевича Вишневского.

Д. П. Вишневский

О. П. Вишневская

Дом, в котором родился и провел детство К. Д. Вишневский

Друзья-товарищи по школе № 4. 1941 г.

Гвардии старший лейтенант К. Д. Вишневский. 1945 г.

К. Д. Вишневский – молодой преподаватель педагогического института.
1950-е гг.

Драматический кружок педагогического института.
Сцена из спектакля «Чертова мельница». Справа – К. Д. Вишневский

К. Д. Вишневский (слева) – член Совета факультета
общественных профессий. 1962 г.

К. Д. Вишневский и И. Л. Андроников
на Всесоюзной Лермонтовской научной конференции. 1964 г.

К. Д. Вишневский на открытии мемориальной доски
на доме В. Э. Мейерхольда. 1982 г.

В редакции Пензенской энциклопедии. 1996 г.

К. Д. Вишневский на презентации Пензенской энциклопедии
в Москве. 2001 г.

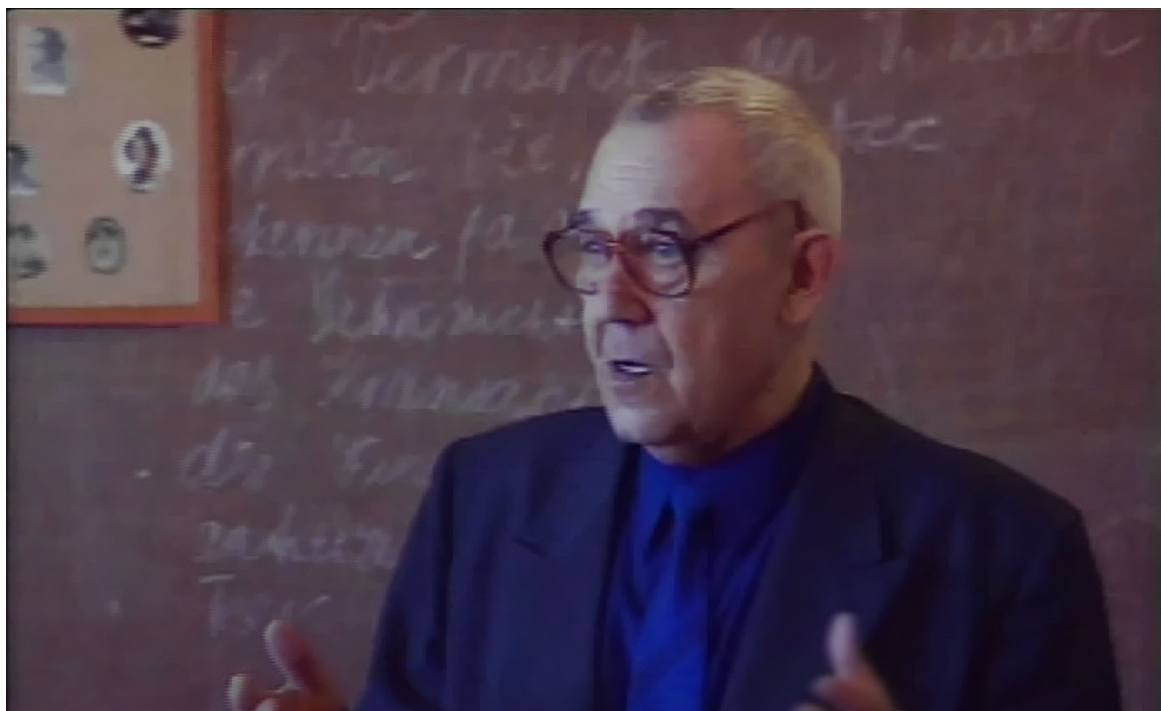

Почетный профессор ПГПУ им. В. Г. Белинского К. Д. Вишневский
(в центре) на кафедре «Мировая и отечественная культура».
Слева – А. М. Пронин, справа – Н. М. Инюшкин

На кафедре мировой и отечественной культуры. 2004 г.

К. Д. Вишневский на занятиях в ПГПУ им. В. Г. Белинского

Вручение архиепископом Пензенским и Кузнецким Филаретом
нагрудного знака «Иннокентьевский учитель»
профессору К. Д. Вишневскому. 24 октября 2008 г.

К. Д. Вишневский с Н. М. Инюшкиным и Л. Н. Мешковой

В годы работы на кафедре «Мировая и отечественная культура»

1997 г.

В. Ю. Соловьёв, Н. М. Инюшкин, И. М. Мануйлов, К. Д. Вишневский,
А. М. Пронин, В. Н. Садчиков, О. С. Хлопцева, Г. Г. Сорокина,
Л. Н. Мешкова, Э. Л. Инюшкина

2009 г.

В. А. Пиманова, Н. М. Инюшкин, Г. Г. Сорокина, Л. Н. Мешкова,
Е. В. Викторова, К. Д. Вишневский, Г. Н. Рябова, В. П. Сазонов,
Е. А. Яркина, Е. Г. Красильникова

К. Д. Вишневский – юбиляр.
В кругу друзей и коллег

80-летие К. Д. Вишневского. 2003 г.

К. Д. Вишневскому – 85 лет. 2008 г.

Коллектив Пензенского государственного университета
поздравляет К. Д. Вишневого в день 90-летия.
2013 г.

Коллеги-филологи К. Д. Вишневский
и Г. Е. Горланов. 2002 г.

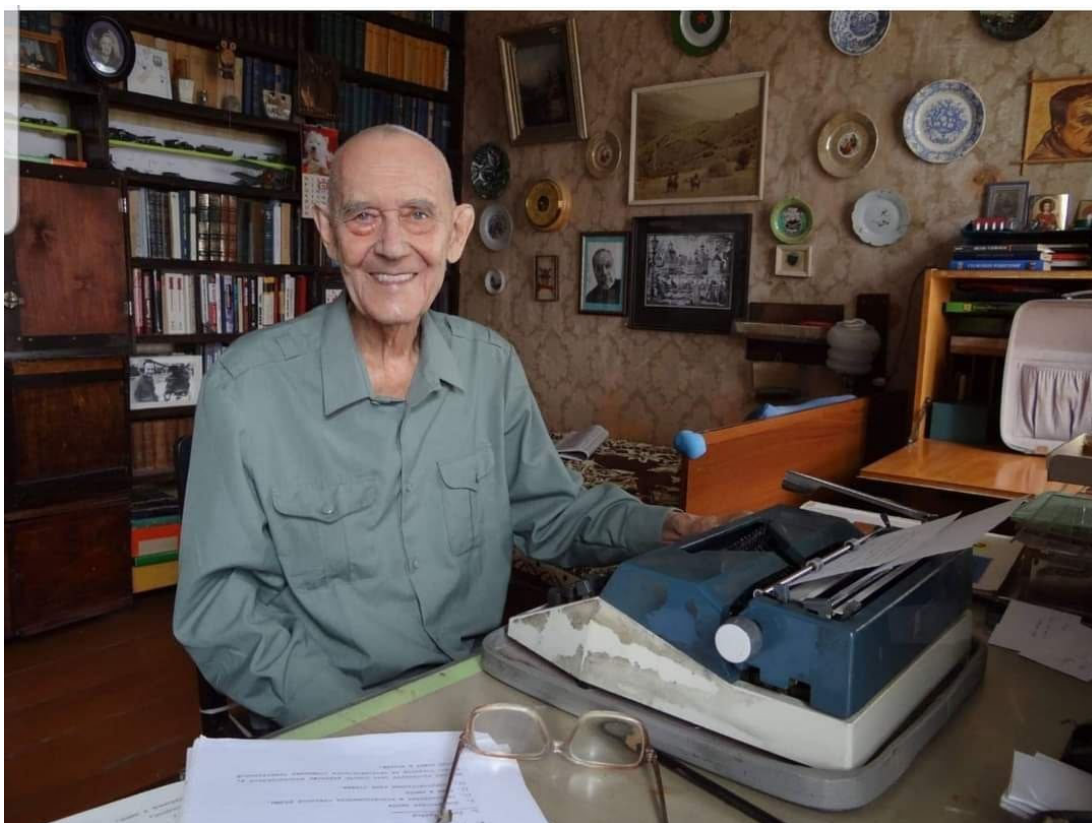

К. Д. Вишневский и В. А. Власов. 2009 г.

К. Д. Вишневский читает стихи
на презентации журнала «Сура»

В рабочем кабинете К. Д. Вишневого

2012 г.

К. Д. Вишневский показывает свою коллекцию марок
Е. В. Викторовой

На крыльце дома. 1961 г.

Дружеское застолье в доме Вишневских

Семья. С женой Анной Александровной и сыном Дмитрием

С внучкой Викторией

Часть II

ВСПОМИНАЕМ С УВАЖЕНИЕМ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ

Г. Е. Горланов

ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТЬ, ТРУДОЛЮБИЕ, НЕУСПОКОЕННОСТЬ

Третьего сентября 1962 г. была моя первая встреча с К. Д. Вишневым. Тогда мы, студенты первого курса историко-филологического факультета, собрались в 368-й аудитории четырёхэтажного корпуса № 2, в котором обучались студенты физико-математического и историко-филологического факультетов. Нынешнего большого четырёхэтажного корпуса тогда ещё не было, на его месте находился главный корпус – с первым кирпичным этажом и вторым – деревянным. Так вот в этот день тогда ещё кандидат филологических наук, доцент Кирилл Дмитриевич Вишневский, среднего роста, подвижный, подтянутый, с непокорным ёршиком волос на голове, читал нам популярную «лекцию» про то, как вести себя в колхозе, куда мы направлялись по приказу ректората. Он напоминал нам, что надо с собой взять в первую очередь, как всё это умело положить в «туристический мешок». Рассказывал наш наставник забавно с улыбкой и шутками, с примерами из жизни. С этой первой встречи он для нас стал своим человеком, к которому можно обращаться по любому вопросу. Наш курс был особенным – в нём было много ребят, в их числе и я, поступивших после прохождения службы в Советской армии. Так что в колхозе местные ребята не смели с нами вступать в конфликты.

На первом курсе Кирилл Дмитриевич читал нам теорию литературы и литературное краеведение. С удовольствием мы встречались с нашим лектором и преподавателем, ведущим практические занятия. Без всяких преувеличений и хвастовства могу сказать, что я не пропустил по его дисциплине ни одного занятия, тщательно записывая в тетрадь всё то, что он говорил. Да и то сказать: читал он лекции превосходно не по отпечатанным лекциям, а по отдельным полоскам бумаг, в которых у него обозначались ему только понятные цитаты и поставленные вопросы. За ним легко было записывать, так как он наиболее важные места диктовал подробно.

Часов на дисциплину, как я сейчас понимаю, было достаточно. Все занятия делились на три семестра. Первые два из них шли на первом курсе под названием «Введение в литературоведение» (одна лекция и одно практическое занятие в каждую неделю) и семестр на четвёртом курсе непосредственно с названием «Теория литературы». Важнейший предмет для литературоведческих дисциплин, потому-то и указанная расценовка распределялась разумно. По сути дела, для оценочной сессии нам достаточно было одних лекций и практических для усвоения курса, но преподаватель настоятельно рекомендовал учебник Г. Л. Абрамовича «Введение в литературоведение». Советовал готовиться именно по этому учебному пособию по двум причинам: во-первых, сам учебник пользовался большим авторитетом среди преподавателей, а во-вторых, в нашей библиотеке в количественном отношении их хватало на две группы.

Навсегда запомнились его практические занятия по указанной дисциплине. Здесь мы уже использовали обширный дополнительный материал с большим использованием цитатного аппарата. Преподаватель сам отлично читал тексты художественной литературы и требовал заучивания текстов от студентов. Он никогда не замыкался на строгой академичности на занятиях, стремился к демократичной простоте. По этой причине на занятиях мы легко переходили от программной классики к поэтам двадцатого столетия, в том числе и к местным писателям.

Не менее интересно проходили занятия по литературному краеведению. Пензенских писателей он знал превосходно, со многими из них общался на «ты», сам вёл литературный кружок в писательской организации, активно выступал в альманахе «Земля родная». Иллюстративный материал литературных мест макетировал сам преподаватель. По этим живым экспонатам лучше запомнился материал, имена деятелей культуры и географическое расположение литературных памятников Пензенской области. Как бы ни тяжело было с транспортом, он организовывал поездки в Тарханы на родину Лермонтова, в Наровчат к Куприну ездили, в Белинский к великому критику. Преимущество девиза: «лучше раз увидеть, чем сто раз услышать» — мы испытали на своём опыте. Сорвалась только поездка в Радищево, хотя, вроде бы, уже договорено было. По этой дисциплине, кроме теоретического вопроса, мы должны были самостоятельно создавать географические карты памятных мест областного центра и районных литературных мест.

Студенты из районов обязаны были делать литературные карты районов, в которых они жили.

На старших курсах Кирилл Дмитриевич блестяще читал спецкурс по творчеству А. С. Пушкина (определялся как спецкурс XIX в.) и по творчеству В. В. Маяковского (соответственно – XX в.). Такие разные поэты. Как можно было высоко оценивать писателей, не столь схожих между собой, пишущих в разных системах стихосложения? У Вишневского «разногласий» в трактовке писателей разных эпох не сказывалось. Да, у этих своеобразных мастеров литературного творчества, у каждого, был свой «конёк» – силлаботоника у Пушкина и тоника у Маяковского. По характеру они поэты разных темпераментов, и идеологических ориентаций: творчество Пушкина определяло дворянский период истории русской литературы, в то время как Маяковский совершенно чистосердечно воспевал прелести Советской власти. Кирилл Дмитриевич с завидной лёгкостью находил в их взглядах на искусство не только особенное, но и общее, делая тем самым открытие, что у поэтов разных эпох и разных мировоззренческих пристрастий есть нечто общее. У лектора это отыскиваемое «общее» характеризовалось на самом высоком литературоведческом уровне. Общая тема «поэта и поэзии» виделась им в «Памятнике» Пушкина и «Необычайном приключении, бывшем с Владимиром Маяковским летом на даче». Все стихи и одного, и другого поэтов он читал наизусть с отменным актёрским темпераментом.

Благодарен судьбе за то, что и после окончания учёбы в педагогическом институте, и после окончания аспирантуры в Москве мой творческий путь переплетался с этим удивительным человеком. Благодаря ему меня оставили работать на кафедре, которой он руководил (с 1957 по 1967 г.). Общаться с ним было одно удовольствие. Никогда не помню его напыщенным и угрюмым. Весёлый и общительный, он всегда был душой коллектива.

Есть некая преемственность в том, что его ученики шли по стопам своего учителя. После окончания Пензенского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского в 1951 г. К. Д. Вишневский учился в аспирантуре Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Учёба в очном режиме в столичной аспирантуре одного из лучших в стране московского вуза дала очень много в становлении молодого литературоведа как учёного. Здесь он получил учёную степень кандидата филологических наук. Без его рассказов об этом вузе не стал бы здесь учиться и я. А чуть раньше по проторённому пути пошёл

талантливый филолог Александр Антонович Сулейманов (1939–1976). Кирилл Дмитриевич как заведующий кафедрой возлагал на этого сельского паренька из села Миткерей Бековского района Пензенской области большие надежды; он, по сути дела, был единственным преподавателем на кафедре, специализировавшимся по зарубежной литературе, владел немецким языком. Однако преждевременная смерть не дала проявить в полной мере все его незаурядные возможности стать знаменитым учёным. Александр Антонович, возможно, и по заданию заведующего кафедрой, рассказал об условиях учёбы в столичном вузе и помог устроиться в аспирантском общежитии на ул. Клары Цеткин.

Тонко чувствующий поэзию, признанный в России стиховед Кирилл Дмитриевич не оставил после себя опубликованных стихов. Объяснить такое можно бескомпромиссной требовательностью к себе. Однако он легко мог использовать разные стили разных стихотворных жанров. У меня в архивах имеется памятная мне ироничная «Ода», посвящённая «Декану, зав. кафедрой, коллеге, поэту!», то бишь, как вы догадываетесь, мне. В неё вошли 36 строчек, разделённых на четыре строфы. Они подписаны Державиным и членами кафедры «Литература и методика её преподавания», с росписями всех преподавателей кафедры (восемь человек). Здесь, как мне кажется, блестяще сказались результаты его исследования русского стиха. Подделка под поэта конца XIX – начала XX в. касается лексики, стиля и строфики: в первых четырёх строчках рифмовка перекрёстная, пятая и шестая – параллельная, а седьмая, восьмая, девятая, десятая – с опоясывающей рифмой. Как имеющий дело со стихосложением, скажу: не каждому пишущему такая стихотворная композиция под силу. Для наглядности приведу в качестве примера одну строфу, ну, пусть вторую по счёту:

Единый ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Властей они подвластны воле, –
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Одно дело написать, а ведь строчки ещё надо прочитать. Кирилл Дмитриевич умел, подделываясь под державинский классицизм восемнадцатого столетия, прочитать Оду превосходно под дружное чаепитие.

Нет сомнений, что автор Оды наделён поэтической душой и острым глазом, владеет, как и положено поэтам, образной речью. Есть и ещё один смысловой подтекст: он смотрит на окружающий мир глазами самих поэтов, живёт их чувствами и надеждами.

Ремеслу чтения, как ни покажется странным, надо учиться, как учатся понимать музыку и живопись в специальных учебных заведениях. К. Д. Вишневский поставил перед собой благородную задачу: помочь любителям книг разобраться в законах художественного творчества. Да и не просто ставит задачу, но и на высоком научно-теоретическом уровне разрешает её. «Мир глазами поэта» безо всяких натяжек можно назвать учебником понимания стихов. Есть своя символика в том, что именно эта книга Вишневского вышла в издательстве «Просвещение».

Один их любимых поэтов Вишневского – Владимир Маяковский. Поэтому, наверное, никто не удивился, когда в Москве в 1987 г. в издательстве «Просвещение» вышла его книга «Поэма В. В. Маяковского "Хорошо!"».

Горжусь его дарованной подписью в мой адрес: «Уважаемому Геннадию Елизаровичу – ученику, коллеге, шефу и боссу с дружескими чувствами», и подпись «К. Вишневский. 25.VII.1987». Любитель шуток, автор книги, конечно же, иронизировал, когда писал «шефу и боссу». Впрочем, строго говоря, формально шефом этого удивительного человека, участника Великой Отечественной войны, был, когда руководил кафедрой советской литературы в институте, но никогда не чувствовал это шефство. Скорее, всё это выглядело наоборот. Всегда и в любых ситуациях я оставался его учеником. С высоты своего двадцать первого столетия, вспоминая свой жизненный путь, вижу некую символичность в повторяемости наших научных пристрастий: окончил тот же факультет Пензенского педагогического института и ту же Московскую аспирантуру. Мой наставник привил мне любовь к краеведению, все мои основные научные работы, диссертации, связаны с изучением поэтических произведений, так же, как и он, одно время руководил той же кафедрой литературы.

С выходом моего первого поэтического сборника Кирилл Дмитриевич стал моим читателем. После прочтения сборника стихотворений «Откровение» он так прямо и сказал: «Лизарыч, имей

в виду, за тобой теперь установлена слежка». Мнение своё о стихах выразил в статье «Наедине с природой» в «Пензенской правде» за 1993 г. Не похвалюсь большим числом читателей моих стихов, поэтому именно этому «надзору» за мной очень даже рад.

Запомнилось мне его выступление на презентации в первом корпусе моей книги «Пиитики», состоящей из коротеньких двустиший и четырёхстиший. Очень рад и горд высоким мнением об этой книге бесспорного знатока поэзии: Кирилл Дмитриевич, процитировав три четверостишия из серии «Виват "гарикам" Губермана», заключил: «А что? У Елизарыча не хуже». Могу ошибиться, скорее всего, 2011 г., но 24 марта (у меня отмечено) – это точно. В последнем дополненном переиздании «Пиитик» (М.: Максимум, 2015) я счёл своим долгом помянуть моего самого понимающего читателя. Миниатюра так и называется «К 92-летию К. Д. Вишневского» (с. 276):

Жизнь в детстве нам даётся на века,
Зовут в дорогу смелые маршруты,
А к сорока – смиреннее река,
Потом и годы превращаются в минуты.

Внизу строчек стоит дата 29 мая 2014 г.

Знаменательной для Пензенского края стала книга краеведческого характера «Пенза и пензяки», вышедшая в его 90-летний юбилей. Естественно, он с радостью подарил мне один из экземпляров, но здесь я затрону ещё одну сторону его характера – твёрдость в убеждениях этого большого человека. Мой любимый Вишневский обиделся на меня за мою позицию к слову «пензяки». В разговорных дискуссиях мною высказывалось мнение о преемственности понятия «пензенец». Кирилл Дмитриевич в это понятие, видимо, вкладывал больший смысл, чем я предполагал.

У Кирилла Дмитриевича я старался учиться выступать со статьями в средствах массовой информации. Редко, когда ведущие пензенские газеты обходились без статей Вишневского о театре, о жизни писательской организации, о юбилейных датах классиков русской литературы, прежде всего, его земляках. Здесь он свободно использует своё личностное восприятие, искусно применяет импровизацию, рождающуюся от всестороннего знания жизни. Читая его статьи, как бы воочию видишь улыбающееся лицо автора, его характерные мимику и жест. По стилю изложения его литературные выступления не спутаешь с другими авторами. Коллеги по кафедре литературы обычно отмечали: «Он пишет, как говорит».

Недаром его часто приглашали на открытие разных мероприятий, зная о его нестандартном оформлении речи. В одной из своих статей с символическим названием «Я жил века...», посвящённой XVIII Всесоюзному Лермонтовскому дню поэзии, а в этих праздниках он был один из первых активных участников, он пишет: «Каждая эпоха, впрочем, и каждый читатель видит в Лермонтове различные стороны – и это вполне закономерно, потому что гений поистине неисчерпаем, он настолько богат мыслями, что раскрывается не сразу, а постепенно. Мне и хотелось подчеркнуть в творчестве и личности поэта то, что мне особенно близко – его взыскательность к себе, трудолюбие, неуспокоенность» (Пензенская правда. 3 июля 1988 г.). В сущности, наш дорогой Кирилл Дмитриевич назвал в этих заключительных строчках свои отличительные черты характера – взыскательность к себе, трудолюбие, неуспокоенность. Эти его свойства характера я и решил вынести в название моих воспоминаний.

Б. В. Шигин

«ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЁ»

Лиха беда начало

«Учитель – не тот, кто учит, а тот, у кого учишься ты». Одно из самых любимых выражений, вспоминая которое, я в первую очередь размышляю о Кирилле Дмитриевиче Вишневском. Почему? Да, лекции курса «Введение в литературоведение», которые читал нам Вишневский на филологическом факультете Пензенского государственного педагогического института, были составной частью обычного учебного процесса. Вроде бы, всё, как у всех. Всё, да не всё! В отличие от многих преподавателей, Кирилл Дмитриевич умудрялся даже на лекциях вести диалог со студентами, порой даже неформальный. Собственно, так мы и познакомились, первый раз пообщались. Одна из лекций курса «Введение в литературоведение» посвящалась стихосложению. Потом-то стало ясно, почему Вишневский с пристрастием читал её: анализ русского стиха – главное направление его научной работы. Но пока он спрашивает аудиторию о том, что такое поэтическая речь. Звучат самые разные ответы студентов. Поднял руку и я: «Это краткая, ритмически организованная, эмоциональная и образная речь». В ответ – лучезарная улыбка Вишневского. Особенно порадовало его то, что я ничего не сказал о рифме, потому что главное в поэзии всё-таки ритм. Уже

позже именно Кирилл Дмитриевич рассказал мне о том, что три четверти мировой поэзии – это поэзия без рифмы. В русской – да, рифма важна. Именно ей мы позже и займёмся. А пока я в полном восторге оттого, что меня похвалил сам Вишневский. Надо сказать, что из-за умения даже сложные вопросы объяснять, что называется, на пальцах, с неизменной улыбкой и шуточками, многие студенты поначалу не воспринимали Вишневского серьёзно. Другое дело – важный профессор Бондалетов или Щеблыкин! Вишневский и читал не так, и ходил по коридорам не так, и разговаривал со студентами не так, как все: по-дружески. Во всяком случае, с теми, кто стал проявлять интерес к теории литературы, к поэзии, к Пушкину. Творчеству Пушкина был посвящён спецкурс Вишневского. Посещая эти занятия, я научился по-настоящему любить поэта. Потому что Вишневский учил нас читать не только стихи гения, но и его письма, и литературоведческие статьи о нём, делать критический анализ его произведений. Вернее, не столько учил, сколько старался заинтересовать. И мы с удовольствием окунались в это море поэзии, потому что сам Кирилл Дмитриевич с восторгом рассказывал о своём Пушкине, о своём Маяковском, о своей русской поэзии, о своём видении жизни! Кстати, до сих пор с удовольствием перечитываю его замечательные книги «Мир глазами поэта» и комментарии к поэме В. В. Маяковского «Хорошо!». И ведь это не только о поэзии, но через поэзию – о стране, в которой мы родились и жили. «Вдохновенный рассказ о рождении нового мира и нового человека», «о личном счастье как о составляющей народного счастья». Я смотрел на своих преподавателей и видел, что Кирилл Вишневский отличается от них именно этим: состоянием счастья, какой-то огромной радости, которой наградила его жизнь. Много позже, когда мы стали общаться не только в институтских аудиториях, ветеран Великой Отечественной войны, артиллерист, офицер Вишневский расскажет мне о самой заветной своей мечте, которую вынашивал в годы войны. «Только бы победить, только бы выжить, – думал он. – И тогда уж так счастливо заживём, так займёмся любимым делом...» Я до сих пор вспоминаю эти слова Учителя.

«Лиха беда начало» – именно так написал мне Кирилл Дмитриевич на одной из своих первых книжек. А книжка о Маяковском подписана уже по-другому: «Дорогому Борису Шигину – лучшему ученику моему – с искренней любовью автора». Это будет в 1988 г., а пока я ещё студент, прилежный ученик, который боготворит своего Учителя!

От фонаря

Так можно было бы назвать мою следующую главку. Вернее – «от значка». От обычного нагрудного значка оттолкнулся я, вспоминая ещё один случай, который многое объясняет. Весной 1973 г. по институту разлетелась весть: Кирилл Дмитриевич Вишневский, любимый преподаватель, готовится отметить пятидесятилетний юбилей. Праздник! Торжество должно было состояться на кафедре литературы. К моему удивлению, меня на него тоже пригласили. Но что подарить? Кафедра, если мне не изменяет память, собиралась дарить роскошный (серебряный или даже позолоченный) подстаканник. Но что может подарить скромный студент? К счастью, к тому времени я уже немало знал об увлечениях Вишневского. Знал и о том, что он заядлый коллекционер и собирает значки. В те годы многие этим увлекались. И я очень гордился тем, что у студента и преподавателя есть общее увлечение. Без малейшего сомнения, ради такого случая я «отстегнул» от собственной коллекции очень красивую серию значков о городах, которые входили в состав Золотого кольца России. И угадал! И угодил! Конечно, мне было позволено от имени студентов-филологов произнести небольшую поздравительную речь. Но какой восторг вызвал мой подарок! Казалось, в тени остались и дорожный подстаканник, и книги, и цветы... Вишневский, как ребёнок, прыгал и смеялся! Он крутил эти значки в руках и смотрел на них так, как будто это они, а не дорогой подстаканник, были сделаны из золота или серебра. И в этом он был весь: умеющий ценить внимание, восторгаться, не стесняться своих чувств, которые всегда выдавали в нём мальчишку. Пожалуй, это одна из разгадок нашей любви к нему: он оставался таким, как мы. Он был нашенским! Именно поэтому он мог общаться с теми, кого отличал и любил, как с друзьями. Меня, например, со студенческих лет звал «рыжим». А позже, когда на старших курсах я стал носить бороду, сравнивал с молодым Белинским, благо, скульптурный образ великого критика встречал нас при входе в старый учебный корпус. Рыжим Кирилл Дмитриевич звал меня и тогда, когда я стал сначала седым, а потом и лысым. Как будто не обращал внимания на течение времени. Уверен, он всегда ощущал и себя молодым!

И Пушкин такой молодой

Думаю, по этой причине (и по этой тоже) любил и с особым пристрастием изучал он творчество двух русских поэтов, которые

навсегда остались молодыми в истории русской литературы: Александра Пушкина и Владимира Маяковского. Удивительно, но Вишневский даже сопоставляет стихи этих, казалось бы, абсолютно разных поэтов. В книге о поэме «Хорошо!» он пишет: «... как только дело доходит до диалога, где, как мы помним, пародийно использована соответствующая сцена из "Евгения Онегина", ритм стиха тут же меняется: вся остальная часть главы написана силлабо-тоническим стихом – правильным четырёхстопным ямбом, каким написан роман Пушкина». Вот так! А разговор о Пушкине в студенческой аудитории Кирилл Дмитриевич начал с того, что развернул перед нами номер «Литературной газеты» и спросил: «Почему на первой странице изображён профиль Пушкина?» Так начался серьёзный и долгий разговор о творчестве великого русского поэта. Признаюсь, это был мой любимый спецкурс. Именно с тех пор я много лет читал письма Пушкина-ровесника. Как вы понимаете, до 37 лет. И всякий раз, открывая десятый том академического издания 1951 г., я вспоминал человека, который научил меня это делать. И в горе, и в радости жить с Пушкиным! Недаром эпиграфом к своей книге «Мир глазами поэта» Вишневский (кто бы сомневался) взял стихи классика:

«Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье».

Стоит ли говорить, что в книге о стихе, о художественном образе, о труде поэта он не раз цитировал и Пушкина, и Маяковского:

«Как бедна у мира слова мастерская!
Подходящее – откуда взять?»

И тут же находит ответы у Пушкина:

«И забываю мир, и в сладкой тишине
Я сладко усыплён моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне...»

Кстати, книжку «Мир глазами поэта» Кирилл Дмитриевич подарил мне в 1979 г. тоже с автографом: «Боре Шигину – некогда любимому ученику, удравшему из науки в искусство». Наверное, пора рассказать и об этом: как я с помощью Вишневского «удирал» из науки.

Газета? Нет, телевидение!

Не буду скрывать, уже в студенческие годы мне очень хотелось заниматься литературоведением и дальше как можно дольше оставаться учеником Вишневского, работать на кафедре литературы, писать научные статьи и книги, защищать диссертации... Всё это было возможно при одном условии: тебя оставляют работать на кафедре и посылают учиться в аспирантуру. Да, именно об этом я и мечтал. И был уверен, что в этом мне поможет мой учитель и научный руководитель Вишневский. Но человек предполагает... Именно в то время Кирилл Дмитриевич уходит в докторантуру, т.е. полностью отдаётся написанию докторской диссертации, оставляет должность заведующего кафедрой. На его место приходит профессор Пузырёв. Варяг, человек пьющий, равнодушно относящийся к студентам... Одним словом, с его приходом рушатся мои мечты. Кафедра не рекомендует меня на должность ассистента, а Учитель уже не в силах мне помочь. Кстати, хочу рассказать о черте характера Вишневского, которая до сих пор не даёт мне покоя. Кирилл Дмитриевич не был бойцом. Он всегда, как мне кажется, уходил от прямых столкновений с противником. Расскажу об одной ситуации. На последнем курсе вместо Вишневского «Теорию литературы» стал читать нам профессор Пузырёв. Пару раз сходяв на его лекции, я быстро понял, что ничего интересного там нет. Но на консультацию перед экзаменом, как опытный студент, я, конечно, явился. Третьим вопросом в билете всегда был анализ стиха. В этом деле я, как ученик Вишневского, был мастер. И когда профессор стал приглашать к доске студентов, все вокруг зашипели: «Боря, иди». Я вышел и лихо проанализировал какое-то четверостишие. Каково же было моё удивление, когда Пузырёв, покачив головой, сообщил курсу о том, что видит этого молодого человека впервые и этот молодой человек «с такими знаниями» вряд ли сдаст ему завтра экзамен по теории литературы. Вот так номер! Стоит ли говорить, что после консультации я стал звонить Вишневскому по телефону и спрашивать, правильно ли я проанализировал текст и что же мне делать? На что Учитель сказал: «Ну уж, рыжий, не знаю. Сам решай». Именно тогда я понял, что

Вишневский не всегда сможет мне помочь и защитить меня. Не скрою, я был обескуражен, обижен, раздавлен. Ведь не трудно же позвонить этому Пузырёву и сказать, что мальчик прав. Увы, Вишневский и думать об этом не хотел. Может быть, решил, что хватит опекать «сынка»? Уже потом, много лет спустя, я понял, что в этом решении Учителя была не столько его слабость, сколько сила. Он учил меня самому бороться за правду. Кстати, придя домой, я нашёл похожий пример анализа стиха у классика литературоведения Виктора Жирмунского. А дальше было всё, как в сказке: я отметил нужную мне страницу закладкой и, сев отвечать, положил книгу классика стиховедения прямо перед Пузырёвым. Мол, вот как открою, как процитирую... Но опытный профессор моментально сообразил, в чём дело, и лишил меня этого удовольствия: просто, ничего не говоря, поставил в мою зачётную книжку оценку «отлично»! Вот так Вишневский научил меня искать выход из сложного положения, бороться за правду, доказывать свою правоту.

Государственные экзамены в 1975 г. студент филфака и ученик Вишневского сдал на «отлично», но на кафедре оставлен не был. После окончания института, изрядно психанув, я отправился учительствовать в деревню. Однако, уже через год мне опять пришлось просить совета и помощи у Кирилла Дмитриевича Вишневского. Дело в том, что, отработав год учителем литературы в совхозе «Солнечный» Лопатинского района, я получил возможность работать на кафедре литературы педагогического института. Но не пензенского, а тобольского! Из деревни меня отпустил директор школы Ключников, который ездил в районо с письмом из Академии наук. В нём меня приглашали принять участие во Всесоюзной конференции стиховедов. Одним словом, уже в июне 1976-го я проводил занятия со студентами-заочниками Тобольского педагогического института. Правда, очень быстро выяснилось, что целевой аспирантуры, поступление в которую мне гарантировали через два года, мне не видать лет восемь... Этот расклад меня никак не устраивал, и я позорно ретировался в родную Пензу. Что делать, как жить, как зарабатывать на хлеб? Начал сотрудничать с газетой «Молодой ленинец», где уже работал мой однокурсник Гена Кучеров. И через какое-то время, набравшись смелости, заявился к Вишневскому. Учитель ругал меня, говорил, что не бывает простых путей ни в науке, ни в жизни. А узнав о том, что я собираюсь работать в газете, как отрезал: «Никаких газет, попробуй телевидение — это и современно, и гораздо интересней».

Тут надо сказать о том, что сам Кирилл Дмитриевич давно и успешно сотрудничал с Пензенской студией телевидения, где работали два близких ему человека: Яков Семёнович Клейнерман и Николай Михайлович Инюшкин. К ним-то он и отправил сбежавшего из науки «рыжего». Кстати, Николай Михайлович немного знал меня как студента. Так что именно Вишневский сыграл огромную роль в том, на целых 27 лет я связал свою судьбу с телевидением, стал журналистом. Спасибо, Учитель!

Научный руководитель

Думаю, не каждый бывший студент может произнести эти слова: «моим научным руководителем был...» К счастью, я могу. И всегда с гордостью называю его имя и звание: профессор Кирилл Дмитриевич Вишневский. Надо ли говорить о том, что внимание студентов, которые хотели заниматься наукой, стиховедением (как Вишневский), было направлено в сторону одного из любимых поэтов Учителя – Маяковского. Именно изучением его стихосложения для начала и предложил мне заниматься Кирилл Дмитриевич, а точнее – уникальной гипердактилической рифмой. Приведу пример таковой: «и заверчен, как – из Аверченко», т.е. это самая сложная рифма из всех возможных. Ударение на третий слог от конца. Подобные эксперименты любил делать молодой, «дореволюционный» Маяковский, поэтому работа так и называлась: «Гипердактилические рифмы в поэзии В. В. Маяковского 1912–1914 годов». Чтобы вы понимали, для этого надо проанализировать все (!) строчки поэта этого периода. Кстати, надо сказать о том, что сам Вишневский в своей докторской диссертации, которая была посвящена архитектонике русского стиха, проанализировал творчество семидесяти пяти русских поэтов от Василия Тредиаковского до Николая Некрасова! Гигантский труд. Но мне, третьекурснику, и моя работа казалась просто колоссальной. В результате появилась научная работа, которую Учитель решил представить в виде научного доклада на конференции стиховедов Советского Союза. Академия наук СССР! Москва! И я с несколькими страничками своего первого научного исследования. Разве такое может быть? Оказалось, что может, потому что (конечно, с подачи Вишневского) этим исследованием заинтересовался выдающийся литературовед, автор монографии «Звуковая организация стиха и проблемы рифмы» Борис Прокопьевич Гончаров. Помню, как перед встречей в знаменитом особняке Института мировой литературы на Поварской Кирилл Дмитриевич предупреждал меня о том,

что отчество Гончарова не Прокофьевич, а Прокопьевич – не дай бог ошибёшься! Я не ошибся. Конечно, с дрожью в голосе, но достаточно уверенно сделал своё короткое, но ёмкое сообщение. Кстати, Гончаров впоследствии в одной из своих работ сделал на него ссылку. Борис Прокопьевич был фигурой колоритной: большой, розовощёкий, всегда улыбающийся... Во время того визита в Москву познакомил меня Кирилл Дмитриевич и с другим классиком советского стиховедения – Владиславом Евгеньевичем Холшевниковым, который, кстати, начал свою научную карьеру в 1953 г. с работы о Маяковском. Более того, во время обеденного перерыва мэтры угостили скромного студента обедом в ресторане «Прага». Благо, он в пяти минутах от Поварской. К слову, именно тогда я заметил в этом уголке Москвы и Дом журналистов, знаменитый Домжур. Но туда я попаду уже позже, когда стану членом Союза журналистов СССР. А пока Борис Прокопьевич подписывает мне книгу на память: «Борису Владиленовичу Шигину с пожеланием творческих успехов от автора. 2 февраля 1974 года. Гончаров». Стоит ли говорить, что всё это не моя заслуга, а моего научного руководителя Кирилла Дмитриевича Вишневого. Он учил делать анализ стиха, оформлять доклад, формулировать выводы. Он отважился привезти обычного студента из провинциальной Пензы в Академию наук! Всё он!

О втором приглашении в Институт мировой литературы в 1976 г., которое взбудоражило общественность села Китунькино Лопатинского района, где я учительствовал, уже было упомянуто. Именно оно стало решающим аргументом в споре директора школы и районо – учитель литературы Шигин был отпущен на вольные хлеба с целью дальнейшего изучения и продвижения советского литературоведения!

Фотография на память

Шёл 1975 г. Год первого большого юбилея Победы в Великой Отечественной войне. Конечно же, преподаватели-фронтовики, среди которых почётное место занимал Кирилл Дмитриевич Вишневский, старались сделать тему войны одной из главных. Мне мой научный руководитель поручил сделать доклад о творчестве одного из самых любимых своих поэтов – Константина Симонова. Работа моя называлась «Категория времени в стихах Константина Симонова о войне». Сохранился отзыв К. Д. Вишневого: «Автор доклада предпринял интересную попытку проанализировать категорию времени в стихах поэта. Его наблюдения вполне самостоятельны

и выполнены на уровне серьёзного исследования, выходящего за рамки студенческой работы. Шигин – серьёзный и перспективный начинающий литературовед. Его зрелый доклад – тому свидетельство. Считаю, что работа Шигина заслуживает самой высокой оценки. Научный руководитель доцент К. Вишневский».

А кто раздвигал эти рамки? Конечно, Кирилл Дмитриевич. Он вообще в рамки не укладывался. И вот тому пример. Летом 1975 г. заканчивалось наше обучение на историко-филологическом факультете Пензенского государственного педагогического института. Пришло время сделать прощальную фотографию. Фото на память студентов-выпускников с преподавателями. Помню, в актовом зале долго выстраивали кадр, забирались на скамейки, ждали опаздывающих преподавателей. Наконец, встали на стулья студенты, уселись в первом ряду наши учителя: И. Ф. Шувалов, А. А. Сулейманов, А. В. Немешайлова, Л. Ф. Кирилюк... А Кирилл Дмитриевич... вдруг встал со своего почётного места и полез на самый высокий ряд: «Подвинься, рыжий!» И встал рядом со мной.

Я часто гляжу на эту фотографию, рассматриваю лица однокурсников и преподавателей. И особенно – лицо рядом стоящего, любимого Кирилла Дмитриевича Вишневского. И восторгаюсь его поступком!

Заканчивалось счастливое время студенчества, когда мы могли видаться и общаться почти каждый день. К счастью, тогда наша дружба не оборвалась, а продолжалась ещё много-много лет, до самой смерти моего дорогого Учителя. Но об этом говорить ещё рано, потому что впереди у нас годы плодотворного сотрудничества! Теперь уже профессора и журналиста.

В присутствии Пушкина

Итак, летом 1976 г. при протекции К. Д. Вишневского и поддержке (после испытательного срока) Н. М. Инюшкина и Я. С. Клейнермана я был принят в штат Пензенской студии телевидения. Коллектив был хорошо сформирован и работал в привычном режиме много лет. Поэтому попасть туда, куда хотелось, не было никакой возможности. А хотелось работать в литературно-драматической редакции, в молодёжной. Однако работа в общественно-политическом отделе позволила на протяжении многих лет заниматься проблемами трудовых коллективов. Это помогло мне стать настоящим журналистом. И только через много лет я получил возможность выбирать темы своих программ. Появились

программа Николая Инюшкина «Пензенская видеоэнциклопедия», «Тарханы» с Тamarой Мельниковой», «Новый ковчег», «В присутствии Пушкина». Это были программы, которые рассказывали о культуре Пензенского края, о людях искусства, о влиянии культуры на судьбы людей. Как приложение к программе «В присутствии Пушкина», которая посвящалась культурному процессу, появилась идея сделать телевизионную викторину, которая бы раскрывала жизнь и творчество самого поэта. Конечно, делать эту программу без консультаций Кирилла Дмитриевича Вишневого было просто не разумно! Кто как не он должен стать председателем жюри нашей викторины? К счастью, Учитель сразу же поддержал мою идею и согласился возглавить жюри. Так продолжилось моё творческое содружество с профессором К. Д. Вишневым. Его глубокие, интересные, прекрасно поданные комментарии оказывали огромное влияние на участников викторины. А ими стали школьники Пензенской области. Кстати, впервые в истории сотрудничества Пензенской студии телевидения и Педагогического института я добился того, чтобы победитель викторины принимался на филологический факультет без экзаменов! Это был большой успех и прорыв. А первым победителем викторины и счастливой студенткой Педагогического института, поступившей только в результате собеседования, стала девочка из Каменки, которую теперь хорошо знают в Сурском крае и не только: Юлия Измайлова – прекрасный журналист и редактор газеты «Молодой ленинец». Уверен, присутствие в жюри Кирилла Дмитриевича Вишневого составляло не только участников, но и учителей литературы, готовивших своих питомцев, относиться в викторине «В присутствии Пушкина» очень серьёзно. Ведь многие учителя литературы были учениками Вишневого. Так что нашу викторину, свою работу по подготовке учеников они могли бы совершенно справедливо называть «В присутствии Вишневого»!

Конечно, я любил приглашать Кирилла Дмитриевича для участия в программах ТВ. Потому что телевидение любит именно таких людей: умных, эмоциональных, интересных, прекрасно говорящих. А говорил Кирилл Дмитриевич великолепно. Я знаю всего нескольких людей, которые бы так интересно и ярко говорили. Помню, с 75-летним юбилеем в апреле 1998 г. пришёл поздравлять его только что избранный губернатор В. К. Бочкарёв. Новый руководитель очень стеснялся, потому что говорил он со сцены после Вишневого, Инюшкина, других профессоров. После торжественного вечера он подошёл к юбиляру, рядом с которым стояли

Николай Михайлович Инюшкин и автор этих воспоминаний, и сказал: «Мужики, как бы мне научиться так здорово говорить?»

Кстати, возможность овладеть ораторским искусством в конце XX в. появилась у студентов нашего института: Кирилл Дмитриевич стал читать будущим юристам курс «Риторика». А в 2000 г. появилось учебное пособие «Риторика». Конечно же, очередную книжку учителя я получил с автографом: «Поэту от прозаика. С искренней и прочной симпатией – автор. 27.12.2000».

Искусство Кирилла Дмитриевича рассказывать ярко и остро о какой-то проблеме я использовал и в программе «Семейное чтение». Именно в те годы на книжных развалах появились книги классиков... в пересказе. «Робинзон Крузо» – страниц пятьдесят, например. В основном это были книги приключенческого характера, поэтому их хорошо раскупали. И многим неискущённым читателям, особенно молодым, было просто невдомёк, что это только «ножки да рожки», оставшиеся от великих романов. Помню, как живо, с большим энтузиазмом Вишневский взялся анализировать эту ситуацию на книжном рынке, которая грозила нанести культуре чтения серьёзный урон. Таким образом, моя дружба и сотрудничество с Учителем продолжались в течение всех лет моей работы на телевидении.

В русле «Суры»

Вспоминая историю о том, как меня не оставили работать на кафедре литературы, я описал её с некоторой обидой. Но мой научный руководитель не мог мне тогда помочь, он оставил должность заведующего кафедрой и писал докторскую диссертацию. Да и почему он должен был помогать мне? Я же не был чьим-то родственником? Вот профессор Щеблыкин помог своему сыну остаться в институте. Профессор Пузырёв – своему. Но не будем о грустном. Кирилл Дмитриевич пытался помочь мне, когда я уходил с телевидения. Уходил, потому что новое руководство стало закрывать программы о культуре: «Пензенскую видеоэнциклопедию», «Тарханы» с Тамарой Мельниковой», «Семейное чтение». В числе многих деятелей культуры и вместе с Николаем Михайловичем Инюшкиным он подписал письмо в защиту меня и телевидения. Но кто у нас реагирует на письма культурной общественности? Одним словом, с работой на телевидении было покончено. Но очень скоро меня пригласили возглавить пензенский литературный журнал «Сура». В юбилейных номерах 2021 г. я описывал эту ситуацию. А возвращаясь к рассказу о своём Учителе, скажу:

очень скоро мы продолжили наше сотрудничество на страницах литературного журнала. И это было ещё интереснее! Правду говорят – что ни делается, всё к лучшему! Уже во втором номере 2005 г. в «Суре» появляется статья Вишневого. А дальше – больше! Кирилл Дмитриевич стал постоянным и одним из самых читаемых авторов журнала. Рецензии, культурно-исторические экскурсы, размышления и воспоминания, отрывки из новых книг стали украшать страницы «Суры»! Работоспособность Вишневого с годами стала вызывать не только восхищение, но и некоторую зависть: мы, его ученики, стареем, а он остаётся молодым! На мои предложения зайти на кафедру за очередной статьёй Кирилл Дмитриевич неизменно отвечал: «Сам забегу». И забегал! И на Красную, когда редакция работала в Музее-читальне И. Н. Ульянова, и, конечно, на Белинского, 10, где проходили презентации новых номеров. Как ведущему этих музыкально-литературных вечеров мне было легко и спокойно, когда гостем и участником их был Кирилл Дмитриевич, потому что всегда это было ярко, эмоционально, по делу. Незабываемо! К счастью, одна из фотографий, которую я берегу, запечатлела одно из таких выступлений Учителя. Должно быть, это было в предмайские праздники, в канун Дня Победы, потому что Кирилл Дмитриевич в пиджаке с колодкой наград. Три боевых ордена и одиннадцать медалей! Кстати, далеко не все знают, что и в литературоведении и культурно-просветительской деятельности он достиг небывалых высот – ведь нет таких колодок, которые можно было бы пристегнуть на пиджак. А между тем, доктор филологических наук, профессор Вишневский возглавлял Пензенское отделение Советского фонда культуры, был главным редактором Пензенской энциклопедии, считался одним из ведущих литературоведов мира по оценке Оксфордского университета! Он был необычайно скромным человеком. Очень терпимым, очень толерантным.

Ещё один случай из моих студенческих времён. Однажды на концерте моего ансамбля в актовом зале набилось так много студентов, что с задних рядов не было видно сцены. Какие-то физкультурники (думаю, что это были студенты факультета физического воспитания) сняли со стены огромный стенд, положили его на стулья и встали на него ногами! А на стенде этом были фотографии преподавателей-фронтовиков. Разразился жуткий скандал. К ректору Емановой вызвали, естественно, «организатора этого безобразия», руководителя институтского ансамбля, т.е. меня. Дело дошло почти до изгнания из института. Многие преподаватели

требовали самого жесткого наказания. И только фронтовик Вишневский снисходительно улыбнулся: «Ну что вы хотите? Молодые, глупые ещё...»

Я же доктор филологических наук

Как часто в жизни мы сталкиваемся с различными вызовами — маленькими и большими. И не всегда прилагаем максимум усилий, чтобы добиться нужного результата или победы. Как правило, даже не обращаем внимания на то, что проиграли в споре. Ну проиграли — и проиграли. Не таким был Кирилл Дмитриевич Вишневский. Вспомню ещё один случай. Я уже упоминал о том, что Вишневский был главным редактором Пензенской энциклопедии. А когда этот колоссальный труд был завершён, главного редактора и его заместителя Николая Михайловича Инюшкина пригласили в Москву на презентацию уникального издания. Пригласил губернатор В. К. Бочкарёв. Пригласил и меня для того, чтобы я сделал телевизионный репортаж. Вечер в крупнейшем книжном магазине Москвы Библио-Глобусе был великолепным. На нём присутствовали знаменитые пензяки, председатель Государственной Думы Геннадий Селезнёв, издатель Георгий Пряхин, сын Г. В. Мясникова... Но я не об этом. А о споре, который возник на обратном пути, в вагоне фирменного поезда «Сура». С Вишневским и Инюшкиным мы ехали в одном купе. Под коньячок говорили, конечно же, о литературе, русском языке, о том, как важно в науке дойти до самой сути. Кирилл Дмитриевич тогда работал над комментариями к роману Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Среди непонятных слов оказалось и такое: «апульхара». Что оно означает? Кирилл Дмитриевич очень переживал по поводу того, что не может узнать значения этого слова, и несколько раз возвращался к этому вопросу. Николай Михайлович Инюшкин пытался успокаивать своего старшего товарища и коллегу. Наконец, Вишневский в отчаянии произнёс: «Коля, я же не хвост собачий, а доктор филологических наук! Я должен это узнать». Мелочь? Э, нет! Это главная черта характера учёного Вишневского: во всём, как писал Борис Пастернак, дойти до самой сути:

«Во всём мне хочется дойти до самой сути:
В работе, в поисках пути, в сердечной смуте
До сущности протекших дней, до их причины,
До оснований, до корней, до сердцевины...»

Кстати, Учитель всё-таки узнал, что слово «апульхара» означает примерно то же, что и «опушка», только не в лесу, а в горах. Да и не о слове, как вы понимаете, мой рассказ, а о пытливом уме учёного, который даже в таких мелочах помнил, что он – доктор филологических наук! Ну а для меня это был ещё один прекрасный урок моего Учителя!

Его в дверь, а он в окно!

Да, есть такая поговорка о назойливом человеке. Кстати, в журналистике – это одно из условий успешной деятельности журналиста: мол, должен любым способом достичь цели. Так или иначе, в дом Кирилла Дмитриевича Вишневого я попал... через окно. Дело в том, что в один прекрасный момент дедушка Кирилл решил подарить своей внучке Вике пианино. Так как его сын Дмитрий Вишневский работал на телевидении, он хорошо знал о моём умении играть на фортепиано. Как известно, от добра добра не ищут, и я был выбран в качестве консультанта при покупке музыкального инструмента. Это было приключение! Мало того, что в те годы не было грузового такси и машину надо было ловить прямо на улице, пианино никак не проходило в дверь частного дома, в котором жил Кирилл Дмитриевич. Выход был только один: втащить его через окно первого этажа. Так и сделали. Ну а потом я был приглашён на семейный обед. Именно на нём я узнал, что Кирилл Дмитриевич не ест грибы, а майонез делает собственноручно. И только так! Ах, с каким упоением (под рюмочку водочки) рассказывал профессор о домашнем способе изготовления популярного соуса. Кстати, после этого кулинарного урока я не раз повторял дома этот фокус: подсолнечное масло, горчица, яичный желток, чуть-чуть уксуса, щепотка соли... И всё это вилочкой, вилочкой... И с лучком да на селёдочку! Это чистая правда: талантливый человек талантлив во всём! Таким был и Вишневский. И рюмочку мог себе позволить, и никогда не перебирал! Помню, на 90-летнем юбилее наливает себе вторую рюмку и говорит: «Сегодня врач разрешил две». Как это прекрасно – дай бог каждому!

А в доме Вишневого мне больше всего понравился кабинет учёного. Огромное количество книг, аккуратно разложенные папки с научными статьями, старая печатная машинка... Кстати, до конца жизни Кирилл Дмитриевич сам печатал все свои работы и рукописи книг. Последней стала книга «Пенза и пензяки». Именно так – пензяки. Вишневский всегда говорил, что коренные жители нашего города говорят только так: «Пензяк – это тот, кто здесь живёт.

Пензенец – это тот, кто здесь квартирует». К 90-летию выдающегося литературоведа и краеведа и к 350-летию Пензы журнал «Сура» в 2013 г. опубликовал главы этой книги. Эпиграфом к этой книге Учитель взял слова философа Эмерсона: «Записывайте, записывайте, заметка стоит воза воспоминаний». Ах, сколько в этой книге любви к родному городу, его истории, улицам, старым дворам, традициям! К людям: «Нет, не прост пензяк, фантазёр и выдумщик... Пензяк нетороплив в движениях. Он и говорит неторопливо, будто поёт. С виду пензяк вроде бы увалень, тугодум. Как бы не так! Работать он умеет и в поле, и в цехе; мастер на все руки».

Последняя книга Учителя. Последняя публикация в пензенском журнале. Через год, 29 мая 2014-го его не стало. Он умер в возрасте девяноста одного года. Большая, очень интересная, славная жизнь. Жизнь, которая повлияла на сотни, а может быть, и тысячи других жизней, учитывая то, что Кирилл Дмитриевич Вишневский несколько десятилетий учил студентов. А сколько пензяков были телезрителями его программ «Субботний экран». А сколько – читателями его статей, книг, публикаций. Но, заканчивая свои отрывочные и сумбурные воспоминания об этом удивительном человеке, я хочу сказать, что на мою жизнь Кирилл Дмитриевич Вишневский оказал огромное влияние. Признаюсь, есть люди, о которых я вспоминаю очень часто, почти каждый день. Их не много. К их числу относится и Кирилл Дмитриевич Вишневский – мой Учитель. Человек, на которого мне всегда хотелось быть похожим. Светлая память!

Л. В. Рассказова

ЧЕЛОВЕК-РАДОСТЬ

У меня не было какой-то особой дружбы или приятельства с Кириллом Дмитриевичем Вишневским, сохранилось лишь несколько эпизодов довольно тесного делового общения. Поскольку я всю жизнь по роду деятельности занималась историей литературы в её музейном изводе, теперь уже не смогу отделить, что было вложено в меня Кириллом Дмитриевичем и другими преподавателями на филфаке пединститута, а что наработано самой. А вот образ К. Д. Вишневского, аура общения и работы с ним остались. О них и речь.

Только произнесёшь мысленно или вслух «Кирилл Дмитриевич» – и на лице непроизвольно появляется улыбка. Таким, с улыбкой быстро шагающим к кафедре, мы, первокурсники-филологи, впервые его увидели. «Ну что, друзья-первокушки», – припоминается

его знаменитое обращение. Он читал «Введение в литературоведение». Но именно не читал, а беседовал с нами, рассказывал, чем будем заниматься и чему учить детей, как создаётся литературное произведение. Честно говоря, содержания его лекций не помню, осталось впечатление захватывающего и очень интересного, и опять-таки радость, что теперь это и моя профессия. И по улице Кирилл Дмитриевич ходил быстро и энергично, оставляя полы плаща где-то сзади. И с неизменной улыбкой, одновременно на губах и в глазах. Она была не снисходительной или ироничной по отношению к «первоушкам», а открытой, располагающей и приглашающей. У него был вкус к жизни, к новому, к людям и событиям. Не только литературоведение, но и мы были ему интересны. Можно сказать, он был заряжен на общение с нами. Может быть, вослед «умнице Пушкину» (тоже его фраза), Кирилл Дмитриевич воспринимал нас как «племя младое, незнакомое»?

Из этой поры вспоминаю забавный инцидент. У одной из моих подруг-сокурсниц, писавшей, кажется, курсовую работу у Вишневого, произошла размолвка с ним, сути которой сейчас уже не помню. Из чувства ложно понятой солидарности мы, несколько однокурсниц (кстати сказать, лучших на курсе) решили с Кириллом Дмитриевичем не здороваться. И вот на приветливое «здравствуй» мы гордо молчим и проходим мимо. И какова же реакция Кирилла Дмитриевича? Да никакой! Всё та же располагающая и понимающая улыбка, и в следующий раз опять дружеское «здравствуй». Кажется, меня хватило раза на два, а уж с каким вкусом и удовольствием я «возобновила общение» с уважаемым профессором!

Уже очень много позже, долго проработав в музее, познакомившись с потомками «ушедшей России»: дворянства, земской интеллигенции, старой профессуры во время командировок в Москву за экспонатами, я узнала, вспомнила эту манеру. Такое же обаяние и расположенность к собеседнику были и у профессора С. О. Шмидта (1922–2005), почти ровесника К. Д. Вишневого. Думаю, это проявление очень глубоких, исконных, неосознаваемых основ русского семейного воспитания. В «Пензенской энциклопедии» есть статья об отце Вишневого, Дмитрие Петровиче, выходец из семьи священника, выпускнике духовной семинарии, затем земском докторе. Кстати, в такой же тёплой повествовательной и обращённой к читателю-собеседнику манере написаны и мемуары Кирилла Дмитриевича «Пенза и пензяки».

Кажется, на третьем курсе филфака нам были предложены два спецкурса: о В. Г. Белинском и о А. С. Пушкине. Не мудрствуя лукаво, факультетское начальство повелело первым двум группам потока изучать великого критика, а оставшейся половине постигать секреты мастерства великого поэта. Но! Пушкинский спецкурс читал Кирилл Дмитриевич. Весь поток проявил неодолимую тягу к пушкинской музе, и я с кем-то ещё из обделённой половины курса была делегирована в деканат добиваться «справедливого решения». Понятно, дело было не в «нашем всё», а в том, что это спецкурс Вишневского. Мы готовы были изучать кого угодно, лишь бы слушать Кирилла Дмитриевича. Своего мы добились (кажется, оба преподавателя пошли нам навстречу): стоявшие на одной паре спецкурсы разнесли по времени и взяли с первых двух групп торжественное обещание посещать спецкурс по Белинскому, а уж Пушкина – по желанию. Студенческая любовь к лекциям Кирилла Дмитриевича сохранялась надолго. Опять-таки, много позже, на каком-то обязательном городском мероприятии для учителей и работников культуры то ли по воспитанию патриотизма, то ли ещё чего-то, среди выступавших был заявлен и Вишневский. Его доклад был запланирован ближе к обеду, и это оказалось весьма предусмотрительным. Понятно, до выступления любимого профессора досидели все. А уж после перерыва пришлось переместиться в аудиторию поменьше, чтобы не так была видна убыль участников.

В 1999 г. к 250-летию А. Н. Радищева на Пензенской телестудии снимался телефильм о Радищеве по моему сценарию, режиссёр Б. В. Шигин. Мы пригласили Кирилла Дмитриевича произнести некое вступительное обращение к зрителям о писателе. Меня поразило, насколько прочувствованы и злободневны были слова профессора. С какой энергией Кирилл Дмитриевич, отмахивая рукой ритм, проскандировал злободневные (и ныне!) строки Радищева, написанные ещё в XVIII в., которых я и не знала:

Иль неозвратен навек мир, дающий блаженство народам,
Или погрознет еще, ах, человечество глубже?
Утро столетия нова кроваво еще нам явилось,
Но уже гонит свет дня ночи угрюмую тьму;
Выше и выше лети ко солнцу, орел ты Российской,
Свет ты на землю снеси, молнии смертельны оставь...

Замечательным временем был период работы над первым изданием «Пензенской энциклопедии», где Кирилл Дмитриевич был

главным редактором. Тогда региональных энциклопедий существовало ещё немного, поэтому вопросы возникали на каждом шагу: по словнику, по объёму статей. Помню наши «идеологические» споры с ним: я полагала, что о местных представителях надо писать со всей полнотой, так как ниоткуда, кроме регионального издания, о них нельзя узнать. Кирилл Дмитриевич считал, что необходимо выдерживать пропорцию между масштабом деятеля, всероссийским или местным, и объёмом статьи о нём. Вот чего в нём не было, так это давления авторитетом. Выслушивались самые завырательные идеи, например, указывать у женщин девичью фамилию, чтобы видны были родственные связи и корни.

Можно сказать, у нас с Кириллом Дмитриевичем был разный хронос, но общий топос. Моё детство прошло на проезде Водопьянова. Места заповедные! Рядом, «на Кутузовке», жил незабвенный В. С. Годин, в переулках – преподаватели пединститута К. Д. Вишневский, Л. Ф. Кирилюк. В то время я об этом не знала. В этих же местах, на задах Тамбовской улицы, находилось фондохранилище, где я проработала несколько десятков лет. Сюда ко мне они заходили. Кирилл Дмитриевич лично перенёс к нам уникальную картотеку по метрике стиха, созданную им при работе над докторской диссертацией. В ней учтены по специально разработанной схеме стихотворные строки более ста русских поэтов, от М. В. Ломоносова до И. А. Бунина. Статья о картотеке есть во втором издании «Пензенской энциклопедии». Кирилл Дмитриевич её и физически сделал сам, своими руками: аккуратные ящички из плотного картона, обклеенные по углам для прочности тканевой лентой, с петельками, чтобы удобно было их выдвигать. Ящички он приносил по несколько штук и отказывался от предложений помочь и перевезти всё разом. Сейчас думаю, что ему, наверное, было тяжело сразу расстаться с делом жизни, увидеть пустые полки в кабинете.

Чем дальше во глубину времён уходит от меня моя юность, тем всё рельефнее проявляются в памяти образы людей, живших рядом и оставивших в ней особый след. Один из них – Кирилл Дмитриевич Вишневский, ставший для меня одним из образов культуры Пензы, тем, кто связал XX и XXI вв. его истории.

Г. В. Пранцова

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УНИКАЛЬНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Впервые я увидела его в 1972 г. На лекции по теории литературы. «Открыта дверь... студенты, тишина... Заходит он –

"ведущий" этой пары...». Первые его слова – «Здорово, братцы кролики» – не развеселили, а насторожили нас. До него все было, как и должно быть: академично, порой чопорно и скучно... А здесь сразу: «Здорово...», с улыбкой, с лукавством в глазах. Без этого его уже было представить невозможно. Но это не было панибратством, заигрыванием... Это была неповторимая манера общения, которая выражала его оптимистичное мировосприятие, его азарт к жизни, интерес к людям...

Он покори́л и испугал нас сразу, с первой встречи. Покори́л, разумеется, своей необыкновенно яркой личностью, широтой знаний. Его суждения всегда были точны, четко сформулированы, красочно выражены. Кирилл Дмитриевич восхищал нас нескончаемым позитивом, импровизацией, иронией, которая всегда была кстати, тонким чувством юмора, анекдотами, «разбавлявшими» научные понятия, исторические факты. А что пугало? То же и пугало, что восхищало... Дисциплины его – «введение в литературоведение», «теория литературы» – были сложными, особенно для новоиспеченных первокурсников. На семинарских занятиях отвечать робели: вдруг не то и не так... Не хотелось выглядеть бледно... Но именно так и было чаще всего. Слушая примитивный ответ, в котором, студентка, например, «синекдоху» не отличала от «метонимии», он сокрушенно качал головой, но не ворчал, не возмущался. Свой вердикт выносил спокойно, даже с определенной долей заботы: «Ну что ты, матушка... Ты лекции-то почитай... И Абрамовича (автор учебника) посмотри... Да не зубрить старайся, а понять... С текстом художественным понятия соотноси... Старайся. Все получится». И вот это ласковое «матушка» удручало, побуждало прилежнее учить литературоведение, чтобы хотя бы чуть-чуть вырасти в его глазах.

Да, Кирилл Дмитриевич впечатлял знаниями, обаянием, умением себя подать. Но он владел и умениями донести свои знания до других. В начале овладения учительской профессией мы еще плохо разбирались в методике обучения. Тем не менее некоторые его подходы к преподаванию можно было выделить уже тогда. Прежде всего это ориентация на уровень выше среднего, чтобы каждый студент взял столько, сколько сможет («Могий вместити да вместит»). Затем – умение видеть в студенте личность. Наконец – способность к импровизации. А самое главное – постоянная работа над собой. Он обладал уникальными познаниями в области стиховедения, русской литературы и культуры в целом. Но постоянно

читал. Нам казалось, что он прочитал все книги на свете. И хотелось прочесть хотя бы часть того, что одолел он...

Разумеется, защита Кириллом Дмитриевичем докторской диссертации не была неожиданностью ни для его коллег, ни для студентов. Нам довелось быть свидетелями его появления в институте после защиты. Он триумфатором ходил по коридору, лицо его светилось от удовольствия. Но не было и тени зазнайства, высокомерия. Он был горд тем, что исполнил свой долг ученого, понимал, что сделал настоящее дело, сделал его на «отлично».

Мы решили его поздравить, подарок (блокнот) приготовили. Но долго не решались, стояли в стороне. Он сам нас заметил. И своей улыбкой, шуткой снял напряжение: «Девчата, вы что оробели? Поздравить хотите? Ну поздравляйте: вот он я...». Мы были рады за него, за себя (перестали быть в его восприятии «матушками»)...

После окончания института последовали годы учительства... Кирилла Дмитриевича я видела редко: примерно раз в два года, когда он приезжал в район и читал лекции для учителей. Он не менялся. По-прежнему был молод духом, активен, блистал эрудицией, искрометным юмором. Слушать его было удовольствие... Событием стали в этот период его книги «Мир глазами поэта: Начальные сведения по теории стиха» и «Поэма В. В. Маяковского "Хорошо!": комментарий». Первая из них была адресована ученикам, но до наших дней является настольной книгой учителя литературы, так как открывает мир поэзии, показывает, как в единстве содержания и формы рождается поэтическое творение. Именно эту книгу в первую очередь называют словесники, ученые-методисты, когда слышат имя Кирилла Дмитриевича Вишневого. Все это свидетельствует о неугасающем профессиональном интересе к его исследованиям.

Комментарии к поэме Маяковского написаны для учителя. У книги «странная» судьба. Появилась она накануне перестройки (уже через два года будет новая программа по литературе и места для поэмы «Хорошо!» в ней не найдется). Значит, адресату книга не нужна?.. А историко-литературные комментарии, составленные автором, глубоки по содержанию, лаконичны, написаны ярко! Мне довелось только год работать по этой книге, но остались в памяти многие проблемы, которые Кирилл Дмитриевич мастерски исследовал, обращаясь к поэме Маяковского. Например, проблема

«человек и время». Но разве она только в этом произведении? Следовательно, у учителя есть предложенный Вишневым образец того, как можно «разговаривать» о времени, а это значит, что книга со «странной» судьбой не будет закрыта и отложена... Не будет она закрыта еще и потому, что творчество Маяковского вызывает интерес у молодых исследователей, а комментарии могут стать и источником, и образцом для научной работы...

До 1988 г. мое отношение к Кириллу Дмитриевичу можно определить словом «ученичество»: сначала была его студенткой, потом – слушательницей его лекций по линии Института усовершенствования учителей опять же с целью глубже постичь премудрости стиховедения, теории литературы...

В 1988 г. я стала его коллегой. Теперь мы работали на одной кафедре. Долго не могла преодолеть то отношение к нему, которое выработалось раньше. Но он помог. Мудрый, позитивный, Кирилл Дмитриевич перевел наши отношения на другой уровень – дружеский (кстати, именно так он общался почти со всеми членами кафедры). Теперь я смотрела на него уже несколько иначе. Но особых отличий от того, каким он казался мне раньше, не видела. Он был цельный. И в то же время разный. Это зависело от конкретной ситуации, от человека, с которым он вступал в отношения: дружеские или недружеские.

Я видела его непреклонным в принципиальном споре, когда дело касалось непосредственно кафедры (нагрузка, прием нового члена кафедры и другое) или профессиональных вопросов (например, творчества отдельных писателей). Он становился резким, хотя голос не повышал. Взгляд его был холодным и пронзительным. Он давал высказаться оппоненту, не прерывал его, не иронизировал. Но аргументы самого Кирилла Дмитриевича всегда были более убедительными и отточенными. Однако, если кафедра не принимала его сторону (а такое на моей памяти было всего раз), он не обижался, а только сокрушенно качал головой, словно дивясь неразумности отвергнувших его предложение.

По-прежнему я видела в нем блестящего исследователя. Это был крупный даже по европейским меркам ученый-стиховед. Одна за другой выходили его статьи в международных журналах (Англия, США). Он не хвастался этим, но и не скрывал, поскольку знал себе цену. Приносил на кафедру эти «любопытные журнальчики» (он их так называл), чтобы мы посмотрели. Обращал внимание не на свою

статью, а на другие, которые уже прочитал и они вызвали у него интерес.

В это же время он издал книгу «Разнообразие форм русского сонета» (США), работал над «Пензенской энциклопедией». Конечно же, много читал. И время тому способствовало: было просто пиршество литературы. Кирилл Дмитриевич являлся инициатором обсуждения многих появившихся тогда книг. Спорили о романах Б. Пастернака «Доктор Живаго», М. Булгакова «Белая гвардия», В. Дудинцева «Белые одежды» и многих др.

Иногда творчество какого-либо писателя побуждало Кирилла Дмитриевича затеять с нами (чаще с Ларисой Васильевной Полужаровой и со мной) своего рода литературную игру. К примеру, он расхваливал, цитировал уже прочитанные им «Одесские рассказы» И. Бабеля, предлагал нам сделать то же самое, а потом «общаться» на языке героя рассказов – Бени Крика. Уговаривать нас долго не надо было. Мы прочитывали и, комментируя какую-либо рабочую, бытовую ситуацию, прибегали к языку Бабеля. Приведу примеры нескольких ситуаций:

1) поручение заведующего с предупреждением, что будет в случае невыполнения задания: «Если вы этого не сделаете, так вас ждет такое, что это не слыхано, и вся Одесса будет о вас говорить»;

2) неожиданное поручение: «Мине нарушают праздник...»;

3) утешение: «...забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе осень»; «пусть вас не волнует этих глупостей...»;

4) просьба запомнить: «Кладите себе в уши мои слова» и др.

Не бог весть какая игра. Но нам было весело: и от открытия орнаментальной прозы Бабеля, пропитанной одесским юмором, и от того, что мы, взрослые люди, можем находить удовольствие в литературе, в общении друг с другом.

Думаю, что, возможно, именно тогда задумал Кирилл Дмитриевич заняться исследованиями комических произведений И. Ильфа и Е. Петрова. Он предлагал нам «поиграть» и в их романы. Но как-то не срослось, видимо, отвлеклись на что-то другое... А Кирилл Дмитриевич всерьез увлекся произведениями и написал книгу «Романы И. Ильфа и Е. Петрова "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок": Словарь-комментарий». Не мог человек, обладающий иронией, отменным чувством юмора, пройти мимо таких произведений, равно как и когда-то давно не прошел мимо рассказов Бабеля...

Кирилл Дмитриевич, несмотря на свои ученые заслуги, по-дружески общался с членами кафедры: «не докучал моралью строгой». Он проявлял интерес к научной жизни каждого из нас, а особенно к тем, кто только начал заниматься научной работой. Не думаю, что это ему действительно было интересно: просто он хотел поддержать едва шагнувших в науку, приободрить своим вниманием. Помню, он заинтересовался экспериментом, который я проводила в рамках своего исследования: определяла, что и как читают подростки. Когда Кирилл Дмитриевич увидел анкеты, то попросил разрешения их посмотреть. Читая написанные учениками ответы, он оживился и постоянно повторял: «Ну-ка, ну-ка... Вот разбойники...». А потом стал вспоминать, что сам читал в их возрасте. И с удовлетворением отмечал, что есть совпадения: культурный код не потерян. Такими совпадениями стали книги Дюма, Стивенсона, Купера, Рида, Буссенара, Твена, А. Беляева, русская классика (Н. В. Гоголь, А. К. Толстой) и др. Посетовал, что из чтения подростков ушли Гайдар, Кассиль, Огнев и др. Позавидовал, что читают книги Кира Булычева, братьев Стругацких, Азимова (с сожалением: «Тогда не их время было»). С азартом произносил из анкет новые имена и названия книг (Дж. Барри «Питер Пэн», Л. Кэрролл «Алиса в Стране чудес», К. С. Льюис «Хроники Нарнии» и другие) и расспрашивал, о чем они.

Я уже не раз упоминала страсть к чтению как одно из основных качеств Кирилла Дмитриевича. А слушая его рассказы о том, что читал в детстве и юности, его светлые воспоминания о большом книжном шкафе, в котором книги стояли в два-три ряда, понимаешь, что с таким читательским багажом он просто обязан был стать филологом, ученым...

«Я прошел по той войне...» Эту строчку поэта Кирилл Дмитриевич мог с гордостью сказать о себе. Но я никогда не слышала, чтобы он вдруг специально погрузился в воспоминания о войне. Может, он не хотел лишний раз бередить душу, уплывая памятью в страшные события Великой Отечественной... Может, считал свое участие в войне выполнением долга... Наверное, и то, и другое... Но иногда к слову, рассказывая о каком-то событии из своей жизни, из жизни своей семьи, вспоминал и о войне. Так совершенно случайно я узнала, что он воевал на Курской дуге...

Кирилл Дмитриевич гордился своим родом, серьезно интересовался его историей. И вот однажды на кафедре он стал рассказывать о новых изысканиях, связанных с местом рождения отца. Этим местом была Курская губерния. Ранее отец рассказывал о селе,

в котором он родился. Кириллу Дмитриевичу удалось побывать в этом селе в ...1943 г., когда он находился на Курской дуге. Наступление немцев было остановлено, и часть, где служил Кирилл Дмитриевич, направлялась в другое место. По пути находилось село, о котором он слышал от отца. Кирилл Дмитриевич поинтересовался у старожил, не помнит ли кто его деда, священника. Оказалось, помнили, хорошо отзывались о нем. Разумеется, Кириллу Дмитриевичу было приятно, хотя он и сомневался: действительно ли помнили или просто хотели ему, молодому офицеру, что-то доброе сказать. Война, Курская дуга... А молодой офицер думает об истории своего рода... Наверное, в этом и заключается мудрость жизни... И ее, эту мудрость, еще в суровой юности постиг Кирилл Дмитриевич.

Запомнила Кирилла Дмитриевича разным: вдумчивым ученым, ярким оратором, внимательным наставником... Но однажды увидела его в роли «мастерового», и эта роль тоже была его.

А случилось самое обычное для нашего транспорта в начале 90-х гг. прошлого века событие: по пути на работу в страшной тесноте и давке в автобусе повредили замок моего портфеля. Кирилл Дмитриевич увидел, как я несу набитый портфель на вытянутых руках перед собой, быстро оценил обстановку: «Будем ремонтировать». Я восприняла это за шутку. Кто мне может починить в институте? А Кирилл Дмитриевич тем временем открыл свой портфель, достал очки в круглой оправе (как у мастеровых-часовщиков), футляр картонный, раскрыл его. И вдруг говорит: «Мы портфель твой дратвой чинить будем. Знаешь, что такое дратва?» К стыду своему, не знала. Он, склонясь над портфелем, стал пространно объяснять про дратву, а сам при этом ловко орудовал небольшим шилом и иголкой с этой самой дратвой. У него так ловко получалось! Подумала, сейчас он мастеровой, а через несколько минут – одухотворенный оратор... Да, «талантливый человек – талантлив во всем»!

Золотое время совместной работы с Кириллом Дмитриевичем на кафедре длилось недолго. Вскоре он перешел на другую кафедру, к своему другу и единомышленнику Н. М. Инюшкину. Какое-то время он еще по совместительству работал и у нас. Но было понятно, что расстанется с нами... Он вел себя, как и прежде. Заходил часто, интересовался нашими делами. Мы радовались каждому его появлению... Замечали, что стал стареть... Но одно утешало: время

не было властно над его уникальными познаниями в области литературы, эрудицией, красноречием, над умением четко формулировать свои суждения.

Одна за другой появлялись книги Кирилла Дмитриевича: «Риторика: учебное пособие» (1998), «Романы И. Ильфа и Е. Петрова "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок": Словарь-комментарий» (2010), «Пенза и пензяки. Воспоминания о довоенных годах» (2013)...

Да, он был необыкновенно яркой личностью. Он привык быть центром всеобщего внимания, но при этом умел оставаться естественным и, как это ни странно звучит, молодым по духу, по мироощущению.

О. В. Христюбова

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

Кирилл Дмитриевич Вишневский... Это имя о многом говорит всем нам, всем поколениям студентов, которые имели счастье учиться у этого человека-легенды. Да, именно так мы воспринимали Кирилла Дмитриевича!

Еще учась на первом курсе, мы уже знали, что профессор Вишневский будет читать нам спецкурс по творчеству А. С. Пушкина. И мы ждали с нетерпением, когда наступит этот момент, и в перерывах между парами ходили издалека смотреть на него, беседующего в холле со старшими студентами, – высокого, красивого, с обаятельнейшей улыбкой. И вот, наконец, наступило время учебы у профессора Вишневского. Мы, без преувеличения, с восторгом, с замиранием сердца слушали его лекции и были убеждены в том, что он абсолютно все знает о Пушкине. Наши сокурсники, в основном взрослые уже ребята, отслужившие в армии, на первой же лекции задали Кириллу Дмитриевичу сложный, каверзный (как им казалось, и они очень гордились этим) вопрос: «Почему на известном портрете у Пушкина перстень находится на большом пальце и что это означает?» Конечно, они услышали столь исчерпывающий ответ, что больше не решались на подобные «испытания» преподавателя.

Вскоре мы убедились, что Кирилл Дмитриевич великолепно читал стихи, и мы стали просить его в конце каждой лекции прочесть что-нибудь. «Что-нибудь» – это по его выбору, по его настроению. Начинал он со стихов Пушкина, а потом совершенно неожиданно для нас мог перейти, например, к Маяковскому. Его

очень привлекали оригинальные, новаторские поэтические решения поэта. Кирилл Дмитриевич занимался же еще и проблемами стихосложения.

Занятия он вел свободно, увлекая нас полетом своей мысли. Никакой строгости (она была и не нужна), доброта, интеллигентность, обаяние – вот что отличало его, как преподавателя. По фамилиям и именам он нас не знал, даже не старался их запоминать и не скрывал этого. Но его цепкая память сохраняла суть ответа студента, даже суть ошибки в ответе, так что через пару занятий, к примеру, он мог вернуться к этой ошибке и дать еще раз необходимые пояснения. Обращался Кирилл Дмитриевич к нам тоже чрезвычайно своеобразно. До сих пор словно слышу его голос и вижу его обаятельную улыбку: «Лапушка в красненькой кофточке! А ты как думаешь?» Мы, студентки, все были в него влюблены, а потому не подготовиться к занятию, не выучить что-либо было невозможно. Кирилл Дмитриевич не старался поразить нас чем-то, не стремился понравиться. Нет, он был, как сейчас модно говорить, самодостаточным человеком, он просто был самим собой – умным, даже мудрым, интеллигентным, добрым, красивым, обаятельным. Харизматичным!

Такие люди редко встречаются в жизни, а уж в современной тем более. Потому и память о профессоре Кирилле Дмитриевиче Вишневском жива. Светлая, добрая память о человеке-легенде.

О. С. Пугачёв

«ВЕСЁЛАЯ НАУКА»

После армейских танковых будней, учений, караульной службы и строевой подготовки пребывание на историко-филологическом факультете Пензенского государственного педагогического института (специализация – русский язык и литература) казалось мне просто волшебством, чудом, раем... Среди предметов первого курса (1973) – «Введение в литературоведение». Лекции читает кандидат филологических наук Кирилл Дмитриевич Вишневский. Нужно ли говорить, насколько весь наш поток был охвачен и зачарован обаянием этого мастера русской речи. Вначале я пытался записывать лекции, но, поняв, как много теряю, что записывание мешает мне просто «впитывать» в себя эту новую поведствовательную среду, погружаясь в нее полностью и без остатка, я почти перестал это делать. Уникальность нового преподавателя давала знать о себе моментально: все (курс) и каждый застывали

в ожидании того, что нового произведет это чародейство словотворчества. Нет на столе заготовленных текстов, нет «прямой линии», но есть, как бы сейчас сказали, «точки бифуркации», вслед за которыми раскрывался веер возможностей.

Можно сказать, на наших глазах Кирилл Дмитриевич обретал давно уже заслуженный им статус: доктор филологических наук (1975); профессор (1977). Все это как-то естественно «шло» к нему, поскольку научная титулатура была, повторяюсь, в своем высшем даже выражении, весьма к месту для столь незаурядной личности, каковой он нам, студентам, представлялся и был на самом деле.

Когда моя двоюродная сестра, ныне покойная, Лидия Константиновна Пугачева (1942–2019), спрашивала меня о моих студенческих впечатлениях и делах, то среди имен преподавателей, чьи лекции были, на мой взгляд, наиболее интересными, прозвучало и имя Кирилла Дмитриевича. Услышав, она тепло улыбнулась и очень позитивно отзывалась о нем, как о личности и преподавателе.

Вокруг профессора Вишневого не мог не сложиться какой-то особый круг его учеников и соратников. Но мне он был неизвестен по той простой причине, что я в него не входил. Вот поэтому отчасти мои воспоминания страдают фрагментарностью и калейдоскопичностью, что не позволяет с достаточной полнотой свидетельствовать о научных, педагогических и личностных качествах этого человека. И на этом можно было бы поставить точку, но, как видно, судьба распорядилась ввести многоточие.

Случилось так, что меня угораздило попасть в центр внимания институтского комитета комсомола как «саботажника» колхозно-совхозных работ. Говорят, мое «дело» слушалось даже на парткоме факультета. Доподлинно мне неизвестно, как и почему за меня заступился К. Д. Вишневский: никаких разговоров с ним на эту тему (как и на другие) не было. Однако, здоровавшись с ним, как обычно, я в этой суматохе грозящего мне отчисления и исключения из комсомола просто почувствовал на себе его особенный взгляд, в котором мне прочиталась поддержка. Знаю, что в открытую меня защищала моя научная руководительница по дипломной работе – незабвенной памяти Александра Ксенофонтовна Бочарова – тоже доктор и тоже профессор, по чьей-то злой воле обойденная в этих давно заслуженных ею степени и звании.

Первое, что меня поражало, – это умение Кирилла Дмитриевича мгновенно (и незаметно) менять регистры повествовательного тембра. И еще – это уникальная способность выходить далеко

за рамки означенной темы, предмета, возвращаясь к нему с какой-либо другой, даже неведомой стороны, что расширяло возможность интерпретаций и приводило к образованию каскадов дополнительных смыслов. Короче говоря, у него было чему поучиться, но более всего действительным влиянием на студентов обладали ни его уникальные педагогико-психологические и профессиональные качества, ни манера общения, в основном – иронически-демократическая – нет. На мой взгляд, он привлекал внимание и положительно влиял на нас, студентов, всей своей личностью, в которой каждый из отдельных признаков ее был уже как бы вторичен, т.е. становился результатом анализа, рефлексии, когда волна обаяния откатывалась из-за временной или физической дистанции.

Педагогический талант К. Д. Вишневского, думается, может быть охарактеризован как вполне уникальный. Уникальность этого таланта состояла уже в том, что в его педагогике не было видно методико-методологического ее (педагогики) скелетона: это было нечто органическое и цельное, словно бы внутренне, имманентно присущее преподавателю. В то же время, если уж необходимо предаться анализу, столь малоприменимому к такому целостному явлению, как профессор Вишневский, то можно выделить такие элементы его педагогических, тесно связанных с психологическими, приемов, как, например, сократическая беседа, эвристика в великолепной аранжировке полисемантических возможностей великого русского языка. Это могло предстать перед студентами как пиршество мысли и слова. Но когда, не дай Бог, чувствуя или вовсе не отдавая себе отчет, студент решался испытать судьбу, не имея достаточных знаний, то на этом поле такового ожидали сплошные разочарования. За примером далеко ходить не приходится: я убедил себя, что курс, читаемый Кириллом Дмитриевичем, – «веселая наука», хотя и с подоплекой, с какой данное выражение употреблял его автор – Ницше. И вот, не очень-то готовясь, я все же предвкушал на экзамене по введению в литературоведение «отхватить» не менее «отл.». Однако... беседа наша не заладилась: педагогический «щуп» преподавателя распознал замаскированные лакуны в моих познаниях, которые я столь самонадеянно и, конечно, наивно переоценивал. Последствия были обидными и справедливыми: «хорошо». Вот и все. А почему же обидно? А потому, что предмет-то я любил и лектор мне, как и всем, очень нравился, да вот блеск и лучезарность, сознание того, что-де я и так все понимаю, лишили меня стимула искать глубины, проникать в сущность.

Кстати, о проникновении в сущность: мне представляется, что Кирилл Дмитриевич, как педагог и психолог, обладал удивительной способностью постигать людей. Утверждаю это на примере, конечно, нас, студентов. Вот, когда он смотрит на Вас прямо в глаза, то возникает впечатление, что ты перед ним весь как на ладони. Безусловно, обладая великим человеческим жизненным опытом, профессор Вишневский был прирожденным педагогом, т.е. из той когорты закаленных войной людей, кто получал научно-педагогические знания, учась в вузе, бывшем только обрамлением того материала, что преподавала сама жизнь, опыт.

Безусловно, нельзя не отметить того блеска остроумия, тонкой иронии и какой-то личной магии, что в совокупности заставляло переживать его лекции как мгновение. А высокая культура общения, преподавания, преподнесения новых знаний! А поразительная способность перевоплощения и эмоциональная приподнятость над обыденностью! Всего не перечислить! Жаль только, что подспудно жило во мне тогда чисто студенческое, «средняцкое», состояние: что легко дается (на самом деле или иллюзорно), то можно задвинуть на задний план, а с тем, что трудно, по возможности обходиться меньшим временем. Отсюда и сожаление о том, что не учился как следует.

«К. Д. Вишневский» – это было и остается именем, «брендом», знаком, символом интеллигентности и обаяния. Этими словами я хочу не просто дополнить свои впечатления, но и подчеркнуть такой интересный факт: все, или почти все, кто так или иначе был знаком с Кириллом Дмитриевичем, попадали в сферу его влияния, в его невидимый магический круг. Вот так и я, кто мало общался с ним, постоянно ощущал его присутствие: то в виде обсуждения какой-то важной темы из студенческой жизни, то в виде его появления и выступления на каком-либо собрании в вузе и т.д.

И после расставания с вузом, встречаясь с одноклассниками бывшими, обязательно услышишь эту знаменитую фамилию. Вспоминаю, как я был приятно удивлен, когда на последнем (у литераторов – четвертом) курсе, в период госэкзаменов, стоял я перед расписанием, а Кирилл Дмитриевич подошел ко мне, справился о делах и предложил то, о чем я и мечтать не мог: работу на телевидении! Я почувствовал, как зарделся от смущения, но мне уже было намечено распределение: Объединение литературно-мемориальных музеев Пензенской области, должность старшего научного сотрудника, «дислокация» – в с. Лермонтово, в музее-заповеднике «Тарханы», да еще и с обещанным выделением жилья, а я уже был

женат и родилась дочка. Эта работа манила меня своими исследовательскими возможностями и решением (наконец!) «квартирного вопроса». А телевидение... Заманчиво, слов нет, но, если правду сказать, какой из меня телевизионщик? Обо всем этом честно рассказал профессору. Он серьезно и внимательно выслушал и сказал: «Но ты все-таки подумай». И назначил день ожидаемого ответа. Трудно мне было сказать «нет»: казалось, что не оправдываю какого-то доверия, которое сложилось помимо моего участия, и вот, разочаровывать Кирилла Дмитриевича... До сих пор, вспоминая, то жалею, то не жалею. Несбывшееся, по словам А. Грина, имеет над нами особенную силу, манит нереализованными возможностями, в том числе – и мнимыми. Ведь не всем же удастся реализовать себя в столь, мягко говоря, непростой сфере, а тогда для Пензы – еще и новаторской. Но, как говорится, спасибо за доверие...

И вот – долгие годы я не встречался с уникальной личностью нашего профессора: лет двадцать, если не больше. И тут мне выпала честь тесно сотрудничать с кафедрой мировой и отечественной культуры, которую возглавлял профессор, доктор философских наук Николай Михайлович Инюшкин. В один из дней я встретил там Кирилла Дмитриевича, который тепло со мной поздоровался и быстро вспомнил бывшего студента и даже спросил о двоюродной сестре, учившейся у него еще в 1960-х. Профессор Вишневский был тем же и, конечно, иным. Что в нем прибавилось? Мне показалось – больше грусти и усталости в умных глазах. Что ушло? Не мне судить, хотя о чем-то и легко догадаться, если представить состояние человека, пережившего невосполнимую потерю. Еще в студенческие годы я слышал об участии Кирилла Дмитриевича в военных действиях в годы Великой Отечественной войны, а затем узнал о его наградах. Тогда мне стала яснее в его облике казавшаяся необычной черта: при его способности, излагая лекционный материал, артистически перевоплощаться – нет, не буквально, но соблюдая какую-то, так и хочется ее назвать «аристократической», дистанцию – он всегда оставался самим собой – серьезным и мудрым человеком.

И вот в годы, когда я встречал на кафедре МиОК (созданной, кстати, другом и коллегой К. Д. Вишневского, профессором Инюшкиным) уважаемого профессора, я непременно вспоминал о его военном времени, и, таким образом, будто оно именно теперь материализовалось в новых образах, и он продолжает вести невидимый бой... Но, повторюсь, я больше знал Кирилла Дмитриевича как студент и вечно благодарен ему и всем другим преподавателям

ПГПУ им. В. Г. Белинского, которые своим добросовестным трудом заложили в наши сердца и души искры, озарившие наш умственный и нравственный горизонт...

В. А. Малязёв

ЗОЛОТЫЕ МГНОВЕНЬЯ ПАМЯТИ

На его первой лекции я почему-то не был. Мой однокурсник Вовка Масяркин поделился ярким впечатлением от К. Д. Вишневского.

– Профессор? – уточнил я, будучи уверен, что фамилия Вишневский может быть только профессорской, другие профессорскими могут и не быть, Вишневский – только профессорской.

– Ну, конечно, – Вовка также был уверен, что фамилия Вишневский может быть только профессорской. А дальше так уж случилось, что лекций и семинаров Кирилла Дмитриевича Вишневского я никогда не пропускал.

С тех первых лекций прошло уже более сорока лет. Сейчас мы уже старше того легендарного профессора Вишневского. И по разным причинам не все память в себе удержала. Это её очень серьёзный недостаток. А достоинство – в том, что удержало – это главное. Это, видимо, тоже закон.

Экзамен по своему предмету «Введение в литературоведение» Кирилл Дмитриевич проводил оригинально. Вываливал на стол пачку билетов и говорил:

– Раскладывайте, и первая пятёрка заходит и готовимся, – а сам уходил, вроде как что-то забыл на кафедре или просто покурить, а курак он был ещё тот.

Я тогдашние свои мысли помню до сих пор. Вот чудак-человек, неужели не догадывается, что мы, пользуясь его отсутствием, выберем «свой» билет. Да и предупреждали нас старшекурсники о его методе, он ей вроде бы никогда не изменял, но никто, меня во всяком случае, не предупредил, что профессор не всех выслушивает по билету, а в ком уверен, ему интереснее беседовать по другой теме, к которой ты, возможно, специально и не готовился. Ему была важна, я это скоро понял, твоя предметная эрудиция собеседника-студента. Ценнейшее качество профессора в беседе со студентом – поднимать его до своего уровня, он понимал, что это чрезвычайно важно для обоих. О профессоре это говорит, как о носителе исключительных педагогических способностей, а студенту – возможность на хоть и, может быть, скромном, но определённом

уровне вести с профессором диалог. А интеллектуальный уровень профессора Вишневого был несколько пугающ – для меня уж точно, хотя я с очень ранних детских лет человеком был читающим, а из армии принёс читательский формуляр с подписью заведующего библиотекой дивизии. Почти все книги, записанные в формуляре, были нашим с библиотекарем предметом обсуждения. Вначале её насторожило, что я быстро расправляюсь с книгами, и она решила проверить меня на добросовестность, а потом ей стало просто интересно. Она, давая мне на прощание формуляр с тремя вкладышами, написала красной ручкой: «Самому добросовестному читателю». А, надо сказать, в педагогический институт я пришёл не ради того, чтобы стать учителем, но научиться писать настоящие стихи. Я их начал писать в армии, по-настоящему, как мне казалось, и принёс в дембельском чемодане их целую тетрадь, а ещё одну так и забыл в БРДМе в ящике с НЗ. В институте я их впервые показал В. П. Видишевой и выслушал отрицательный отзыв. А К. Д. Вишневскому показать их не было даже в мечтах. Зачем же так рано быть «убитым». Однако у профессора был свой взгляд на ситуацию...

Кирилл Дмитриевич после получасового отсутствия вошёл в аудиторию и сразу сказал: «Ну, давай, Малязёв, ты первый сидишь». Я сел перед ним, развернул два убористо исписанных листа и только начал, довольно бойко, ну прямо как знаток, профессор меня сразу остановил:

– Ну, ладно, что-то мне это неинтересно слушать, давай лучше о том, что нам интересно обоим. Ты ведь стихи пишешь, я читаю вашу «Лиру» (выпускал наш поэтический кружок, которым руководил Г. Е. Горланов. – В. М.). Есть стихи неплохие, правильные с рифмой, размером, но слабовато с образностью, а это приходит не сразу, может и совсем не прийти. Вот давай об этом и поговорим.

Я обрадовался такому повороту нашей беседы. Я был уверен, что вооружён для такой беседы неплохо. И Кирилл Дмитриевич понял, что я с карандашом в руке прочитал его книгу «Мир глазами поэта». И беседа у нас получилась. Но профессор поставил мне «хорошо», наверное, моё неискреннее поведение в том, что я воспользовался его отсутствием и ворошил кучу в поисках «своего» билета, его обидело. Прав был, однако.

Книгу его я на самом деле проштудировал и самой первой в свой «литературоведческий» блокнот выписал цитату именно из его книги: «Работа над стихом – труд тяжелый и долгий!» – и дописал стихом его любимейшего поэта В. В. Маяковского:

«Поэзия – та же добыча радия.
В грамм добыча –
в год труды.
Изводишь
единого слова ради,
Тысячи тонн
словесной руды».

Книгу эту я впервые увидел у хорошо знакомой студентки двумя курсами старше Татьяны Коршуновой. И просто обомлел, когда прочёл дарственную надпись: «Татьяне Коршуновой от автора с наилучшими пожеланиями. 1.10.1979». Таня дала мне её почитать. Это была моя первая литературоведческая книга. Потом их будет много. И я был готов к их серьёзному пониманию именно потому, что на самом дне моего теоретического багажа лежала книга К. Д. Вишневского «Мир глазами поэта».

А потом, некоторое время спустя, я смог, не помню как, приобрести эту книгу. Но, как оказалось, и Татьяне Коршуновой я её книгу не вернул. Теперь они в моей библиотеке стоят рядом. И моя – с автографом: «Виктору Малязёву с радостью на память о юбилее автора. 27.04.1983». Тогда институт отмечал 60-летие своего знаменитого профессора. И 353-я аудитория историко-филологического факультета была забита до порога.

Кирилл Дмитриевич на всех выступающих, как мне помнится, смотрел с одинаковой обворожительной улыбкой. Улыбкой умного человека. Поверьте, в такой ситуации, юбилейной, когда не просто слова, но речи, выглядеть беспристрастно-умным непросто. Здесь необходимо быть естественным.

На факультете общественных профессий Кирилл Дмитриевич читал риторику. Я не был его слушателем, но судить о его риторских качествах мог, слушая его лекции и семинарские беседы. Он говорил, где с прищепётованием, где с несказанным окончанием. Но как варьировал его голос, как играли слова, как неожиданны были простые выражения, не характерные для классического лектора, а особенно ратора, но удерживающие собой канву текста предыдущего и последующего. Мне помнится, как на спецсеминаре по А. С. Пушкину профессор читал отрывок из «Графа Нулина»: «...И тотчас, на плечи накинув / Свой пёстрый шёлковый халат / И стул в потёмках опрокинув, (К. Д.: "Озорник Александр Сергеевич") / В надежде сладостных наград».

Не думаю, что эта фраза была у него заготовленная. Однако прозвучала так естественно, что ценность её была не меньшей, чем пушкинский текст. Очевидно, что это был не приём лектора, чтобы донести до слушателя информацию более качественно. Нет, в тексте надо жить, иначе студента не влюбить.

Однажды на спецсеминаре по Пушкину Кирилл Дмитриевич сказал о предстоящем зачёте:

– Так, ребята, зачёт мы будем проводить немного по-другому. Появились новые рекомендации. Я не буду вас гонять по билетам. Вы принесёте мне список литературы, которую вы прочитали, готовясь к зачёту. Я для проверки вашей добросовестности могу кого-то по этому списку спросить, если меня что-то насторожит.

К зачёту списки мы принесли. Нечего греха таить, были те, кто тупо перенёс пушкинистику из каталожных ящиков институтской или областной библиотеки. Это было принципиальной ошибкой, профессор пушкиниану знал о-го-го как. Но мне замечания не сделал, даже увидев в списке книги, изданные в конце XIX – начале XX в., потому что знал, что эти книги можно взять только в Генеральном фонде Областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова, а в него не любому был доступ. И какой был смысл ради обыкновенного списка литературы о Пушкине канителиться с Генеральным фондом, единственно за тем, чтобы прочитать.

Кирилл Дмитриевич разговаривать со студентами любил. Толпимся мы человека три-четыре у окна возле кафедры, а он, проходя мимо, скажет: «Чё, скучаете, заходите, потрепемся». И мы молнией залетали «потрепаться» или между парами, или, получалось, после лекций. Так после одной из таких бесед у меня появилась мечта, аж до зуда, побывать у Кирилла Дмитриевича дома. Он рассказал о своей личной библиотеке и о своём увлечении – создании моделей кораблей. А мечтательный зуд у меня возник потому, что я собирал библиотеку, и посмотреть библиотеку такого искушённого книжника, разве не достойно мечты. А морем и кораблями я «болел» с детства и эрудирован по этой теме был нешуточно, и разговор у нас получился на равных. Кирилл Дмитриевич пригласил «как-нибудь посетить, прогуляться вечерком». Не случилось. Не сбылась мечта.

Всем известно не только о пользе критики, но и о пользе поощрительного слова, особенно человека авторитетного, который, к тому же, в теме. Однажды слово Кирилла Дмитриевича, по большому счёту, определило мою судьбу как писателя. Газета «Пензенская правда» опубликовала мою статью о писателе К. С. Бадигине.

Я из редакции прямиком на кафедру к К. Д. Вишневскому, а он статью эту уже читал и молвил золотое слово:

– Не зря учишься, если и дальше так пойдёт, будет толк.

И ещё об одном. Даже думал, писать об этом или не писать.

О войне от Кирилла Дмитриевича я слышал только раз, когда мы пригласили его на курс в один из военных праздников, скорее всего, 23 февраля, в День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Профессор пришёл в орденах и медалях. Ордена в ряд: два Отечественной войны и Красной Звезды. Один из вопросов задал я:

– Кирилл Дмитриевич, а у Вас Красная Звезда за что?

– Спас знамя полка.

– Ничего себе, – мы были шокированы, даже вслух посочувствовали, что мала награда для такого подвига (мы, служившие в армии, знали о последствиях за утрату боевого знамени).

– Правда, по пьянке...

– Как?!

– Да очень просто. Немцы отступали скорым ходом, а наш танковый полк гнал им вслед. Наша командирская машина оторвалась, катим себе на все парах, командир нас спиртом угощает, уж не по одному разу к кружке приложились, весело. Ну, вот так и заехали в немецкое расположение. Они думали, что мы ещё далеко, а мы думали, что они далеко. Немцы сначала растерялись, а потом начали палить. Командир мне говорит: «Кирилл, бери знамя и беги, а мы, как Бог даст». Я запихал знамя за пазуху, вылез из танка и в лес. Немцы по мне пальнули очередями, не попали. Я в лес углубляться не стал, а побежал назад, к нашим, а они гуляют. Как рванули на выручку командиру. Успели. Раскатали немцев – жуть. А мне за знамя – орден. Вот и всё.

Тогда я понял: война – штука героическая, но не такая пафосная, как я думал до этого. А тут профессор, фронтовик, орденосец говорит. Не стало причин думать по-иному.

Заканчивая свои короткие воспоминания об удивительном человеке и учёном, поймал себя на эгоистической мысли: хорошая штука память, сколько доставил себе приятных минут.

А. В. Куликанов

КАК НАПИСАЛ, ТАК И БЫЛО...

1981 г. Пензенский государственный педагогический институт имени В. Г. Белинского. Мы – студенты группы Л-13 историко-филологического факультета. Гордые и счастливые, изучаем

расписание учебных занятий, но звонок зовет нас на лекцию профессора Вишневого. Честно, записывать лекции Кирилла Дмитриевича – занятие, мягко говоря, пустое: читает стихи Маяковского, отбивает ритм рукой (позже помогает ногами), интонация стремительно мечется над нашими головами, рушится и превращается в тишину... В это же время Вишневский «стреляет» в аудиторию парой вопросов и сам на них отвечает... И все понятно, красиво и величественно. Однокурсники пишут лекцию, а я слушаю. Слушаю и удивляюсь тому, что передо мной фронтовик, профессор, ученый – человек, взявший меня, вчерашнего школьника, в плен своим интеллектом, манерами, обаянием. Человек неординарный, не похожий на других. Личность! (У нас это семейное отношение к личности К. Д. Вишневого: и я, и моя мама учились у мэтра.)

... Лекция по творчеству Пушкина. Пушкин – не Маяковский, поэтому и Вишневский другой: классический, аристократичный.

«...Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток...»

Кирилл Дмитриевич цитирует Александра Сергеевича и обращается к аудитории: «Почему "вина кометы"? Что за комета?» Поднимаю руку, отвечаю, что, мол, речь о шампанском необычайно богатого урожая, который связывали с появлением на небе яркой кометы (накануне я читал комментарии к «Евгению Онегину»!). Ответил и испугался: выскочка! Кирилл Дмитриевич держит паузу и с добрым ехидством констатирует: «Знаток!» Я краснею от удовольствия и с благоговением принимаю завистливые взгляды однокурсников...

...Последний курс, четвертый. Через несколько месяцев начнутся выпускные экзамены – «госы». У профессора Вишневого заканчивается практическое занятие в нашей группе. Он оставляет меня после занятий на несколько минут: «Я что хочу сказать... Отец родной, ты пишешь у меня диплом по творчеству Владимира Владимировича Маяковского». (Здравствуйте! Приехали!! Обрадовал!!!) Сидеть, обложившись десятками книг, искать, писать, выдумывать... Нет, мы так не договаривались. «Кирилл Дмитриевич, я у Вас не пишу диплом», – нарываюсь я на гнев профессора. Он глубокомысленно молчит, «надувается» от чувства собственного достоинства и снисходительно (откуда-то с Олимпа или пониже) выносит приговор, что на каком-то (увы, не помню) совете утвердил мою кандидатуру. «А тема...Тему скажете?» – грустно, тихо и оптимистично, поняв, что «торг здесь не уместен»,

я задаю вопрос. Голосом Левитана Вишневский произносит: «Идейно-художественное своеобразие поэмы Владимира Маяковского "Летающий пролетарий"». (Свят, свят, свят! Я первый раз услышал об этой поэме!) Это был первый сюрприз.

«Саш, не переживай», – по-отечески говорит Кирилл Дмитриевич. (К слову, Вишневский редко называл студентов по имени, использовал свои, «вишневские», подходы в общении: отец родной, брат, Александр. Кто учился, тот помнит!) «Ладно, – думаю, – напишу. А что не напишу, спишу откуда-нибудь». «Кстати, эту поэму никто никогда не анализировал, поэтому придется все делать самому», – это был второй сюрприз...

Во время написания дипломной работы Кирилл Дмитриевич внимательно читал мои рукописи, зачеркивал, убирая ненужное, корректировал.

Диплом я написал и защитил на государственных экзаменах. Поставили оценку пять. Текст диплома я храню до сих пор: во-первых, вспомнить приятно, что меня выбрал профессор Вишневский – «показался» чем-то я ему, во-вторых, я все-таки стал первым, кто с легкой руки Кирилла Дмитриевича «замахнулся» на анализ этой поэмы. А главное, эти пожелтевшие от времени листы дипломной работы «помнят» тепло рук и ясность мысли Кирилла Дмитриевича Вишневского – моего учителя и педагога. Великого Вишневского!

Д. Н. Инюшкин

«ТЫ СМОТРИ!...»

«Ты смотри никому не рассказывай!» – эту фразу из старого полузабытого романа Кирилл Дмитриевич Вишневский любил шутливо произносить, когда его что-то удивляло. Чаще всего фраза звучала за картами: однажды увлекшись во время летнего отдыха скатом, игрой не самой сложной, но занимательной, он частенько цитировал эту строчку, когда кто-то из партнёров внезапно выкладывал какую-то эффектную комбинацию. Собственно, главным тут было «Ты смотри!...». Остальное следовало довеском, но звучало всегда хорошо.

Если читающим этим строки показалось, что воспоминания о профессоре, докторе наук, учёном и преподавателе начинаются с чего-то несерьёзного, то да, вы не ошиблись. Многим из нас довелось знать его и таким тоже – улыбчивым, смешливым, легко шутящим, вворачивающим забавные фразочки из книг, песен

и фильмов. В нём это могло показаться легкомысленностью, но нет – это была просто лёгкость. И об этом хочется рассказывать.

Так получилось, что благодаря родителям я знал Кирилла Дмитриевича с самого детства, видел его гостем в нашей квартире, сам часто бывал у него в доме, рассматривая кляссы с марками, перебирая книги на полках, сидя на ступеньках крыльца, выходящего в сад. При всей этой неформальности никогда не называл его, к примеру, «дядя Кира» – только по имени-отчеству. А спустя годы пришло время учиться на истфиле, и уже на первом курсе предмет «Введение в литературоведение» вёл профессор Вишневский.

Экзамен в летнюю сессию запомнился навсегда. Наша первая «пятёрка» ждала Кирилла Дмитриевича в одной из маленьких аудиторий на третьем этаже. Профессор появился несколько хмурый, с папиросой в зубах – по-моему, даже дымящейся, ибо в начале 80-х гг. прошлого столетия с курением даже в вузах боролись не столь активно, как сейчас. Кинув на стол стопку экзаменационных билетов, сквозь папиросу произнёс «Выбирайте!» – и ушёл.

Это ли не счастье для студента? Более того, во время экзамена Вишневский периодически уходил куда-то, оставляя богатейшие возможности для подсказывания и списывания. По сравнению с некоторыми преподавателями, которые пристально отслеживали малейший намёк на запрещённые источники и даже разворачивали столы другой стороной, лишая возможности положить что-либо нелегальное внутрь, контраст был разительный. Легкомыслие? Да как сказать! При всей этой поразительной вольнице в тот летний день не обошлось без «неудов». Вот уж «ты смотри никому не рассказывай».

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. В Вишневском всегда естественно сочеталось превосходное знание предмета и замечательное к нему неравнодушие. Нет, не маниакальное стремление поймать на малейшей неточности, а именно то самое неравнодушие, которое не оставляет места для формализма. На упомянутом экзамене он шутливо говорил своё любимое «ну, братцы-кролики?», улыбался, мастерил пепельницы из бумаги, смеялся, когда среди практических заданий по определению стихотворных размеров вдруг попало «Уронили мишку на пол» – при этом был предельно сосредоточен на вопросах и ответах. Поэтому-то и два «неуда».

А на третьем (кажется) курсе была ситуация из разряда «есть две новости». Хорошая: Вишневский будет читать спецкурс «Пушкин». Плохая: это счастье достанется только первой и второй группе,

а я учусь в четвёртой, и мы вместе с третьей будем ходить к другому преподавателю. Пришлось идти в деканат к добрейшему Ивану Фёдоровичу Шувалову, который разрешил ходить на лекции к Кириллу Дмитриевичу с другими группами.

Готов ли я сказать, что и сегодня, спустя четыре десятилетия, помню всё, о чём шла речь? Это было бы бессовестной ложью. Зато сохранилось главное: ощущение. Про равнодушие уже было сказано, про лёгкость тоже, но теперь напрашивается ещё одно слово – восхищение.

Именно с восхищением Вишневский вёл свой спецкурс. Ведь Пушкин оставался его любовью на протяжении всей жизни. А разве можно любить Пушкина и быть при этом человеком скучным, говорить о нём скучно, читать его скучно? К сожалению, бывает и так, но это и не любовь. И это точно не про Кирилла Дмитриевича.

В этих лекциях покоряла лёгкость речи – ни пафоса, ни наигранности, ни чрезмерной театральности. По сути, это был спокойный и аппетитный рассказ – о том, что самому близко, интересно, важно. Кирилл Дмитриевич не требовал, чтобы за ним записывали каждое слово – просил только, чтобы в аудитории было тихо. Записывал ли кто-то? Не знаю. Наверное. Но сейчас снова подумалось, что смысл этих лекций был не в сведениях как таковых. И потому строчить в тетради, не поднимая головы, не глядя на улыбку, жесты и сияющие глаза Вишневского, было бессмысленно.

Дирижёр сам не создаёт музыку, но придаёт ей нужное звучание. Вишневский делал то же самое с пушкинской темой. Такая возможность бесценна: ведь иной раз важна не информация сама по себе (особенно сейчас, когда найти её можно в считанные минуты), а её подача. Как в случае с музыкой, остается только слушать – и суметь услышать. Чтобы потом, если уж доведётся работать учителями – институт-то педагогический, суметь донести до своих учеников искорку вот этого восхищения, а не сухой свод знаний. Что уж греха таить: в школе чаще преподают историю литературы, а не литературу. Но те, кто учились у Кирилла Дмитриевича, получили шанс взглянуть на этот предмет иначе.

Чтобы не завершать этот небольшой текст на пафосной ноте, вспомню последнее своё студенческое взаимодействие с Кириллом Дмитриевичем (разумеется, мы тесно общались много лет и после института, но это другая история). На выпускном курсе посчастливилось делать дипломную работу под его руководством. Темой были вставные новеллы в романах «12 стульев» и «Золотой телёнок».

Ильф и Петров – ещё одна страсть Вишневского. И опять же: как можно любить книги этих двух замечательных остроумцев и быть человеком скучным, лишённым юмора? А у Кирилла Дмитриевича чувство юмора было изумительное. Собственное, пожалуй, довольно сдержанное, скорее, построенное на иронии. Но как же безудержно он хохотал над анекдотами – буквально до слёз, вытирая глаза, со всхлипами повторяя особенно понравившуюся деталь.

Очень люблю вспоминать его именно таким.

В. В. Шмелькова

О ПРОФЕССОРЕ МУДРОМ И ДОБРОМ

«Вы будете самыми несчастными учителями!» – как-то сказал нам Кирилл Дмитриевич Вишневский. Он имел в виду несчастную судьбу учителя русского языка и литературы, к которому пришёл с проверкой на урок инспектор. «На уроке физики или химии он ничего не поймёт и всё. А у вас каждый будет большим специалистом!»

...В 1982 г. я поступила на историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского, где тогда учились студенты по двум специальностям – историки и мы, «литераторы». На нашем, первом, курсе было 100 студентов, 98 их которых – девушки. Два мальчика учились в одной из групп, потом остался один из них, в нашей же группе мальчиков и вовсе не было.

В первые дни учёбы, конечно, всё было для нас необычно, не так, как в школе, интересно и увлекательно. Мы быстро подружись, и те замечательные студенческие годы стали началом дружбы на много лет, со многими своими однокурсниками я дружу до сих пор.

Начались лекции, семинары. Мы немного волновались. Кто будет нас учить? Кому мы будем сдавать экзамены? Как это будет? До первой сессии было ещё несколько месяцев, но самые разные вопросы, касающиеся нашей будущей студенческой жизни, казались нам – первокурсницам – очень важными.

Все рассказывали друг другу разные истории, услышанные от старших студентов. Сестра моей подруги училась на последнем курсе нашего факультета и тоже была источником многих самых необходимых сведений. О каждом преподавателе рассказывали, насколько он строг на семинарах, трудно или легко сдать ему зачёт, экзамен. Всё это волновало и имело большое значение.

Деканом истфила тогда был обожаемый всеми студентами, как пелось в факультетском гимне, «милый дяденька Шувалов» –

Иван Фёдорович Шувалов. К нам приходили преподаватели, доценты, профессора, которых мы вспоминаем с большой благодарностью, появились предметы, которых никогда не было в школе: педагогика, фольклор, введение в языкознание, что-то ещё.

Профессор Кирилл Дмитриевич Вишневский появился в нашей аудитории почти сразу, на первом курсе. Студенты старших курсов передали нам восторженные характеристики о нём, о его занятиях, хотя и сообщили, что на экзаменах он часто бывает суров и строг, особенно, когда студент не может правильно определить стихотворный размер. Помню, что в билете на экзамене было пять–шесть стихотворных отрывков, в которых надо было выявить дактиль или амфибрахий и определить, сколько в нём стоп. Преподавал он нам первую для нас литературоведческую дисциплину – введение в литературоведение. Сейчас мне кажется, что это должно было бы быть скучно, но в нашей аудитории было очень интересно. Нам рассказывали, что годами раньше Кирилл Дмитриевич играл в университетских спектаклях. Думаю, что это тоже было замечательно.

Кирилл Дмитриевич был остроумен и необыкновенно обаятелен. Невнимательно слушать его на лекции, думать о чём-то другом в это время было невозможно. Рассказывая серьёзные, повторюсь, вроде бы сухие вещи, он шутил, при этом был необыкновенно точен в сравнениях и определениях. Я помню, что мало писала, как и другие, потому что очень хотелось слушать, не отвлекаясь, думать и размышлять вместе с ним. В тетради были короткие записи и много пометок, иногда примеры, но многое из услышанного тогда помнится и сейчас.

На втором или третьем курсе нашей группе очень повезло, потому что мы оказались на спецкурсе по литературе, который читал Кирилл Дмитриевич. Это был спецкурс о жизни и творчестве А. С. Пушкина и это был настоящий праздник! Уверена, что поэзия Пушкина была нашему профессору по-человечески очень близка: светлая пушкинская радость, свобода, солнце, – всё это было тогда в нашей студенческой аудитории. Он читал (прекрасно!) стихи, рассказывал об исторических и литературных фактах и событиях и комментировал их по-своему, очень нестандартно. Его трактовки и интерпретации были полными смысла и яркими, интересными, часто очень неожиданными.

Ещё помню, что тогда он советовал нам поехать к Пушкину в Михайловское, побывать в его доме, посетить Тригорское и могилу поэта в Святогорском монастыре. Побывали через некоторое время!

Конечно, мною, как и любым другим филологом-русистом, было немало прочитано о Пушкине, его жизни, но тот курс навсегда остался для меня ярким событием и вспоминается как праздник.

Большое счастье, когда к студентам приходит профессор, много знающий и размышляющий, нестандартно мыслящий и бесконечно любящий то, чем занимается!

В самом последнем семестре профессор К. Д. Вишневский читал нам лекции по теории литературы. Экзамен по этому предмету был одним из последних студенческих экзаменов. Других же испытаний, которые ожидали нас впереди, было очень много, профессиональных – тоже.

Кстати, слова Кирилла Дмитриевича о несчастной доле учителей-словесников, конечно, оказались по-настоящему пророческими. Каждый проверяющий (и не только проверяющий!) – в нашем деле большой специалист.

О. В. Чубарь

УЧИТЕЛЬ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

С детства я хотела или быть медиком, как бабушка, или учителем. Но медицинского института в Пензе тогда не было, поэтому выбор пал на педагогический. Мне хотелось стать учителем либо начальных классов, либо русского языка и литературы, так как я очень любила читать. И в итоге после школы в 1988 г. я поступила на факультет русского языка и литературы.

У нас был действительно «звездный» профессорско-преподавательский состав. Геннадий Елизарович Горланов (тогдашний декан), Василий Данилович Бондалетов, Иван Федорович Шувалов, Иван Павлович Щеблыкин, Николай Михайлович Инюшкин – общение с ними запомнилось на всю жизнь. Одним из самых ярких среди наших педагогов был Кирилл Дмитриевич Вишневский.

В годы моей учёбы К. Д. Вишневский вёл не только привычные для него литературоведческие курсы, но и такой новый для всех предмет, как «ораторское искусство».

Лекции Вишневский читал, не подсматривая в какие-то свои записи, что называется, не «по бумажке». Он как бы разговаривал с нами. Внимание аудитории он всегда держал – какими-то своими рассказами, необычными фразами. Например, мог сказать студенту: «Ты, батюшка, мещанин. И логика у тебя обывательская». В память врезалось его выражение «я любопытный, как коза». До сих пор не могу понять, почему именно «как коза», но он часто так говорил.

Кирилл Дмитриевич действительно был любопытным, въедливым: всегда старался во всё вникнуть, докопаться до истины. И, если кто-то из студентов не усваивал материал, он всегда пытался понять: почему человеку не дается предмет, – и старался помочь ему разобраться в теме.

О себе при этом он рассказывал мало, не выпячивал себя. К примеру, никогда не упоминал о том, что он фронтовик, что награжден орденами и медалями. Об этой странице его жизни я узнала уже гораздо позже.

Запомнились его слова: «Нужно жить здесь и сейчас. В конце концов, мы все равно останемся только на фотографии. Живите так, как вам нравится, старайтесь делать лучше, только и всего. Вот и вся философия».

Кирилл Дмитриевич очень трепетно относился к русскому языку, а еще очень любил свой родной город. В то время все спорили, как правильно говорить: пензяки или пензенцы? Вишневский к этому относился очень трепетно, он давал такой расклад: «Тот, кто родился в Пензе, – пензяк или пензячка. Мы же не говорим "пензенка", значит, правильно – пензяки, а не пензенцы».

Он не требовал, чтобы мы его лекции или учебники к экзамену зубрили наизусть. Нет, Кирилл Дмитриевич всегда ответ на экзамене или зачёте выстраивал как диалог со студентом, чтобы разобраться, понимает студент суть вопроса или просто заучил, – наводящими вопросами выстраивал диалог и смотрел, как мы умеем рассуждать. Сдавать ему было не страшно: он располагал к себе. Но если он понимал, что студент тему не знает, то очень иронично ставил его на место: называл, конечно, не бестолочью, а как-то более литературно и всегда давал потом возможность получше подготовиться и пересдать.

Пересдавать экзамены кому-то из студентов действительно приходилось. Но если у Василия Даниловича Бондалетова, к примеру, экзамен с первого раза вообще было сдать практически невозможно (несмотря на то, что как человек он был очень мягкий, душевный, на первый взгляд), то Вишневскому большинство сдавали с первого раза.

Кирилл Дмитриевич Вишневский – это был человек-радость, лучезарный, очень позитивный, доброжелательный, открытый, искренний. Человек безудержной энергии. Улыбка с его лица не сходила, я не могу себе представить его нахмурившимся. Даже если кто-то из студентов прогулял лекции или не подготовился к экзамену, он ругался как-то корректно и не обидно. И в моей памяти он остался как Учитель с большой буквы.

Е. В. Викторова

ПРОСТО О СЕБЕ И ВОСХИЩЁННО О ЖИЗНИ

Студентке второго курса педагогического университета, готовящейся к учительской работе в школе, в тот момент и в голову не могло прийти, что с вошедшим в аудиторию профессором она будет работать на одной кафедре, что будет причастна к изданию его художественно-публицистических трудов, что получит одну из книг с дорогой сердцу надписью и – что особенно важно! – услышит из его уст вдохновляющее благословение на научную деятельность.

Но это всё еще впереди... А пока студентка второго курса (это я о себе, конечно) в том уже довольно далёком 1998 г. вместе со своими однокурсницами пребывает в полном восторге от стиля педагогического общения профессора Кирилла Дмитриевича Вишневого.

Профессора бывают разные... На нашем факультете русского языка и литературы в основном серьёзные, не вызывающие сомнения в академизме всего происходящего в стенах университета, но вызывающие, как правило, священный трепет. А вошедший в аудиторию новый преподаватель, несмотря на свои высокие регалии, почтенный возраст и весьма значимое для будущих филологов название своей учебной дисциплины – «Риторика. Ораторское искусство», с первых секунд вызвал у нас именно восторг. Заявив буквально с порога, что очень плохо слышит (а если дословно цитировать, что «глухой»), он нас, конечно, в тупик не поставил, но удивил прямоотой и простотой, прежде всего, в отношении к самому себе.

Вот всё у него было так – просто, без прикрас, без художественных, так сказать, преувеличений, без пафоса, зато с неисчерпаемым оптимизмом, интересом и уважением к Жизни! И в этом он для меня остался примером навсегда.

Но это всё потом, потом... А пока девичья литфаковская группа хохочет под весёлый говор преподавателя риторики. Мы, надо сказать, вообще не знали, что на лекциях можно так хохотать, поэтому отчаянно наслаждались шутками-прибаутками, мимикой, жестикуляцией, нестандартной подачей учебного материала. А она действительно была необычной. Необычной и простой одновременно. Запомнилось первое устное задание по риторике: встать и представиться, причём сделать это нужно было так, чтобы имя, отчество и фамилия сразу стали понятны собеседнику и ему не пришлось бы переспрашивать. Ха! Подумаешь! Тоже называется задание... Да это мы в два счёта! Так думали мы... Но не тут-то было. Нового профессора что-нибудь да не устраивало в наших

речах. Произносим имя спокойно – он утверждает, что тихо. Начиная произносить громко – он просит не повышать на него голос. Ни одна из попыток представиться не была им принята с первого раза. Наше терпение начинало подходить к концу. Доброжелательный смех стремился смениться недовольством. У всех в голове вертелась только одна мысль: профессор же плохо слышит! Ситуация нагнеталась и стремительно двигалась к своей развязке. С минуты на минуту в группе могла найтись та, чьё терпение «лопнет» и она прямо и так, чтобы профессор наконец уже услышал, выпалит, что причина происходящего не в нас, а, извините, в нём. Но опять не тут-то было! На то и педагогическое мастерство Кирилла Дмитриевича, талантливого и чуткого. Кульминацию он взял на себя – мгновенно разрядил обстановку, заявив:

– Ааа! Так вы думаете, я совсем глухой?! Уверяю вас, это не так. По своему предмету я слышу всё! Повысить голос – дело плёвое! Ясность же произнесения речи зависит не от громкости, а от чёткости и выразительности. Будьте добры соответствовать!

Группа притихла и прониклась уважением. Никто уже не повышал голос, стараясь докричаться до профессора. Вставали, произносили свои имена, филигранно выговаривая. И надо же! Профессор услышал! Услышал и остался недоволен:

– В жизни, господа, вы не проговариваете каждый звук в своей фамилии. Будьте добры говорить целостно и просто, а не по слогам!

Группа снова затихла, оказавшись на этот раз в абсолютном тупике. Как же это?! И не громко, и не тихо, и не «проглатывая» звуки, но и не чеканя, как на плацу... Это же невозможно!

– Ага! – резюмировал Кирилл Дмитриевич. – Даже своё имя произнести – это искусство, ораторское искусство! Нам с вами есть чему учиться! Впереди семестр – научимся!

Из аудитории мы выходили, улыбаясь. Занятие пролетело на одном дыхании. «Вот все бы так», – думали мы. Следующего занятия ждали, как ждут чего-то весёлого и поучительного одновременно.

... Много ещё занимательных историй будет связано в моей жизни с Кириллом Дмитриевичем. Все не описать... Но они в памяти, они в сердце! Вот одна из них, мудрость которой также в простоте отношения к себе и в восхищении перед жизнью.

Как-то на большой перемене ко мне, теперь уже лаборанту и ассистенту кафедры мировой и отечественной культуры, Кирилл Дмитриевич, несколько смущаясь, обратился с просьбой:

– Елена Викторовна, Леночка, не будете ли Вы добры дать мне несколько уроков работы на компьютере?

Сказать, что на моём лице в тот момент запечатлелось изумление – это ничего не сказать. Доктор наук, профессор просит меня дать ему урок?! Ну, и забавно, конечно, зачем на девятом десятке жизни компьютером овладевать?

Видимо, «прочитав» эти эмоции на моём лице, Кирилл Дмитриевич решил пояснить:

– Понимаешь, Лен, всю свою жизнь я привык во всём разбираться. Интересно мне, понимаешь... Я глубоко убеждён: чтобы понять что-то, надо это в буквальном смысле разобрать, а потом собрать. Прежде всего, это касается техники. Первой вещью, которую я разобрал и собрал, а уж только потом стал ею спокойно и уверенно пользоваться, была керосиновая лампа. А дальше, как говорится, на волне прогресса я разбирал всё, что появлялось в обиходе: патефон, электрический утюг, телевизор... А первая вещь, которую я разобрал, но не смог собрать, – мобильный телефон. Именно поэтому я им не пользуюсь – я же в нём не разобрался, значит, я не понимаю, как он работает! А теперь вот компьютер... Я его даже разбирать не возьмусь – осознаю, что не соберу (при этих словах на всю кафедру раздаётся смех Кирилла Дмитриевича). Но научиться пользоваться им очень хочется, Лен! Очень рассчитываю на Вашу помощь!.. (Пауза.) Я тут клавиатурку набросал...

При этих словах Кирилл Дмитриевич достал из портфеля небольшой чертёж. На нём с изумительной аккуратностью, шариковой ручкой и карандашами нескольких цветов, с точностью до нюансов, изображена компьютерная клавиатура. И это при том, что большая часть обозначений Кириллу Дмитриевичу не могла быть известна и понятна. Очевидно, что он посвятил этому время, что пытался действительно разобраться, что очень старался, что работа заняла не один день!

Я замерла в восхищении... В очередной раз. В восхищении перед этой пытливостью ума, перед неисчерпаемым энтузиазмом, перед бесконечным увлечением Жизнью! И перед простотой восприятия себя в ней!

И теперь, вспоминая Кирилла Дмитриевича, я, уже доцент, по-прежнему стараюсь хранить и оберегать в своём сердце эти чувства, пережитые впервые еще на занятии по риторике. К себе – просто, к жизни – с внимательностью и восхищением!

Л. Н. Мешкова

УЧИЛ ЦЕНИТЬ ЖИЗНЬ

Воспоминания – вещь сложная, непредсказуемая. Какие-то из них живут постоянно с нами. Что-то вспоминается внезапно,

всплывает откуда-то из глубины. Когда речь идет о воспоминаниях о человеке, еще более сложно. Как передать словами всё многообразие ситуаций, эмоциональных впечатлений, переживаний, связанных с общением с конкретным человеком? Кирилл Дмитриевич Вишневский был яркой личностью, интересным собеседником и блистательным рассказчиком, требовательным преподавателем, строгим и одновременно необычайно доброжелательным с коллегами. Его отличали любовь к жизни, умение радоваться и заражать этой радостью окружающих.

Мое знакомство с К. Д. Вишневским началось в 1994 г., когда я пришла работать ассистентом на кафедру мировой и отечественной культуры. И, хотя я не была студенткой у К. Д. Вишневского, тем не менее, могу с уверенностью утверждать, что общение с ним очень многому могло научить, могло преподать уроки как в профессиональной сфере, так и в целом жизненные.

Кирилл Дмитриевич был человеком увлеченным и увлекающимся.

Одним из проявлений его увлеченности было коллекционирование. Кирилл Дмитриевич был заядлым филателистом. Узнав об этом, я стала одним из его постоянных «поставщиков». Это было время, когда возможности интернета были еще очень ограничены, а писем я получала много, особенно из Греции. Когда я приносила на кафедру конвертик с марками, раздавался радостный возглас Кирилла Дмитриевича. Но при этом он никогда сразу не смотрел, а что там внутри, какие марки лежат. Конвертик тут же прятался в карман пиджака или в портфель. И это не из-за отсутствия интереса. Наоборот, Кирилл Дмитриевич не хотел портить суетой впечатления от марок, рассматривать их «на бегу». Как он сам говорил, «это дома». Именно дома, в тишине, когда никто и ничего не отвлекает, раскрывался заветный конвертик и марки извлекались. Только тогда радость от получения нового экспоната в коллекцию была полной. Это особое умение – ненадолго отложить, отсрочить событие, чтобы получить от него более сильное удовольствие.

При этом марки должны были быть вырезаны вместе с кусочком конверта, а ни в коем случае не отклеены. Кирилл Дмитриевич об этом предупреждал не только из-за страха филателиста получить испорченную марку. Ему доставлял удовольствие сам поэтапный процесс отклеивания и просушивания марок. После этого марка отправлялась в коллекцию. К сожалению, иногда марки повреждались в пути или же почтовые работники проклеивали скотч поверх марок. И если первое было вполне объяснимым и вызывало

лишь грусть, разочарование от потерянного экспоната, то второе оценивалось Кириллом Дмитриевичем как кощунство со стороны сотрудников почты, так как отклеить марку от скотча уже было технически невозможно.

Когда я первый раз пришла к Кириллу Дмитриевичу в гости, то, конечно же, коллекция марок с гордостью была продемонстрирована. Естественно, всё посмотреть было бы сложно, но вот клясеры с греческими марками, разложенными в соответствии с тематикой, были показаны и рассмотрены с комментариями.

Не могу не отметить, что папки для клясеров были изготовлены самим Кириллом Дмитриевичем. Он любил работать с бумагой, картоном. Он делал не только папки для разных тематических информационных подборок, но и готовил наглядные пособия для читаемых курсов. Это тоже одна из запомнившихся черт Кирилла Дмитриевича – делать своими руками. И, кстати, не только из картона.

Круг интересов у него был очень широк. Это проявлялось и в коллекционировании. Не только марки были объектом увлечения. В одно из последних наших посещений он с довольной улыбкой показал свою коллекцию моделей танков.

Увлеченность и любознательность, а также стремление к порядку и систематизации воплотились и в любви к энциклопедиям и словарям, и в собирании разного любопытного материала, интересной информации.

Этой собранной информацией К. Д. Вишневский с удовольствием делился. После одной из моих открытых лекций по эстетике, связанной с категорией прекрасного, Кирилл Дмитриевич принес мне папочку с работами по «золотому сечению», где были и иллюстрации, и подборка статей из разных журналов. В моей лекции как раз затрагивался вопрос о «золотом сечении», и он отдал мне накопленный им материал, потому что это может быть мне интересно. Не просто для «пользы дела», не для расширения знаний, а именно – интересно.

И самому Кириллу Дмитриевичу, обладающему энциклопедическими знаниями, многое было интересно. Он радовался узнаванию нового, не потерял способности удивляться. Одновременно он стремился нас, молодых специалистов, деликатно подтолкнуть к постоянной интеллектуальной работе, своим примером показывал, что нужно двигаться дальше, ставить перед собой новые исследовательские задачи.

Увлеченность Кирилла Дмитриевича проявлялась и в том, каким он был рассказчиком – блестящим, артистичным. Что бы он

ни рассказывал: об истории Пензы, о событиях, очевидцем которых он был, или даже о том, как приготовить морковь по-корейски, – всё это становилось живым и настоящим. Сложно передать словами, каким он был чтецом, как «в лицах» представлялись басни, с каким выражением читался В. Маяковский.

Я думаю, что многим из нас можно было бы научиться у К. Д. Вишневского не терять интереса к происходящему и способности удивляться, радоваться даже маленьким, незначительным событиям, не бояться нового, а самое главное – научиться ценить жизнь, наполнять ее смыслом и действием.

И. С. Шишкин

КОЛЛЕКЦИОНЕР-НАСТАВНИК

Кирилла Дмитриевича знают тысячи пензяков, да и далеко за пределами Пензы он известен как учёный, преподаватель, филолог. Известен многим именно в такой ипостаси, но я хочу рассказать совсем о другом человеке, которого помню я.

Как учёного и общественного деятеля я его, конечно же, знал, но наше общение вовсе не было связано с его профессиональной деятельностью. По крайней мере, большую часть моей жизни.

Дело в том, что мои родители учились с ним в одно время в педагогическом институте. Правда, отец мой был историком, а вот мама училась на литфаке и, более того, в одной группе с Кириллом Дмитриевичем. Вместе с ними учился и будущий пензенский поэт Лев Зефирин, и будущие наши известные газетчики Юрий Сёмушкин и Евгений Норкин, да и ещё ряд известных в Пензе фамилий, с которыми мне посчастливилось быть знакомым с самого детства (тот же Вячеслав Степанович Годин, друг моего отца, многолетний директор Пензенского госархива).

Когда уже мама работала в новой школе № 25, что построили практически на болоте на Южной Поляне, а Кирилл Дмитриевич – в пединституте, мы жили на улице Свердлова, что по тогдашним меркам было совсем близко от дома, где жил Вишневский. И в моих детских воспоминаниях второй половины 1950-х гг. очень памятны наши общие встречи в парке Белинского, до которого тоже было подать рукой. Очень хорошо помню (оттого ещё, что много позднее расспрашивал свою матушку об этом) один летний день в парке. Как о чём-то горячо спорили, сидя на постеленных на траву серых летних плащах, взрослые, а мы – несколько детей –

гонялись вокруг по кустам. Наверное, это был 1958 г. Шло обсуждение нового спектакля Пензенского драмтеатра «Дмитрий Калинин» по юношеской пьесе Виссариона Белинского, и Кирилл Дмитриевич что-то очень оживлённо и горячо всем доказывал. Это был один из первых спектаклей, который я увидел в нашем театре, но плохо его помню, хотя это было событием в тогдашней пензенской театральной жизни. Зато статью Кирилла Дмитриевича об этом спектакле в «Пензенской правде» (целую страницу!) я прочитал ещё тогда, и помнится, что она мне, мальчишке, была абсолютно понятна. Просто, видимо, моё восприятие и чувства, которые я испытывал в театре, были мне объяснены в этой статье, которую я, вслед за моей матушкой, храню до сих пор. И многие годы после того театральные статьи-рецензии Вишневого на тот или иной спектакль были для меня самой верной оценкой увиденного на сцене. Моё мнение никогда не расходилось с написанным им, видимо, потому, что какой-либо театральный вкус, имеющийся у меня, был во многом сформирован и под влиянием Кирилла Дмитриевича.

Итак, познакоившись ещё в раннем детстве и какое-то время общаясь с «дядей Кирой», я считал его одним из многочисленных друзей моих родителей. Потом такое общение прекратилось, утратились контакты, территориальные и профессиональные. Мои родители были далеки от институтской жизни, которой жил Кирилл Дмитриевич, они были руководителями школ в Заводском районе. К тому же в конце 1950-х гг. мы переехали из района старой деревянной Пензы на улицу Луначарского, поближе к их работе. И я встречался с ним только на театральных премьерах, куда меня родители брали с собой всегда обязательно.

И вот, это было уже в 1966 г., я «познакомился» с Кириллом Дмитриевичем как бы вновь. Уже не как со знакомым моих родителей, а, можно сказать, мы стали знакомыми на равных. Я с детства занимался всяким коллекционированием и в конце 1965 г. в ДК имени Кирова, который был «родным» вследствие близкого к моему дому расположения, увидел выставку пензенских коллекционеров, приуроченную к 20-летию Великой Победы. На выставке были представлены десятка полтора коллекций пензенских коллекционеров – марки и конверты, значки и монеты, боны и экслибрисы. Выставка эта функционировала очень долго, и я несколько раз ходил посмотреть на неё. Я на ней впервые увидел, что то, что у меня хранится как-то вперемешку и вповалку, возможно

подать вот так красиво и познавательно. И я пошёл по объявлению на мероприятие закрытия этой выставки, на котором присутствовали все её участники – авторы представленных коллекций.

Оказалось, что здесь на закрытии выставки одновременно проходило и заседание Пензенского клуба коллекционеров с награждением призёров, где я познакомился с некоторыми взрослыми собирателями, известными в Пензе людьми – с Александром Алексеевичем Корабельниковым (художником), Яковом Гавриловичем Слицианом (тогда ещё работником ГПТУ), историком Виталием Ивановичем Лебедевым, Александром Васильевичем Тюстиным из краеведческого музея и многими др. И увидел Вишневого, чью коллекцию на выставочных стендах я уже изучил. Мне было уже почти 15 лет, и он меня не узнал, хотя как-то пристально меня разглядывал. Тогда в клуб коллекционеров детей не принимали и не допускали. А спустя два-три месяца там же, в ДК имени Кирова, состоялось организационное собрание клуба, который стал Пензенским областным отделением Всесоюзного общества филателистов СССР (ВОФ), которое только что было создано в Москве. На собрании (а присутствовало не менее 100 человек) выступали делегаты Первого съезда ВОФ от Пензы – Андрей Владимирович Тарасов (главный механик автодороги Москва–Куйбышев) и Кирилл Дмитриевич Вишневский. Я пришёл на это заседание, но когда стали оформлять всех желающих вступить в члены ВОФ, то меня не приняли, так как по Уставу Общества лица до 17 лет не могли быть приняты. За меня вступились – Яков Гаврилович Слициан, с которым мы в короткий срок подружились, несмотря на разницу в возрасте, и юрист Виктор Евгеньевич Соркин (в будущем начальник ОБХСС в областном УВД). И тут произошёл забавный случай. Кирилл Дмитриевич вдруг, приглядевшись, спросил: «А ты, случайно, не Ниночки ли Шишкиной сын?» И, когда я признался, он меня поддержал и настоял на том, чтобы меня в порядке исключения приняли в члены ВОФ. Я помню, он сказал, что таких, серьёзно относящихся к собирательству людей и среди взрослых мало. Видимо, это у него было что-то из маминой информации обо мне. И меня приняли! И мы с Кириллом Дмитриевичем подружились уже на равных, на едином, «взрослом» интересе.

Вскоре я побывал у него дома, где познакомился со всей его коллекцией марок. Конечно, я за прошедшие десятилетия превзошёл его много раз и в раскрытии, и в количестве материала. Оно и понятно, во-первых, для него это не было каким-то отдельным от профессии делом, каким-то домашним хобби. Совсем нет, ведь

его тематическая коллекция была озаглавлена «Мировая культура и литература», что было просто частью и продолжением его научного и преподавательского процесса. Во-вторых, тему эту тогда невозможно было широко и полно раскрыть филателистическими средствами, ибо всё рассматривалось под углом соцреализма, односторонне, как это я понимаю сейчас. И никаких Булгаковых и Мейерхольдов там не было и быть не могло.

Но, тем не менее, для меня знакомство с его коллекцией стало некоей первой ступенькой вверх по пути коллекционирования, ибо впервые у Вишневого я увидел коллекционный материал, не просто размещённый в альбомах и кляссерах (специальных альбомах для марок), а снабжённый обширными поясняющими надписями, т.е. не просто было подписано «Писатель Николай Лесков», а дополнено: «живший тогда и там-то в Пензенской губернии...» и прочее, и прочее, да ещё и цитатой из произведения снабжено.

Вот тогда я понял важность такой подачи материала и взял себе на вооружение навсегда. Усвоил, что именно так надо подписывать фотографии в семейных альбомах (что я всю жизнь и делаю, хотя таких альбомов уже сотни!) и именно так надо подавать подписи в собственных издаваемых альбомах и книгах, в публикациях и на организованных выставках.

Мы не так часто общались наедине, хотя виделись в клубе каждый выходной многие-многие годы. И неизменно, расставаясь, он говорил: «Маме от меня большой поклон!»

Кирилл Дмитриевич часто в клубе выступал с рассказами и небольшими лекциями (если их можно так назвать) на тему своей коллекции. Как правило, помню, это были такие беседы-зарисовки из культурно-литературного краеведения. У нас практиковались подобные «ликбезы» на разные темы, которые проводили опытные коллекционеры.

Поэтому не удивительно, что в нашем общении появилась новая волна, связанная именно с пензенским краеведением.

Когда вышел мой альбом по истории пензенского театра, у нас состоялся очень длительный, часа в два-три, разговор. Кирилл Дмитриевич сыпал фактами и воспоминаниями, деталями и историями о нашем театре, где он долгое время занимался фактически работой, считавшейся для него общественной. И вот сегодня, когда я стал писать об этом, мне вспомнилась ещё одна встреча с Вишневым дома у пензенского краеведа О. М. Савина ещё задолго до выхода моего альбома. Как-то Олег Михайлович попросил меня подобрать из моего архива ряд фотографий для своей книги «Пенза

театральная», а когда я привёз ему их домой, то застал там Вишневского. Фотографий я прихватил довольно много (на выбор), мы их пересматривали вместе. И, когда значительнейшая часть была мне возвращена, Кирилл Дмитриевич посетовал, что такие раритеты неизвестны широкому кругу людей. Как знать, может, и этот довод мастера в моей голове впоследствии сыграл какую-то роль в принятии решения о работе над альбомом по истории пензенского театра?

И ещё один долгий и памятный разговор у нас состоялся после выхода двух пензенских изданий – книги воспоминаний Вишневского «Пенза и пензяки» и моего первого альбома «Пенза. Листая старый альбом...» с фотографиями 1940-х – 1960-х гг., как бы ставшего иллюстрацией книги Кирилла Дмитриевича. Листая альбом, он добавил мне много штрихов и своих воспоминаний к старым фотографиям. А я его порадовал несколькими фотографиями 1950-х гг. его двора позади дома, в котором он жил в детстве, на пересечении Садовой и Суворовской улиц (Лермонтова и Куйбышева). И мы с ним, помню, так сошлись в наших суждениях по поводу полемики о «пензяках» и «пензенцах»!

Но осталась одна заноза в памяти. Незадолго до его смерти я позвонил ему и с радостью сообщил, что нашёл прекрасную групповую дореволюционную фотографию пензенских врачей, на которой есть его отец. Фотография ему была неизвестна, он попросил её привезти, но чуть попозже, сославшись на недомогание. И пообещал мне позвонить, как поправится. Не могу смириться с тем, что, даже зная о том, что все мы не вечны, каждую смерть воспринимаешь как внезапную. Может, если б я его не послушал и просто доехал бы до него и передал ему фотографию отца, то это было бы правильнее?

Вот и всё, что могу сказать об этом человеке. Человеке, мне вовсе не родном, не очень близком, но мною глубоко уважаемом. Кирилл Дмитриевич был одним из тех людей, которые в моей жизни оставили добрый след и светлую память и как-то повлияли на то, чтобы и я стал человеком.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Инюшкин Николай Михайлович, студент историко-филологического факультета ПГПИ в 1954–1959 гг. Журналист, культуролог, краевед-энциклопедист, доктор философских наук, профессор ПГУ.

Горланов Геннадий Елизарович, студент историко-филологического факультета ПГПИ в 1962–1966 гг. Писатель, краевед, литературовед, доктор филологических наук, профессор ПГУ.

Шигин Борис Владиленович, студент историко-филологического факультета ПГПИ в 1970–1975 гг. Поэт, журналист, главный редактор журнала «Сура».

Рассказова Лариса Викторовна, студентка историко-филологического факультета ПГПИ в 1971–1976 гг. Кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Пензенской области.

Пранцова Галина Васильевна, студентка историко-филологического факультета ПГПИ в 1971–1976 гг. Кандидат педагогических наук, профессор кафедры «Литература и методика преподавания литературы» ПГУ.

Христолюбова Ольга Владимировна, студентка историко-филологического факультета ПГПИ в 1971–1976 гг. Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» ПГУ.

Пугачёв Олег Сергеевич, студент историко-филологического факультета ПГПИ в 1972–1977 гг. Доктор философских наук, профессор кафедры «Философия, история и иностранные языки» ПГАУ.

Малязёв Виктор Евгеньевич, студент историко-филологического факультета ПГПИ в 1981–1985 гг. Кандидат исторических наук, член СП России, директор МБОУ СОШ им. И. А. Никулина с. Степановка Бессоновского района.

Куликанов Александр Валентинович, студент историко-филологического факультета ПГПИ в 1981–1985 гг. Учитель, директор ГБОУ ПО «Вечерняя (сменная) общеобразовательная школа».

Инюшкин Дмитрий Николаевич, студент историко-филологического факультета ПГПИ в 1982–1986 гг. Учитель, журналист.

Шмелькова Вера Викторовна, студентка историко-филологического факультета ПГПИ в 1982–1986 гг. Доктор филологических наук, профессор кафедры «Русский язык как иностранный» ПГУ.

Чубарь Оксана Валерьевна, студентка историко-филологического факультета ПГПИ в 1988–1993 гг. Директор ГТРК «Пенза».

Викторова Елена Викторовна, студентка историко-филологического факультета ПГПУ в 1997–2002 гг. Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и практика социальной работы» ПГУ.

Мешкова Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры «Изобразительное искусство и культурология» ПГУ.

Шишкин Игорь Сергеевич, коллекционер, геральдист, краевед, издатель. Заслуженный работник культуры Пензенской области.

Мемориальное издание

Человек-радость

*К 100-летию выдающегося ученого,
педагога, просветителя-энциклопедиста
К. Д. Вишневого*

Под редакцией **Инюшкина** Николая Михайловича

Редактор *Т. Н. Судовчихина*
Технический редактор *Н. В. Иванова*
Компьютерная верстка *Н. В. Ивановой*
Дизайн обложки *И. В. Шваревой*

Подписано в печать 10.01.2023.
Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,93.
Тираж 300. Заказ № 4.

Издательство ПГУ.
440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
Тел.: (8412) 66-60-49, 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru